

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований

sgjournal.ru

№ 3 (3) / 2021

Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований

№ 3 (3)

Вологда 2021

Издается с июля 2021 года

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»

Главный редактор:

Е. Л. Харьковский

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой
право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Дата выхода в свет: 30.12.2021

Журнал представлен на сайте в свободном бесплатном доступе
в полнотекстовом формате

Адрес редакции: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2
Телефоны: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70
E-mail: sgjournal@mail.ru

Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: sgjournal.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства
массовой информации Эл № ФС77-81296 от 09.06.2021

© ВИПЭ ФСИН России, 2021

All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities

No. 3 (3)

Vologda 2021

Founded in June 2021

Issued four times a year

Founder:

Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education
“Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia”

Editor-in-Chief:

Evgeny L. Kharkovsky

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.
Manuscripts are reviewed and not returned to the authors. The editor reserves the right
to abridge and edit the manuscripts submitted

Date of publication: December 30, 2021

The journal is available online and provides open
and free-of-charge access to its content in full-text format

Address of the editorial office:

2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation

Phones : (8172) 51-46-12, (8172) 51-82-50, (8172) 51-98-70

E-mail : sgjournal@mail.ru

Website: sgjournal.ru

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media. Certificate of registration
EI No. FS77-81296 dated June 9, 2021

© VIPE FSIN Russia, 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (главный редактор);

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор (заместитель главного редактора);

Ласточкин А. Н. – старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент (ответственный секретарь);

Вахнина В. В. – профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор психологических наук, профессор;

Ганишина И. С. – начальник кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Егоров А. Н. – заведующий кафедрой истории и философии Череповецкого государственного университета, доктор исторических наук, доцент;

Касаткина С. С. – профессор кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета, доктор философских наук, доцент;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Малышев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Оботурова Н. С. – профессор кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор философских наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Поздняков В. М. – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Стуканов В. Г. – начальник кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь, доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, профессор;

Токомбаева А. Т. – профессор кафедры криминалистики, специальной техники и психологии Академии МВД им. Э. Алиева Киргизской Республики, кандидат психологических наук, доцент.

EDITORIAL BOARD:

Evgeny L. Kharkovsky – Head of VIPE FSIN Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor (Editor-in-Chief);

Elvira V. Zautorova – professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at VIPE FSIN Russia, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Deputy Editor-in-Chief);

Aleksandr N. Lastochkin – senior researcher of the Research Laboratory at the Organizational and Research Department of VIPE FSIN Russia, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor (Executive Secretary);

Viktoriya V. Vakhnina – professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Professor;

Irina S. Ganishina – head of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at the Academy of FSIN Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Andrei N. Egorov – head of the Department of History and Philosophy at Cherepovets State University, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Svetlana S. Kasatkina – professor of the Department of History and Philosophy at Cherepovets State University, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Aleksandr L. Kuzminykh – professor of the Department of Philosophy and History at the Faculty of Psychology of VIPE FSIN Russia, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Konstantin B. Malyshev – professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at the Faculty of Psychology of VIPE FSIN Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Natal'ya S. Oboturova – professor of the Department of Philosophy and History at the Faculty of Psychology of VIPE FSIN Russia, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Oksana B. Panova – professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at the Faculty of Psychology of VIPE FSIN Russia, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor;

Vyacheslav M. Pozdnyakov – professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology at Moscow State Psychological and Pedagogical University, Doctor of Sciences (Psychology), Professor;

Vitalii G. Stukanov – head of the Department of Psychology and Pedagogy at the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Doctor of Sciences (Pedagogy), Candidate of Sciences (Psychology), Professor;

Aisulu T. Tokombaeva – professor of the Department of Criminalistics, Special Technique and Psychology at Ergesh Aliyev Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

РОЗОВА И. Н.

Через музыкальную импровизацию к развитию эмоционально-эстетического отношения детей к произведению искусства7

КОВАЛЕВ С. В., УШАКОВ В. С.

Организация рабочих учебных мест в образовательных организациях ФСИН России15

БОЙКО С. В., ЖУКОВ Д. В.

Характеристика социально-психологической адаптированности учащихся вузов18

УДАЛЬЦОВА М. О.

Самооценка управленческих компетенций руководителей в структуре профессионального самосознания личности в связи с оценками экспертов26

ПАВЛУШКОВ А. Р.

К вопросу о правосознании русского общества середины XIX в.: представления крестьян о божественном суде29

КУЗЬМИНЫХ А. Л.

История советского плена и интернирования Второй мировой войны в контексте современных диссертационных исследований35

АГАФОНОВ Е. А.

Язык как основа диалога культур в глобальном мире52

КОМАРОВА Е. А.

К проблеме футурологических концепций понимания общества56

МЕЛЬНИКОВА А. С.

Явление палатализации в заимствованных словах в русском языке61

ANNA MELNIKOVA

Palatalization in Russian Loanword Phonology68

CONTENT

IRINA N. ROZOVA

Through musical improvisation to the development of children's emotional-aesthetic attitude to a work of art7

SERGEY V. KOVALEV, VLADISLAV S. USHAKOV

Organization of workplaces in educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia15

STANISLAV V. BOYKO, DMITRY V. ZHUKOV

Characteristics of the socio-psychological adaptability of university students18

MARIA O. UDAL'TSOVA

Self-esteem of managerial competencies of managers in the structure of professional consciousness of the individual in connection with the assessments of experts26

ALEXANDR R. PAVLUSHKOV

On the issue of the legal consciousness of Russian society in the middle of the 19th century: the ideas of the peasants about the God judgment29

ALEXANDR L. KUZMINYKH

History of Soviet captivity and internment of World War II in the context of modern dissertation researches35

EVGENY A. AGAFONOV

Language as the basis of the dialogue of cultures in the global world52

EVA A. KOMAROVA

On the problem of futurological concepts of understanding society56

ANNA S. MELNIKOVA

Palatalization in Russian Loanword Phonology (*in Russian*).....61

ANNA MELNIKOVA

Palatalization in Russian Loanword Phonology (*in English*).....68

Через музыкальную импровизацию к развитию эмоционально-эстетического отношения детей к произведению искусства

И. Н. РОЗОВА – преподаватель Детской школы искусств «Гармония», преподаватель кафедры дошкольного образования Череповецкого государственного университета, кандидат педагогических наук

В статье рассматривается проблема подмены эмоционально-эстетического отношения к искусству технологичным, теоретическим, познавательным и другими подходами, обсуждаются пути осознания детьми 5–8 лет эмоционального содержания произведения искусства. Уделено внимание самовыражению и развитию личности ребенка через его сопереживание образу героя в музыкальной импровизации (инструментальной, вокальной), выраженное в диалоге эмоциональное общение с автором произведения.

Ключевые слова: эмоционально-эстетическое отношение; произведение искусства; импровизация музыкальная; словарь эмоций; эстетические эмоции.

5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Розова И. Н. Через музыкальную импровизацию к развитию эмоционально-эстетического отношения детей к произведению искусства. *Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований*, 2021, № 3 (3), с. 7–14.

Through musical improvisation to the development of children's emotional-aesthetic attitude to a work of art

IRINA N. ROZOVA – Teacher of the Children's Art School "Harmony", Teacher of the Department of Preschool Education of the Cherepovets State University, Candidate of Sciences (Pedagogy)

The article discusses the problem of replacing the emotional and aesthetic attitude to art with technological, theoretical, cognitive and other approaches, discusses ways of understanding the emotional content of a work of art by children aged 5-8 years. Attention is paid to the self-expression and development of the child's personality through his empathy with the image of the hero in musical improvisation (instrumental, vocal), emotional communication with the author of the work expressed in dialogue.

Keywords: emotional and aesthetic attitude; work of art; musical improvisation; a dictionary of emotions; aesthetic emotions.

5.8.1 – General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Rozova I. N. Through musical improvisation to the development of children's emotional- aesthetic attitude to a work of art. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2021, No. 3 (3), pp. 7–14.

У дошкольников и младших школьников довольно часто происходит подмена эмоционально-эстетического отношения к искусству непосредственно-эмоциональным, познавательным, нравственным и т. п. Предметно-функциональное, объек-

тивистско-механистическое отношение к искусству не позволяет ребенку адекватно общаться с произведением на уровне диалога с его автором через образ героя. Диалогизация отношений предполагает взаимосвязь переживаний ребенка и творца.

Равенство позиций в общении проявлять, как нам представляется, возможно в равенстве эмоционально-эстетического самовыражения в виде художественных настроений-образов в музыкальной импровизации (вокальной, инструментальной) в момент яркого эмоционального отклика. В результате этого у ребенка происходит обогащение эмоционально-эстетических позиций, формирование и развитие эстетического сознания, становление музыкальной культуры и уровня художественного восприятия в целом.

В работах Л. С. Выготского, В. К. Вилюнаса, В. В. Медушевского, Г. М. Бреслава, В. Г. Ражникова, Б. М. Теплова, П. М. Якобсона и др. можно проследить общее мнение всех исследователей о том, что смыслом искусства является его эмоциональное воздействие на человека.

Л. С. Выготский считал, что искусство есть обобщенная техника чувства, орудие общества, с помощью которого оно вовлекает в круг социальной жизни самые интимные стороны нашего существа¹. Посредством искусства наши чувства перестают быть индивидуальными, становятся общественно-родовыми. Такое понимание позволяет утверждать, что произведения искусства способны формировать эмоционально-эстетическое отношение.

В педагогических исследованиях, посвященных эмоциональному воспитанию и развитию личности, раскрываются отдельные аспекты этих направлений: формирование эмоционально-эстетического отношения в процессе восприятия музыкальных произведений (Н. А. Ветлугина, Д. К. Кабалецкий, Г. А. Праслова, О. П. Радынова, В. О. Усачева и др.); формирование эмоционально-эстетического отношения в процессе восприятия литературных произведений (З. И. Новлянская, В. Г. Ражников, В. А. Сухомлинский, Е. М. Торшилова и др.); формирование эмоционально-эстетического отношения в процессе восприятия произведений изобразительного искусства (А. Г. Гогоберидзе, В. А. Деркунская, С. К. Кожохина, А. А. Мелик-Пашаев, Н. С. Ульянова и др.); эмоциональная оценка как показатель эстетического отношения детей к результатам своей деятельности (О. П. Радынова, В. Г. Ражников и др.) и т. д.²

Теряя эмоциональную непосредственность в процессе понимания художественных произведений, ребенок утрачивает личностное эстетическое отношение к ним. Мы разделяем внимание И. В. Вахнянской

к этой проблеме в части того, что одна из самых сложных задач – сохранить эмоциональную непосредственность при возрастающей технологичности анализа произведений искусства, углублении в их содержание с помощью теоретических основ и законов.

Эстетическая эмоциональность предполагает наличие у ребенка непосредственных эмоций, но уже в «окультуренной» форме³. С. Х. Раппопорт пишет, что все человеческие эмоциональные переживания необходимо делить на художественные (эстетические) и обыденные (житейские). Художественные эмоции существуют только в особой художественной системе (восприятие, представление, понятие).

Искусствоведческие и эстетические работы позволяют представить произведения искусства (музыкальные, литературные, художественно-изобразительные, хореографические и пр.) как особую форму эмоционального наполнения. Эстетическая деятельность складывается из двух взаимодополняющих компонентов: самовыражения и сопереживания. Первоначальной деятельностью по формированию эмоционально-эстетического отношения к произведению искусства у детей выступает сопереживание. Далее, по мере углубления в эмоционально-эстетические чувства и художественные образы произведения, на смену ему приходит искреннее самовыражение ребенка через движение, ритм, игру на детских музыкальных инструментах, инструментах классических (фортепиано, гитара), пение, вокализацию, слова, обозначающие настроение.

И. Л. Вахнянская в монографии «Эмоционально-эстетическое развитие младших школьников в учебной деятельности» пишет: «Материалы позволяют в самом общем виде выработать представление об эмоционально-эстетическом отношении как отношении общения, рефлексии и действия.

Эстетическое отношение как чувство относится к разряду высших чувств и выступает одним из показателей развития личности, определяя ее многообразные отношения к миру, природе и себе. Характеризуется оно тем, что пронизано интеллектуальным началом, предполагая суждение и оценку. Лежит в основе эмоционального мышления (по Л. С. Выготскому). В деятельности и общении выступает их мотивом»⁴.

Мы предлагаем развивать эмоционально-эстетическое отношение к произведению искусства у детей старшего дошкольного возраста (5–7 лет) и младшего школьного

возраста – первоклассников (8 лет) – посредством музыкальной импровизации.

Сопереживание и самовыражение проявляются как общение и действие в разновидностях музыкальной импровизации: инструментальной, вокальной. Импровизация является средством превращения эмоционального общения через действие в эмоционально-эстетическое суждение и оценку. Предметом общения становится собственное эмоционально-эстетическое отношение, выраженное посредством музыкальной импровизации. Ребенок начинает осознавать себя партнером по эмоциональному общению и в жизни, и в искусстве.

По результатам изучения психолого-педагогической литературы, а также искусствоведческих и методических материалов по импровизации мы определяем данный феномен как особый вид художественного творчества, сиюминутное фантазирование, при котором процесс сочинения-исполнения и продукт (новообразование) совпадают во времени. Главный признак импровизации – создание нового продукта (новообразования), отсюда вытекают важные характеристики художественной импровизации: новизна, нестандартность, эмоциональная окрашенность, образность, необходимая искренность и открытость⁵.

Опишем три ступени постепенного и последовательного овладения музыкальной импровизацией, которую мы рассматриваем как средство развития эмоционально-эстетического отношения к произведению искусства у старших дошкольников и младших школьников (первоклассников):

1. Импровизация – подражание художественно-эстетическому эталону. В этом виде импровизации у детей развивается понимание содержания эстетических эмоций, их выразительности, что позволяет открыть эмоциональный смысл произведения искусства. Она проявляется как способ исполнения через произвольные движения, эмоциональные отступления от оригинала при игре на инструменте или голосом, ритм тембров (на детских музыкальных инструментах) и ощущение входа в эмоциональный настрой и попытку понять произведение изнутри. Так у ребенка начинает формироваться свое эмоционально-эстетическое отношение к произведению искусства. При этом эмоциональное реагирование ребенка проявляется в форме эмоциональной идентификации.

2. Импровизация с элементами творческой инициативы. Такая импровизация под-

разумеет частичное соисполнение и частичную самостоятельность в виде личной творческой инициативы. Это является более осмысленным выражением со стороны ребенка эмоционально-эстетического отношения к произведению искусства через вокальную импровизацию, инструментальную импровизацию на фортепиано, гитаре, детских музыкальных инструментах, оригинальное сочетание тембров и звукоподражаний в рамках общей композиции.

Понимание эмоционального содержания и умение выразить свое личностное эмоционально-эстетическое отношение и сопереживание произведению искусства – главные характеристики импровизации второй ступени. В эмоциональном реагировании детей проявляется форма их эмоционального обособления.

3. Импровизация – личностная история подразумевает овладение способностью выражать не только свое утвердившееся эмоционально-эстетическое отношение к произведению искусства, но и свое эмоционально-эстетическое суждение о нем посредством импровизации – своей истории, появившейся в результате впечатления от восприятия. На этом уровне рождается диалогизация отношений, возникает взаимосвязь переживаний ребенка и автора. Это полноценное равенство позиций в общении ребенка с произведением искусства: он сам сочиняет-импровизирует вокальную мелодию, сам создает инструментальную музыку на классических детских музыкальных инструментах, получая от этого эстетическое удовольствие. Эмоциональное обособление в данном виде импровизации является основной формой эмоционального реагирования детей⁶.

Использование музыкальной импровизации в процессе развития эмоционально-эстетического отношения к произведению искусства у детей 5–8 лет требовало пристального внимания к траектории развития каждого ребенка. Индивидуализация обучения и дифференцированный подход осуществлялись на трех уровнях: психологическом, педагогическом и методическом. В трудах Б. М. Теплова, К. В. Тарасовой, Е. В. Назайкинского и другие исследователи обращается внимание на неравномерность темпа созревания функциональных систем, что обусловлено многими индивидуально-психологическими факторами. Поэтому так важен индивидуально-дифференцированный подход к процессам познания ребенком эстетических эмоций, художе-

ственных настроений-образов, развития у него эмоционально-эстетического отношения к произведениям искусства.

Почему в исследовании использовались виды музыкальной импровизации, в частности вокальной и инструментальной? Ведь существуют более доступные, более любимые детьми моторно-двигательная импровизация, пластическая или цветовая импровизация, которые тоже развивают эмоционально-эстетическое отношение ребенка к произведению искусства. Вопрос вполне правомерен. Следует обратиться к результатам диагностики первого этапа, которая позволила проанализировать возможность осуществления процесса развития эмоционально-эстетического отношения к произведению искусства у детей через общение и действие в импровизации.

Опытно-экспериментальной базой исследования явился детский сад развивающего вида № 91 г. Череповца. В констатирующем эксперименте участвовали 60 чел.: экспериментальная группа (ЭГ) – 30 детей, контрольная группа (КГ) – 30 детей. В пилотажном исследовании приняли участие 22 ребенка 1А класса средней общеобразовательной школы № 16 г. Череповца.

Для того чтобы выявить предпочтительный вид деятельности, осуществляемой под музыку, который в нашей работе с детьми приобретет форму импровизации, мы использовали игровую ситуацию «Лесенка»⁷. Методика проведения исследования включает три этапа:

1. Ребенку предлагают рассмотреть картинки, на которых дети занимаются разными видами деятельности (пением, игрой на музыкальных инструментах, танцами, рисованием, конструированием, театральными представлениями, выкладыванием узоров, сочинением стихов), и выбрать, какой деятельностью он хотел бы заниматься, если бы слушал музыку.

2. Ребенку задают три вопроса: ты бы захотел спеть или станцевать для своих друзей? ты бы захотел прочитать стихотворение или спеть свою любимую песню воспитателю / музыкальному руководителю? тебе приятно выступить перед группой детей? Ответы демонстрируют степень готовности ребенка к участию в импровизации.

3. Ребенку дают возможность по его выбору заняться любым из видов деятельности, предложенных на картинках, в процессе слушания музыкального произведения («В пещере горного короля» Э. Грига, «Балет невылупившихся птенцов» М. П. Мусоргско-

го, «Апрель» П. И. Чайковского). Выбор детей показывает, насколько их предполагаемые высказывания соответствуют реальным действиям и вызывает ли у них положительные эмоции предложенная альтернатива.

В результате диагностических заданий в игровой ситуации «Лесенка» дети разделились на группы в зависимости от предпочтения определенного вида деятельности под музыку. Самым любимым видом деятельности под музыку у детей (ЭГ, КГ) являются танцы (27,5 %), далее следуют игра на детских музыкальных инструментах (25 %), рисование (17,5 %), пение (12,5 %), театрализованная деятельность (7,5 %), конструирование (2,5 %). Сочинение стихов никто из детей не выбрал⁸. Также измерялись положительные эмоции детей при выполнении импровизации: 66,6 % – ЭГ; 63,3 % – КГ.

Таким образом, игра на детских музыкальных инструментах занимает второе место, пение – только четвертое место из восьми предложенных видов деятельности. Далее мы более детально рассмотрим процесс формирования видов музыкальной импровизации у детей.

По мнению К. В. Тарасовой, становление музыкальной импровизации соответствует этапам общего психического и музыкального развития ребенка. По нашим наблюдениям, первые попытки импровизации предпринимаются детьми 4–5 года жизни. Это пробы игры на детских музыкальных инструментах, как правило на фортепиано, ксилофоне, металлофоне и др. Довольно часто музыкальные импровизации появляются как музыкальные иллюстрации к рассказам и сказкам. Дети 5–7 лет способны создавать посредством импровизирования голосом и на инструменте образы в разных настроениях.

Многим детям 5–8 лет, включая первоклассников, вокальная импровизация дается гораздо труднее инструментальной (вот почему пение заняло четвертое место в ранжировании любимых видов деятельности). Возможно, непопулярность пения связана с особенностями детского голосового аппарата и небольшим звуковым вокальным диапазоном, что может сковывать детей в самовыражении. Кроме того, чисто поющие дети дошкольного и школьного возраста – большая редкость. Все распространенные вокально-хоровые методики по выстраиванию координации между слухом и голосом все-таки ориентированы на детей, специально отобранных для пения. Поэтому, используя вокальную импровизацию в

работе со всеми детьми дошкольной группы или класса, нельзя дать никакой иной оценки детского творчества, кроме как художественной, максимально совпадающей с интонационным замыслом эстетического образа. Вокальная импровизация, идущая от слова (считалка, потешка, дразнилка, загадка и пр.), может сыграть доминирующую роль в понимании вокального интонирования. Работа с вокальной импровизацией детей требует от преподавателя специальной подготовки и тонкой настройки, доступной лишь взрослому музыканту, «потому что между выговариванием и пением находится та же грань, что между еще не музыкой и уже музыкой»⁹. Такая музыкальная работа позволяет проследить движение от речевого интонирования к вокальному, окрашенному настроением произведению искусства. Увлеченное руководство этим процессом требует мастерства.

В школьных программах музыкальную импровизацию не рассматривают как обязательную часть урока музыки. К тому же в системе подготовки учителей музыки отсутствует соответствующий раздел методики. Использование в работе с учащимися музыкальной импровизации зависит от подготовленности к этой работе самого учителя, уровня его собственного творческого развития, музыкального вкуса и заинтересованности.

В ходе опытно-экспериментальной работы на констатирующем этапе нас вдохновляла точка зрения на проблему творчества, в том числе детскую музыкальную импровизацию, у младших школьников В. О. Усачевой. Она действительно говорит о том, что необходимо как можно раньше принести детям знание о самих себе как первосоздателях музыки, авторах звучащего удовольствия. Звучащая мысль, звучащая идея, звучащее настроение – огромная и притягательная тайна взаимодействия ребенка с окружающим миром. Кроме того, думать музыкой в вокальной или инструментальной импровизации нельзя правильно или неправильно. «Думать музыкой – это удивительное свойство человека, наслаждение, способ решения проблем, диалог с собой»¹⁰. На вопрос, зачем в общеобразовательной школе нужно заниматься музыкальной импровизацией, В. О. Усачева отвечает: «Чтобы развивать артистизм мышления! Если и не победить великую кривую человеческой цивилизации, то хотя бы сохранить частицу достигнутого»¹¹.

Итак, настроение музыкальной пьесы возможно прочувствовать, понять, пере-

жить и выразить через общение и действие в музыкальной импровизации.

Всем известно, что музыка – это абстрактный и поэтому самый искренний вид искусства. Она оперирует эмоциями и чувствами. Детям трудно понять содержание музыки потому, что у них очень конкретное образное мышление. Ребенку нужна помощь в расшифровке музыкального содержания. Синтез искусств – музыка, поэзия, живопись, подобранные на основе одного эмоционального источника, одной эстетической эмоции, художественного настроения, – поможет раскрыть содержание музыки. Каждое произведение (музыкальное, художественно-изобразительное, литературное), с которым знакомится ребенок, привносит новое содержание в его внутренний мир.

От непосредственного эмоционального отклика ребенок постепенно приходит к способности сознательно, дифференцированно оценивать эмоционально-эстетическое содержание и развитие. Немалую роль в этом процессе играет освоение словаря эмоций под непосредственным руководством взрослого. Обучение детей 5–8 лет языку эмоций с помощью увеличения объема словаря является необходимым средством становления его эмоционального опыта и развития эмоционально-эстетического отношения к произведению искусства. Дети начинают более точными словами определять характер музыки, глубже становятся их эстетические переживания, развиваются необходимые умения (анализировать, синтезировать, сравнивать, сопереживать, рефлексировать).

Для того чтобы диагностировать объем словаря эмоций и степень понимания детьми средств музыкальной выразительности, мы использовали методику Г. А. Прасловой «Сравни настроение музыки»¹². Музыкальный материал подбирался с различной степенью контраста:

– контрастные музыкальные произведения в пределах одного настроения («Песня жаворонка» из «Детского альбома» П. И. Чайковского и «Утро» из цикла «Детская музыка» С. С. Прокофьева);

– контрастные произведения с одинаковыми или близкими названиями («Шарманка» Д. Шостаковича и «Шарманщик поет» П. Чайковского).

Детям в зависимости от возраста предлагались вопросы и задания различной степени сложности: одинаковы ли музыкальные произведения по характеру? в чем их отли-

чие или сходство? какое настроение передано в музыкальном произведении? назови как можно больше слов, соответствующих характеру музыки; назови, какое музыкальное произведение понравилось больше; почему? Проводилась беседа с детьми о средствах музыкальной выразительности и выразительности цвета как носителя настроения в произведении искусства. Учитывались эмоциональная окрашенность ответов и наличие музыкальных предпочтений.

Результаты диагностики старших дошкольников оказались следующими:

- начальный уровень объема словаря эмоций: ЭК – 56,6 %, КГ – 56,6 %;
- неустойчивый уровень объема словаря эмоций: ЭК – 36,6 %, КГ – 40 %;
- достаточный уровень объема словаря эмоций: КГ – 6,5 %, ЭГ – 3,3 %;
- начальный уровень предпочтений: ЭК – 56,6 %, КГ – 60 %;
- неустойчивый уровень эмоциональной окрашенности: ЭК – 40 %, КГ – 40 %.

Экспериментальная группа младших школьников-первоклассников (ЭГшк.) состояла из 22 чел. (дети 8 лет).

Результаты второго направления диагностики этих детей таковы:

- начальный уровень объема словаря эмоций – 59 %;
- неустойчивый уровень словаря эмоций – 22,7 %;
- достаточный уровень объема словаря эмоций – 18 %;
- начальный уровень предпочтений – 54,5 %;
- неустойчивый уровень эмоциональной окрашенности – 41 %.

Анализ результатов выполнения данного диагностического задания и ответов детей о настроении музыки показал, что у них не развит в достаточной степени словарный запас прилагательных, характеризующих музыку. Несмотря на разницу в возрасте, детям одинаково трудно подбирать 3–4 слова, точно определяющие настроение произведения искусства на языке музыкальной культуры и культуры эстетической.

Исходя из представления о том, что выразительные действия помогают открывать детям эмоциональный смысл произведения искусства, если они представлены как форма эмоционального общения детей с автором произведения и друг с другом, в работе с детьми использовались два варианта общения в эстетической ситуации: ребенок – композитор, композитор и дети-слушатели. В такой ситуации общения самовыражение

ребенка принимает форму выразительного действия в музыкальной импровизации (инструментальной и вокальной).

Третье направление диагностики имело целью изучение первоначального уровня умений в области музыкальной импровизации (инструментальной и вокальной) во взаимосвязи с первоначальным умением выражать настроение музыки и свою личностную позицию в ней. Мы использовали методику «Я – композитор» Г. А. Прасловой, адаптированную для нашего исследования¹³. Процедура включала следующее: а) сочинить инструментальную композицию на разные настроения: весело, грустно, сказочно-волшебное; б) разработать совместно с преподавателем или самостоятельно развитие замысла; в) подобрать музыкальные инструменты, выразительные интонации голосом, движения, адекватно передающие творческий замысел, и т. д.; г) прослушать музыкальные произведения и определить настроение: Р. Шуман «Веселый крестьянин» – весело, П. Чайковский «Старинная французская песенка» – грустно, М. Мусоргский «Баба Яга» – сказочно; д) творческое соисполнение на детских музыкальных инструментах; е) вокальное соисполнение под музыку Р. Шумана и П. Чайковского.

В числе параметров оценки можно назвать: самостоятельность в выборе исходной творческой задачи, оригинальность в сюжетном развитии музыкального образа, творческий подход к выбору тембров инструментов, соответствие темпу, ритму, настроению, обоснованность их применения, художественность и законченность.

Результаты диагностики третьего направления у дошкольников:

- начальный уровень: ЭГ – 70 %, КГ – 70 %;
- неустойчивый уровень: ЭГ – 30 %, КГ – 30 %;
- достаточный уровень: ЭГ – 0 %, КГ – 0 %.

Результаты диагностики третьего направления у первоклассников (детей 8 лет):

- начальный уровень – 59 %;
- неустойчивый уровень – 36,4 %;
- достаточный уровень – 4,5 %.

Анализ результатов диагностики показал, что музыкальная импровизация (инструментальная и вокальная) – малоиспользуемый вид деятельности в работе с детьми на музыкальных занятиях и уроках музыки. Дети с интересом отнеслись к музицированию и хотели бы заниматься музыкальной импровизацией, но пока у них мало опыта в этой деятельности.

Учитывая большое внимание, уделенное этому вопросу в психолого-педагогической литературе, движение за полноценное приобщение детей к эстетической культуре, а также основываясь на результатах констатирующей диагностики и первоначальной опытно-экспериментальной работы, сделаем ряд следующих выводов:

1. Специально организованные занятия по изучению эстетических эмоций выступают существенным условием формирования у старших дошкольников и младших школьников (первоклассников) эмоционально-эстетического отношения к музыке.

2. Исходной формой проявления эмоционально-эстетического отношения детей к произведению искусства является их самовыражение в музыкальной форме как выразительные действия.

3. Импровизация как выражение эмоционально-эстетического отношения детей к музыке переживает в творчестве каждого ребенка свое последовательное развитие: импровизация – подражание художественно-эстетическому эталону, импровизация

с элементами творческой инициативы, импровизация – личностная история.

4. Инструментальная (на детских и классических музыкальных инструментах: фортепиано, гитара) и вокальная импровизация (с текстом или вокализ) рассматривается как форма общения, рефлексии и действия.

5. Чтобы выразительные действия в музыкальной импровизации открывали детям эмоциональный смысл произведения искусства, они должны быть представлены как диалогизация эмоционального общения между творцом (автором произведения) и ребенком, и особенно между детьми. Выразительные действия рассматриваются нами как символы эстетической выразительности произведения искусства.

6. Для более точного, сознательного, дифференцированного оценивания эмоционально-эстетического содержания произведения искусства, развития личностного эмоционально-эстетического отношения к нему необходимо осваивать с детьми словарь эмоций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте: психологический очерк. СПб., 1997; Он же. Психология искусства. Ростов н/Д., 1998.

² Розова И. Н. Эмоциональное развитие детей 5–7 лет в дошкольном образовательном учреждении посредством художественной импровизации. Череповец, 2017. С. 19.

³ Вахнянская И. Л. Эмоционально-эстетическое развитие младших школьников в учебной деятельности. Ижевск, 1999. С. 33.

⁴ Там же. С. 49.

⁵ Розова И. Н. Эмоциональное развитие детей 5–7 лет в дошкольном образовательном учреждении посредством художественной импровизации. С. 41.

⁶ Там же. С. 55–58.

⁷ Гогоберидзе А. Г., Деркунская В. А. Детство с музыкой: современные педагогические технологии музыкального воспитания и развития детей раннего и дошкольного возраста. СПб., 2010. С. 208–209.

⁸ Розова И. Н. Эмоциональное развитие детей 5–7 лет в дошкольном образовательном учреждении посредством художественной импровизации. С. 78.

⁹ Теория и методика музыкального образования детей / Л.В. Школяр и др. М., 1998. С. 236.

¹⁰ Там же. С. 224.

¹¹ Там же. С. 223.

¹² Праслова Г. А. Теория и методика музыкального образования детей дошкольного возраста. СПб., 2005. С. 73.

¹³ Там же. С. 77.

REFERENCES

¹ Vygotsky L. S. *Voobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste: psichologicheskij ocherk* [Imagination and creativity in childhood: a psychological sketch]. Saint Peterburg, 1997. 96 p.; The same. *Psichologiya iskusstva* [Psychology of art]. Rostov on Don, 1998. 480 p. (In Russ.).

² Rozova I. N. *Emocional'noe razvitie detej 5–7 let v doshkol'nom obrazovatel'nom uchrezhdenii posredstvom hudozhestvennoj improvizacii* [Emotional development of children 5–7 years old in a preschool educational institution through artistic improvisation]. Cherepovets, 2017. P. 19. (In Russ.).

³ Vakhnyanskaya I. L. *Emocional'no-esteticheskoe razvitie mladshih shkol'nikov v uchebnoj deyatel'nosti* [Emotional and aesthetic development of junior schoolchildren in educational activities]. Izhevsk, 1999. P. 33. (In Russ.).

⁴ Ibidem. P. 49.

⁵ Rozova I. N. *Emocional'noe razvitie detej 5–7 let v doshkol'nom obrazovatel'nom uchrezhdenii posredstvom hudozhestvennoj improvizacii* [Emotional development of children 5–7 years old in a preschool educational institution through artistic improvisation]. P. 41. (In Russ.).

⁶ Ibidem. Pp. 55–58.

⁷ Gogoberidze A. G., Derkunskaia V. A. *Detstvo s muzykoj: sovremennye pedagogicheskie tekhnologii muzykal'nogo vospitaniya i razvitiya detej rannego i doshkol'nogo vozrasta* [Childhood with music: modern pedagogical technologies of musical education and development of children of early and preschool age]. Saint Peterburg, 2010. Pp. 208–209. (In Russ.).

⁸ Rozova I. N. *Emocional'noe razvitie detej 5–7 let v doshkol'nom obrazovatel'nom uchrezhdenii posredstvom hudozhestvennoj improvizacii* [Emotional development of children 5–7 years old in a preschool educational institution through artistic improvisation]. P. 78. (In Russ.)

⁹ Shkolyar L.V. et al. *Teoriya i metodika muzykal'nogo obrazovaniya detej* [Theory and methods of musical education for children]. Moscow, 1998. P. 236. (In Russ.)

¹⁰ Ibidem. P. 224.

¹¹ Ibidem. P. 223.

¹² Praslova G. A. *Teoriya i metodika muzykal'nogo obrazovaniya detej doshkol'nogo vozrasta* [Theory and methods of music education for preschool children]. Saint Peterburg, 2005. P. 73. (In Russ.)

¹³ Ibidem. P. 77.

Организация рабочих учебных мест в образовательных организациях ФСИН России

С. В. КОВАЛЕВ – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по кадрам;

В. С. УШАКОВ – заместитель начальника УФСИН России по Вологодской области

Статья посвящена описанию функционирования рабочих учебных мест в образовательных организациях ФСИН России с точки зрения целей и задач, организационно-правовых аспектов данной деятельности. В настоящее время этому вопросу уделяется крайне мало внимания, несмотря на то, что совмещение образовательного процесса и практической деятельности вне всякого сомнения является фактором, повышающим эффективность учебного процесса.

Ключевые слова: рабочие учебные места; образовательные организации; ФСИН России; учреждения уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

5.8.7 – Методология и технология профессионального образования.

Для цитирования: Ковалев С. В., Ушаков В. С. Организация рабочих учебных мест в образовательных организациях ФСИН России. *Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований*, 2021, № 3 (3), с. 15–17.

Organization of workplaces in educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia

SERGEY V. KOVALEV – Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia for Personnel;

VLADISLAV S. USHAKOV – Deputy Head of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda Region

The article is devoted to the description of the functioning workplaces in educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia from the point of view of goals and objectives, organizational and legal aspects of this activity. At present very little attention is paid to this issue despite the fact that the combination of the educational process and practical activity is undoubtedly a factor that increases the effectiveness of the educational process.

Keywords: workplaces; educational organizations; Federal Penitentiary Service of Russia; institutions of the Penitentiary System of the Russian Federation.

5.8.7– Methodology and technology of professional training.

For citation: Kovalev S. V., Ushakov V. S. Organization of workplaces in educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2021, No. 3 (3), pp. 15–17.

Практическая подготовка обучающихся образовательных организаций ФСИН России включает в себя привлечение сотрудников (работников) учреждений территориальных органов к проведению учебных занятий (в том числе выездных практических заня-

тий), учений, всех видов практик, государственной итоговой аттестации курсантов, рецензированию выпускных квалификационных работ и элементов образовательных программ.

Курсанты образовательных организаций ФСИН России проходят в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации учебные, производственные, преддипломные практики. Вузами разрабатываются программы (рабочие программы) практик, учитывающие последние изменения, вносимые в нормативно-правовые акты Минобрнауки России, ФСИН России. Прием промежуточного и итогового зачетов у курсантов по всем видам практик в обязательном порядке проводится с участием преподавателей – руководителей практик от образовательного учреждения, руководителей практик от территориального органа и представителя учебного отдела.

Эффективным средством повышения практической подготовки курсантов образовательных организаций ФСИН России являются рабочие учебные места (РУМ), которые моделируют рабочее место специалиста структурного подразделения учреждения (органа) уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Мы солидарны с мнением Е. В. Батищевой о том, что использование учебных рабочих мест позволяет профессорско-преподавательскому составу творчески организовать деятельность обучающихся, создавать максимально приближенные к реальной действительности ситуации, поиск выхода из которых потребует от курсантов (слушателей) владения методами анализа, сравнения, оценки, творческого поиска¹.

К сожалению, вопросам организации рабочих учебных мест в образовательных организациях уделяется крайне мало внимания.

Целями использования РУМ при реализации образовательного процесса являются: повышение качества образования за счет усиления его практической направленности путем отработки курсантами функциональных обязанностей сотрудников структурных подразделений учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, формирование интереса к избранной профессии, овладение передовыми методами работы, поиск наиболее эффективных способов решения служебных задач и выполнения профессиональных обязанностей, передача практического опыта от действующих сотрудников курсантам.

Обоснованным представляется создание РУМ на базе учреждений территориального органа в соответствии с направлениями подготовки образовательной организации. Однако не менее востребованной может стать организация РУМ на территории ведомственного вуза при кафедре под общим руководством ее начальника.

С помощью РУМ сотрудники, обеспечивающие практикоориентированный подход в обучении, решают следующие задачи:

- оказание обучающимся помощи в ознакомлении с условиями и особенностями их будущей профессиональной деятельности;

- закрепление и углубление знаний, полученных в результате теоретического обучения в институте;

- совершенствование профессиональных компетенций, приобщение обучающихся к практической деятельности в уголовно-исполнительной системе;

- повышение качества проведения практических занятий профессорско-преподавательским составом.

Важно раскрыть функциональный потенциал РУМ. Так, его применение позволяет осуществить:

- моделирование ситуаций практической деятельности (использование в ходе проведения деловых и ролевых игр, учений);

- изучение и анализ передового опыта деятельности подразделений уголовно-исполнительной системы;

- изучение должностных обязанностей, основных задач и направлений деятельности сотрудников подразделений уголовно-исполнительной системы;

- поиск, изучение и анализ нормативной правовой базы, регламентирующей определенные направления деятельности ФСИН России;

- организацию индивидуальной и групповой работы обучающихся, а также работы в малых группах с использованием материалов РУМ при изучении дисциплин специализации (профильных дисциплин);

- организацию и проведение консультаций по дисциплинам специализации (профильным дисциплинам);

- подготовку и написание обучающимися курсовых и выпускных квалификационных работ;

- использование специализированного программного обеспечения (работа с базами данных, обработка статистических материалов, использование диагностического инструментария).

Таким образом, РУМ является эффективной формой практикоориентированной организации образовательного процесса, которая вносит требуемую специфику в обучение будущих сотрудников. Учебно-методическое обеспечение РУМ профессорско-преподавательский состав кафедр осуществляет посредством выбора тем, изучаемых с его применением, оптимальных педагогических технологий, используемых программно-технических средств, а также подготовки необходимых дидактических материалов, программного обеспечения.

При использовании РУМ обучающиеся получают возможности адаптации к разнообразным условиям и методам профессиональной деятельности в широком спектре выполняемых сотрудниками уголовно-ис-

полнительной системы функций; выработки умений и навыков практической работы со служебной документацией, специализированным программным обеспечением; выполнения практических работ в полном соответствии с учебными программами по изучаемым дисциплинам, преподаватели – возможности моделировать реальные ситуации с применением элементов деловых игр и демонстрацией обучающимся конечных результатов их действий; интегрировать широкий спектр информационных ресурсов и обеспечивать их использование в зависимости от профессионального интереса; активизировать работу обучающихся в течение занятия; обеспечивать одновременную независимую работу обучающихся по различным направлениям деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Батищева Е. В. Учебные рабочие места и их роль в подготовке специалистов для УИС // Ведомости уголов.-исполнит. системы. 2014. № 6 (145). С. 46–48.

REFERENCES

¹ Batishcheva E. V. Educational workplaces and their role in the training of specialists for the UIS. *Vedomosti ugolov.-ispolnit. sistemy= Bulletin of the peni-tentiary system*, 2014, no. 6 (145), pp. 46–48. (In Russ.)

Характеристика социально-психологической адаптированности учащихся вузов

С. В. БОЙКО – старший научный сотрудник Военного университета радиоэлектроники, главный редактор журнала «Научная жизнь», кандидат философских наук, профессор;

Д. В. ЖУКОВ – военнослужащий Военного университета радиоэлектроники

В статье представлены результаты исследования влияния статусных характеристик учащихся военного и гражданского вузов на процесс их социально-психологической адаптации. Исследование проводилось среди курсантов Военного университета радиоэлектроники и студентов Череповецкого государственного университета. Данные вузы являются типичными высшими учебными заведениями, относящимися к различным ведомствам. Представленные результаты не претендуют на завершенность изучения проблемы адаптации, однако позволяют утверждать, что большинство студентов имеют удовлетворительный уровень социально-психологической адаптации, однако сохраняется необходимость их сопровождения со стороны администрации и профессорско-преподавательского состава.

Ключевые слова: социально-педагогическое исследование; адаптация; социальный опрос; результаты опроса; сферы жизнедеятельности респондентов; уровни адаптированности.

5.3.5 – Социальная психология.

Для цитирования: Бойко С. В., Жуков Д. В. Характеристика социально-психологической адаптированности учащихся вузов. *Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований*, 2021, № 3 (3), с. 18–25.

Characteristics of the socio-psychological adaptability of university students

STANISLAV V. BOYKO – Senior Researcher of the Military University of Radio Electronics, Editor-in-Chief of the Journal “Scientific Life”, Candidate of Sciences (Philosophy), Professor;

DMITRY V. ZHUKOV – Soldier of the Military University of Radio Electronics

The article presents the results of a study the influence of the status characteristics of students at military and civilian universities on the process of their social and psychological adaptation. The study on the socio-psychological adaptation of university students was carried out among the cadets of the Military University of Radio Electronics and students of the Cherepovets State University. These universities are typical higher education institutions belonging to different departments. The presented results do not pretend to be the completion of the study of the problem of adaptation, they allow us to assert that according to the methodology the majority of students have a satisfactory level of socio-psychological adaptation. However there is still a need for her support from the administration and the teaching staff.

Key words: socio-pedagogical research; adaptation; social poll; survey results; spheres of life of respondents; levels of adaptation.

5.3.5 – Social psychology.

For citation: Boyko S. V., Zhukov D. V. Characteristics of the socio-psychological adaptability of university students. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2021, No. 3 (3), pp. 18–25.

Проблематика социально-психологической адаптации личности и обуславливающих ее факторов приобретает все большую актуальность. Данный вопрос был рассмотрен в работах психоаналитиков (З. Фрейда¹, Э. Эриксона² и др.), сторонников интеракционизма, отмечающих роль фактора коммуникативности (Л. Филипса³, Т. Шибутани⁴), необихевиористов, требующих анализировать такие промежуточные переменные, как ожидания, установки, знания, в отношениях «стимул – реакция» (Э. Толмена⁵ и др.), приверженцев концепции гуманизма, считающих важнейшими факторами адаптации разделяемые ценностные ориентации (Р. Бернс⁶ и Д. Майерс⁷). Значительный интерес к социально-психологической адаптации отмечается и в трудах отечественных психологов Г. М. Андреевой⁸, А. И. Ивановой⁹, А. А. Налчаджяна¹⁰, А. А. Пергаменщика¹¹, И. А. Погодина¹² и др.

В этих работах достаточно подробно проанализирована роль психики личности (процессов, состояний, образований) в адаптационном процессе. Мы же поставили цель на основе социально-педагогического исследования показать степень освоения студентами трех основных социальных статусов – «студент-учащийся», «студент-специалист» («курсант-военнослужащий»), «студент-коллега» – и отличия адаптации и адаптированности у гражданских (студентов) и военных (курсантов) учащихся.

Было проведено вторичное социологическое исследование социально-психологической адаптации студентов вузов, основанное на материалах аналогичного социологического исследования, реализованного в 2008 г., с целью получения данных, демонстрирующих динамику изменения объекта исследования.

Анализ результатов социально-педагогического исследования был осуществлен в следующей последовательности:

1) конкретное описание состава респондентов;

2) описание процесса социально-психологической адаптации студентов в учебно-функциональной сфере жизнедеятельности студенческого коллектива;

3) описание процесса социально-психологической адаптации студентов в профессионально-служебной сфере жизнедеятельности студенческого коллектива;

4) описание процесса социально-психологической адаптации студентов в социально-бытовой сфере жизнедеятельности студенческого коллектива;

5) описание процесса социально-психологической адаптации студентов в целом и влияние на ее протекание различных факторов;

6) формулирование выводов и изучение социально-психологической адаптации как явления и социально-педагогического процесса.

В опросе приняли участие 106 респондентов (курсанты 1–5 курсов Военного университета радиоэлектроники (ВУ) и студенты Инженерно-технического института Череповецкого государственного университета (ЧГУ)), репрезентативных по учебным характеристикам, которые по социальному происхождению распределились следующим образом:

Из семей	ВУ (%)	ЧГУ (%)
рабочих	38	41
крестьян	4	3
государственных служащих	17	11
военнослужащих	35	7
интеллигенции	5	35
предпринимателей	1	3

По своему общеобразовательному уровню респонденты распределились в зависимости от того, где обучались до поступления в вуз:

Обучались до поступления в вуз	ВУ (%)	ЧГУ (%)
в Суворовском училище	4	–
средней школе	81	85
специализированной школе (гимназии, лицее)	3	5
техникуме, ПТУ	9	9
гражданском (другом) вузе (на 1–2 курсе)	3	1

Указанные учебные заведения окончили со средним баллом (данные по ВУ и ЧГУ примерно одинаковы): 3,0–3,5 – 4 %, 3,5–4,0 – 28 %, 4,0–4,5 – 44 %, 4,5–5,0 – 18 %, 5,0 – 4 %.

При этом имели оценки:

	По общественным дисциплинам (литература, история и др.) (%)	По точным дисциплинам (математика, физика) (%)
3	4	4
3 и 4	23	17
4	26	27
4 и 5	39	36
5	8	16

До поступления в вуз 4 % респондентов проходили действительную военную службу по призыву в армии на должностях рядового и сержантского состава.

При поступлении в вуз респонденты руководствовались следующей установкой:

Мотивы поступления в вуз	ВУ (%)	ЧГУ (%)
возможность получить высшее образование	64	68
склонность к профессии	40	52
желание и советы родителей, родственников	32	27
стремление к самостоятельности	29	30
привлекательность профессии	25	35
желание продолжить семейную традицию	24	21
близость учебного заведения к дому	57	87
мнение друзей (товарищей), реклама вуза	7	13
неуверенность в поступлении в другой вуз	6	26

Обучаясь в вузе, имеют твердую установку работать по профессии большинство респондентов (78 % – ВУ, 66 % – ЧГУ), не желает дальше работать по профессии каждый девятый (11 %), причем еще не определились или затруднились ответить 11 % в ВУ и 23 % в ЧГУ.

В целом полученные результаты типичны для большинства гражданских и военных вузов страны, что позволяет предположить, что метод гнездовой выборки совокупности избран верно.

В русле методологического подхода к пониманию сущности социально-психологической адаптации студентов мы исходим из следующих позиций:

1. Социально-психологическая адаптация студентов в целом складывается из социально-психологической адаптации студентов в учебно-функциональной, профессионально-служебной, социально-бытовой сферах жизнедеятельности студенческого коллектива. Данный подход развивал воен-

ный социолог Л. Г. Егоров, утверждавший, что процесс социально-психологической адаптации военнослужащих может происходить в виде профессионально-функциональной (профессиональной), общественно-политической адаптации и адаптации в сфере быта¹³.

2. Результатом социально-психологической адаптации студентов выступает социально-психологическая адаптированность в целом и по сферам.

3. Количественной мерой социально-психологической адаптированности студента является ее уровень.

Проанализировав полученные суммарные результаты и определив уровень адаптированности студентов в сферах жизнедеятельности студенческого коллектива, мы видим, что самый высокий индекс адаптированности курсантов ВУ наблюдается в профессионально-служебной сфере, чуть ниже – в учебно-функциональной, самый низкий – в социально-бытовой.

Анализ результатов по группам (ВУ и ЧГУ) показывает, что у студентов гражданского вуза самый высокий уровень адаптированности сформирован в социально-бытовой сфере. И это объяснимо, поскольку сфера быта для них кардинально не меняется. Самый же низкий уровень наблюдается в профессионально-служебной сфере, что можно объяснить недостаточной включенностью гражданских студентов в среду профессиональных отношений, в то время как курсанты ВУ с самого начала обучения в вузе тесно связаны с системой военно-служебных позиций, выполняя практические обязанности солдата, младшего командира, занимаясь несением караульной и внутренней службы и другими военно-служебными делами. Это позволяет курсантам быстрее адаптироваться к армейской среде.

Изучая социально-психологическую адаптацию в учебно-функциональной сфере, следует обратить внимание на несколько моментов. Согласно экспертному опросу, в ходе которого была проранжирована и определена весовая значимость каждой из выделенных сфер жизнедеятельности студенческого коллектива, учебно-функциональная сфера занимает ведущую позицию. Оказалось, что уровень адаптированности военных студентов в ней ниже, чем в военно-социальной. Отсюда можно сделать вывод, подтверждающий наши теоретические размышления о том, что чем сложнее структура отношений в социальной среде, тем медленнее протекает процесс социаль-

но-психологической адаптации в учебной области.

Рассматривая социально-психологическую адаптацию в учебно-функциональной сфере, нельзя не остановиться на ее слагаемых и факторах, которые влияют на более эффективное, оптимальное включение студента в систему отношений социально-психологической среды.

Оказывается, для студентов (80 % респондентов) достаточно важны оценки по всем изучаемым дисциплинам, которые они получают в ходе семестров и по итогам учебных сессий. Небезразличны они и к тому, поощряют их по результатам обучения или же привлекают к ответственности за упущения.

Измеренные объективные показатели социально-психологической адаптации в учебно-функциональной сфере дают нам основания сделать вывод о том, что студенты заинтересованно относятся к оценке своей деятельности со стороны администрации и преподавателей. В свою очередь, для того чтобы получить высокую оценку, каждый второй респондент в ходе учебной деятельности старается как можно больше прочитать дополнительной художественной, научно-публицистической, технической литературы и подготовиться к занятиям не хуже своих сослуживцев.

Однако из числа опрошенных респондентов почти каждый второй (51 %) с сожалением ответил, что администрация их за результаты учебной деятельности в течение семестра обучения ни одного раза не поощряла, хотя более 60 % учатся без «троек» по тем или иным учебным дисциплинам. В то же время каждый четвертый (26 %) респондент отметил, что привлекался к ответственности за неудовлетворительные отметки, а из этого числа 8 %, то есть почти каждый десятый курсант, на день проведения анкетного опроса имел неснятое дисциплинарное взыскание.

Успеваемость студентов по общепрофессиональным дисциплинам выше, нежели по общественным, специальным, естественно-научным и, соответственно, составляют 77, 66, 61, 61 % не ниже чем на «хорошо».

При этом с целью расширения своего кругозора, повышения общего уровня развития почти 95 % респондентов читают дополнительно литературу, не предусмотренную учебными программами.

Нельзя не обратить внимание на то, что каждый шестой респондент (16 %) отметил, что не овладел или слабо овладел изучаемой техникой и вооружением и затрудняется

практически их использовать, а каждый третий (33 %) нуждается в более тщательном контроле со стороны преподавателей за качеством усвоения изучаемого материала, так как при низком уровне требовательности может не подготовиться к контрольной форме занятий (семинарам, практическим занятиям, коллоквиумам, индивидуально-контрольным собеседованиям (ИКС)).

Очень важным, на наш взгляд, является изучение влияния на уровень социально-психологической адаптации курсантов удовлетворенности содержанием и организацией учебного процесса. Так, из числа опрошенных курсантов:

- каждый третий (34 %) не удовлетворен организацией самостоятельной работы;
- каждый четвертый (26 %) не доволен планированием очередности контрольных форм занятий (семинаров, ИКС, экзаменов);
- каждого пятого (25 %) не устраивает сочетание практических и теоретических занятий в один учебный день.

Нельзя не отметить, что 46 % опрошенных полностью удовлетворены изложением преподавателями учебного материала с точки зрения доступности и интереса, 35 % – наполовину удовлетворены, а 19 % – не удовлетворены. Разброс мнений свидетельствует о высоком профессионализме преподавателей, у которых степень эффективности занятий высока. Однако есть и основание для беспокойства, так как каждому второму респонденту хотелось бы получить из уст преподавателей учебный материал в иной форме. 70 % респондентов достаточно прослушать и законспектировать лекцию, в часы самостоятельной подготовки отрабатывать рекомендованную литературу для качественной подготовки к занятиям, 30 % опрошенных необходимо дополнительно к регламентированному времени уделить часть свободного времени изучению дисциплин.

Каждый пятый (23 %) респондент не удовлетворен, каждый третий (34 %) наполовину удовлетворен и почти каждый второй (45 %) удовлетворен практической значимостью изучаемого материала для будущей служебной деятельности, а это позволяет сделать вывод об отставании учебных программ от реальных требований студентов к ним. Потребность студентов в овладении знаниями опережает реальное состояние концепции теоретической и практической подготовки специалистов.

Об отношении к себе в ходе учебной деятельности респонденты заявили следующее:

– отношением к себе со стороны преподавателей удовлетворены 74 % опрошенных, наполовину удовлетворены 20 %;

– отношением к себе в учебе со стороны товарищей удовлетворены 77 % опрошенных, наполовину удовлетворены 15 %.

Вызывает определенную озабоченность то, что по 6 % респондентов из числа обучающихся ВУ и ЧГУ не удовлетворены тем, как к ним относятся преподаватели, а это приблизительно 2–4 студента из учебной группы. К тому же не удовлетворены отношением к себе со стороны сослуживцев 7 % респондентов.

Отмечая, что результаты социально-педагогического исследования уровня социально-психологической адаптированности студентов военных в профессионально-служебной сфере выше, чем в других, нельзя не осуществить анализ служебной деятельности студентов, освоения ими второй по значимости роли «студент-специалист (курсант-военнослужащий)». Характерной чертой исполнения функциональных служебных обязанностей является теоретическое знание требований руководящих документов, регламентирующих служебный быт и порядок, и практическое их выполнение в соответствии с приказами администрации. Нами был проведен опрос с целью выявления уровня знания респондентами руководящих документов.

Так, 82 % респондентов из числа курсантов основные требования общевоинских уставов Военной службы изучили и имеют по этой дисциплине оценку не ниже «хорошо». Это предполагает, что у подавляющего большинства респондентов четко сформировалось теоретическое представление о том, как устроен институт военного управления частями и подразделениями, и роли человека в выполнении задач, стоящих перед ними. Вместе с тем следует отметить, что подавляющее число респондентов из ЧГУ с руководящими документами слабо знакомы и не знают, каким образом регулируется их предстоящая служебная деятельность. Данный факт требует пересмотра учебных программ для наполнения их изучением не только права (по дисциплине «Правоведение»), но и ведомственных регламентов и инструкций.

Анализируя освоение курсантом роли военнослужащего, следует остановиться на практическом выполнении основных элементов воинского быта и мероприятий, определенных внутренним распорядком дня воинских формирований. Каждый кур-

сант, как и любой другой человек, желает, чтобы его успехи в служебной деятельности были отмечены со стороны командования. Не вдаваясь в подробности вопроса о важности умелого использования командирами дисциплинарной практики, к сожалению, приходится отметить, что по результатам служебной деятельности каждый третий (32 %) респондент в течение семестра не поощрялся, каждый второй (55 %) был поощрен лишь 1–2 раза в семестр. Данный факт можно рассматривать с двух позиций:

– во-первых, курсант не стремится проявить себя с положительной стороны, поэтому ему безразличны поощрения командиров;

– во-вторых, администрация упускает из вида определенную категорию курсантов и не придает должного значения проявлению ими инициативы к усердию и отличию при выполнении функциональных обязанностей.

Обозначенная проблема, на наш взгляд, является темой отдельного исследования, однако важно отметить, что 32 % респондентов вообще не допускали случаев нарушения воинской дисциплины и не привлекались к дисциплинарной ответственности, а 55 % респондентов имели случаи нарушения воинской дисциплины и дисциплинарные взыскания, причем 15 % из них – однократно и дисциплинарные взыскания не были сняты на момент проведения анкетного опроса.

Важными показателями, по которым можно судить о степени освоения роли военнослужащего, на наш взгляд, являются качество исполнения обязанностей во внутреннем наряде, соблюдение воинских ритуалов, принятие принципа единоначалия и др. Каждый второй (55 %) из числа респондентов-курсантов отметил, что при исполнении обязанностей во внутреннем наряде не имел фактов отстранения за нарушения. Всего лишь 5 % опрошенных постоянно или довольно часто имели случаи опоздания на мероприятия, определенные распорядком дня, каждый пятый (20 %) не укладывался в рамки распорядка дня и имел случаи опоздания. Более 75 % респондентов могут в своей деятельности строго придерживаться требований, определенных распорядком дня, не имея случаев его нарушения.

8 % респондентов принимают нормы и принципы управления, полностью и безоговорочно выполняют требования администрации. Почти каждый второй (48 %) отметил, что всегда подчиняется распоряжениям и приказам беспрекословно, но порой приходится преодолевать внутреннее

сопротивление. Каждый четвертый (25 %) отдаваемые распоряжения выполняет, однако пытается узнать, с какой целью и почему отданы они именно ему. Серьезную озабоченность вызывает то, что каждый шестой респондент (17 %) может не выполнить распоряжение, хотя никаких возражений оно не высказывает. Относительно данной ситуации следует отметить недостаточную компетентность руководителей в методике отдачи приказаний и распоряжений подчиненным, поскольку в непредвиденных обстоятельствах, складывающихся не в пользу администрации, 90 % студентов могут не выполнить их требования.

Нельзя не обратить внимание на то, что 73 % респондентов имеют физическую подготовленность к выполнению потенциальных служебных задач, отвечающую современным требованиям, 21 % – посредственную, а 6 % к данному требованию относятся халатно.

Учеба в вузе предусматривает умелое сочетание студентом своих действий и распределение им сил для выполнения служебных и общественных обязанностей и учебной деятельности, особенно это относится к курсантам, которые периодически несут службу во внутренних суточных нарядах. Оценивая влияние несения службы в наряде на учебу, 57 % респондентов-курсантов отметили, что могут совмещать выполнение служебных обязанностей с учебой, у 36 % респондентов иногда возникают трудности в учебе из-за несения службы в наряде в период экзаменационных сессий, а вот 7 % респондентов считают, что нагрузки в вузе достаточно большие, и поэтому временами у них появляются задолженности по учебным дисциплинам. Значительно легче студентам в ЧГУ, где 100 % респондентов отметили, что доля выполнения служебных и общественных обязанностей настолько мала, что фактически не мешает учебе. Однако этот факт имеет и негативное значение, так как в адаптивном процессе студент гражданского вуза не учится координировать различные виды предстоящей деятельности. Вероятно, такой пробел можно компенсировать увеличением количества деловых игр на практических занятиях.

Относительно содержания и организации служебной деятельности в вузе респонденты высказали следующие мнения:

– распорядком дня и расписанием не удовлетворен каждый четвертый (27 %) респондент, наполовину удовлетворен также каждый четвертый (27 %), удовлетворен каждый второй (46 %);

– внутренним порядком на курсе (для курсантов это важно) не удовлетворен каждый шестой (17 %) респондент, наполовину удовлетворен каждый четвертый (27 %), удовлетворен каждый второй (56 %);

– несением внутренних нарядов в ВУ не удовлетворен каждый седьмой (15 %) респондент, наполовину удовлетворен каждый четвертый (27 %), удовлетворен каждый второй (58 %);

– несением караулов в ВУ не удовлетворен каждый десятый (9 %) респондент, наполовину удовлетворен каждый пятый (21 %), удовлетворен каждый второй (62 %);

– практической значимостью для себя как будущего офицера воинским укладом не удовлетворен каждый шестой (17 %) респондент, наполовину удовлетворен каждый третий (30 %), удовлетворен каждый второй (53 %).

Выполняя роль «студент-специалист (курсант-военнослужащий)» в профессионально-служебной сфере жизнедеятельности студенческого коллектива 23 %, то есть почти каждый четвертый респондент, отметили, что отношением к себе со стороны администрации не удовлетворены, наполовину удовлетворены каждый третий (35 %), удовлетворен почти каждый второй (42 %).

При этом степень удовлетворенности у студентов ЧГУ выше, а степень неудовлетворенности соответственно ниже на 30 %, чем у курсантов ВУ:

– со стороны младших командиров-сержантов (только для ВУ): не удовлетворены 12 %, то есть почти каждый восьмой, наполовину удовлетворен каждый третий (24 %), удовлетворен почти каждый второй (64 %);

– со стороны товарищей: не удовлетворены 23 %, то есть почти каждый четвертый, наполовину удовлетворен каждый третий (35 %), соответственно, удовлетворен почти каждый второй (42 %).

Казалось бы, социально-бытовая сфера жизнедеятельности студенческого коллектива, по оценкам экспертов, при ранжировании занимает третье место по весовой значимости, а вот уровень адаптированности студентов в ней, как уже говорилось ранее, ниже у респондентов ВУ и выше у студентов ЧГУ.

Объясняя данный феномен, важно остановиться на каждом признаке, характеризующем освоение респондентом роли «студент-коллега».

При рассмотрении степени участия респондентов в общественной жизни группы и курса наблюдается следующая картина

(примерно одинаковая и для военных, и для гражданских):

- каждый шестой (18 %) не имеет общественных поручений, не старается их иметь и по возможности уклоняется от их выполнения;
- каждый второй (57 %) выполняют отдельные поручения, но инициативы не проявляет и делает все, что поручат;
- каждый четвертый (25 %) активно участвует в общественной жизни студенческого коллектива, выполняет постоянные поручения, участвует в художественной самодеятельности или спортивных соревнованиях, являясь членом актива курса.

При этом данный факт рассматривается в плоскости официальных отношений в коллективах. Однако, затронув в данном социально-педагогическом исследовании отношения в коллективе на неофициальном уровне, то есть участие в различных культурно-досуговых мероприятиях с товарищами по учебе, нельзя не обратить внимание на следующее:

- каждый пятый (20 %) занят решением только своих проблем;
- каждый второй (54 %) по возможности, редко может присутствовать на них;
- каждый пятый (21 %) может предложить своим коллегам и сам принять участие в организации данных мероприятий;
- один из двадцати (5 %) является активным сторонником подобных товарищеских встреч.

Это свидетельствует о том, что не освоен важный пласт студенческих отношений, умело управляя которыми, можно серьезно влиять на формирование личности будущего специалиста, воспитывать его в духе корпоративности, формировать имидж профессионала. Хотя все респонденты отметили в качестве доминантных такие показатели отношений в коллективе, как дружба, взаимопонимание, готовность помочь, уважение и чуткость к сослуживцам, самостоятельность, трудолюбие, целеустремленность, морально-нравственная воспитанность, их формирование остается за пределами формальных и неформальных связей в студенческих коллективах.

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Удовлетворенность учащихся в различных сферах жизнедеятельности вуза оказывает существенное влияние на уровень их социально-психологической адаптированности.
2. Доминантными в структуре социально-психологической адаптированности являются объективные показатели.
3. Личный общеобразовательный уровень учащихся серьезно влияет на процесс социально-психологической адаптации.
4. Морально-психологический климат в вузе, на курсе, в студенческой группе оказывает заметное влияние на уровень социально-психологической адаптированности обучающихся.

Исходя из теоретического изучения проблемы социально-психологической адаптации студентов, полученных результатов социально-педагогического исследования, анализа социальных факторов, влияющих на социально-психологическую адаптацию студентов, рассмотрения характера и механизма их воздействия на данный процесс, следует сделать следующие выводы:

1. Преобладающему большинству студентов вуза присущи признаки удовлетворительной адаптации. Это характерно для учащихся как гражданских, так и военных учебных заведений различной ведомственной принадлежности. С полной уверенностью это можно отнести и к учащимся вузов пенитенциарной системы.
2. Процессом социально-психологической адаптации студентов можно и следует управлять со стороны административного и профессорско-преподавательского состава на основе разработанных программ и методических руководств в течение всего периода обучения.
3. Важным средством управления процессом социально-психологической адаптации в вузе может стать панельное социально-педагогическое исследование с соответствующим инструментарием.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фрейд З. Психология масс и анализ Я // Зигмунд Фрейд. Тотем и табу. СПб., 2017.

² Erikson E. *Childhood and Society*. N. Y., 1963.

³ Philips L. *Human adaptation and his failures*. L., 1968.

⁴ Шибутани Т. *Социальная психология*. Ростов н/Д., 1999.

⁵ Необихевиоризм: концепция Эдварда Толмена. URL: hr-portal.ru/article/neobiheviоризм-koncepciya-edvarda-tolmena (дата обращения: 11.02.2021).

⁶ Бернс Р. *Развитие Я-концепции и воспитание*. М., 1986.

- ⁷ Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1998.
- ⁸ Андреева Г. М. Социальная психология : учеб. для высш. учеб. заведений. М., 2006.
- ⁹ Иванова А. И. Социально-психологическая адаптация // Вестн. ун-та. 2014. № 9. С. 255–259.
- ¹⁰ Налчаджян А. А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы, стратегии) / отв. ред. Э. А. Александрян. Ереван, 1988.
- ¹¹ Пергаменщик Л. А. Психологические механизмы адаптации мигрантов. Минск, 1996.
- ¹² Погодин И. А. Психологические и социально-психологические аспекты адаптации личности : учеб.-метод. пособие. Витебск, 1999.
- ¹³ Егоров Л. Г. Социально-психологическая адаптация молодежи в воинских коллективах (социологический анализ) : дис. ... канд. филос. наук. М., 1975.

REFERENCES

- ¹ Freud Z. Psychology of the masses and analysis of the self. In: *Zigmund Frejd. Totem i tabu* [Sigmund Freud. Totem and taboo]. Saint Petersburg, 2017. (In Russ.)
- ² Erik Erikson. *Childhood and Society*. New York, 1963.
- ³ Phillips L. *Human adaptation and his failures*. London, 1968.
- ⁴ Shibutani T. *Social'naya psihologiya* [Social psychology]. Rostov on Don, 1999. (In Russ.)
- ⁵ Non-behaviorism: the concept of Edward Tolman. Available at: hr-portal.ru/article/neobihevizm...tolmena (accessed: 2 November, 2021). (In Russ.)
- ⁶ Burns R. *Razvitie YA-koncepcii i vospitanie* [Development of self-concept and education]. Moscow, 1986. (In Russ.)
- ⁷ Myers D. *Social'naya psihologiya* [Social psychology]. Saint Peterburg, 1998. (In Russ.)
- ⁸ Андреева Г. М. *Social'naya psihologiya: uchebnik dlya vysshih uchebnyh zavedenij* [Social psychology: textbook. for higher educational institutions]. Moscow, 2006. (In Russ.)
- ⁹ Ivanova A. I. Social and psychological adaptation. *Vestnik Universiteta = Bulletin of the University*. 2014, no. 9, pp. 255–259. (In Russ.)
- ¹⁰ Nalchadzhyan A. A. *Social'no-psihicheskaya adaptaciya lichnosti (formy, mekhanizmy, strategii)* [Socio-mental adaptation of personality (forms, mechanisms, strategies)]. Ed. E. A. Alexandryan. Yerevan, 1988. (In Russ.)
- ¹¹ Pergamenschik L. A. *Psihologicheskie mekhanizmy adaptacii migrantov* [Psycho-logical mechanisms of adaptation of migrants]. Minsk, 1996 (In Russ.)
- ¹² Pogodin I. A. *Psihologicheskie i social'no-psihologicheskie aspekty adaptacii lichnosti: uchebno-metodicheskoe posobie* [Psychological and socio-psychological aspects of personality adaptation: a textbook]. Vitebsk, 1999. (In Russ.)
- ¹³ Egorov L. G. *Social'no-psihologicheskaya adaptaciya molodezhi v voinskih kollektivah (sociologicheskij analiz) : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandi-data filosofskih nauk* [Socio-psychological adaptation of youth in military teams (sociological analysis): Candidate of Sciences (Philosophy) dissertation. Moscow, 1975. (In Russ.)

УДК 316.61

Самооценка управленческих компетенций руководителей в структуре профессионального самосознания личности в связи с оценками экспертов

М. О. УДАЛЬЦОВА – доцент кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук

В статье рассматривается соотношение самооценки и экспертных оценок управленческих компетенций руководителей: дается понятие профессионального самосознания, самооценка определяется как часть структуры профессионального самосознания, регулирующая систему осуществляемой руководителем деятельности, изучается экспертная оценка управленческих компетенций руководителей, делаются выводы, раскрывающие связь между самооценкой и экспертной оценкой, выявляется роль экспертной оценки для профессионального развития руководителей.

Ключевые слова: самосознание; самооценка; экспертная оценка; личность; руководитель; управленческие компетенции.

5.3.5 – Социальная психология.

Для цитирования: Удальцова М. О. Самооценка управленческих компетенций руководителей в структуре профессионального самосознания личности в связи с оценками экспертов. *Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований*, 2021, № 3 (3), с. 26–28.

Self-esteem of managerial competencies of managers in the structure of professional consciousness of the individual in connection with the assessments of experts

MARIA O. UDAL'TSOVA – Associate Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Science (Psychology)

The article examines the relationship between self-esteem and expert assessments of managerial competencies of managers: the concept of professional consciousness is given, self-esteem is defined as part of the structure of professional consciousness that regulates the system of activities carried out by the manager, expert assessment of managerial competencies of managers is studied, conclusions are drawn that reveal the relationship between self-esteem and expert assessment, the role of expert assessment for the professional development of managers is revealed.

Keywords: consciousness; self-esteem; expert assessment; personality; supervisor; managerial competencies.

5.3.5. Social Psychology.

For citation: Udal'tsova M. O. Self-esteem of managerial competencies of managers in the structure of professional consciousness of the individual in connection with the assessments of experts. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2021, No. 3 (3), pp. 26–28.

Проблема развития самооценки и формирования самосознания приобретает ключевое значение в процессе профессионального становления и развития личности. В основе профессионального самосознания лежит профессиональное сознание лично-

сти, но при этом оно обладает своими характерными, содержательными аспектами. О. Ю. Шевченко отмечает, что профессиональное сознание включает «все те проявления сознания личности, которые составляют ее профессиональную деятельность»¹. Проявления сознания определяются позициями данной профессии в профессиональной структуре общества, отношением личности к профессии, к себе как представителю профессионального сообщества, уровнем профессиональных знаний и умений, выраженностью профессиональных способностей, профессиональными достижениями, переживаниями успехов и неудач в профессиональной деятельности.

Самооценка – это системообразующий фактор формирования индивидуальности личности, который во многом обуславливает жизненные ценности, позиции человека, всю систему оценок, определяет ход, интенсивность и направленность развития субъекта, в том числе и как профессионала.

Общепринятым считается определение самооценки, данное А. В. Захаровой: «важнейшее многоуровневое сложноструктурированное личностное образование, принимающее непосредственное участие в регуляции человеком своего поведения и деятельности, часть самосознания личности»².

Элементы самооценки характеризуются как специфическими, так и идентичными показателями, становление которых определяет ее уровневые проявления как развивающейся системы, надежность и действенность ее функционирования как механизма саморегуляции. Условия развития самооценки представлены двумя основными факторами: общением с окружающими и собственной деятельностью субъекта³.

Исходя из того что профессиональное самосознание – это структурная область самосознания личности, связанная с ее профессиональной деятельностью, а самооценка – это часть самосознания, изучение самооценки личности как профессионала во многом будет определять отношение личности к профессии, уровень профессиональных притязаний, мотивацию к изменениям, переживание профессиональных достижений и поражений, целеполагание, контроль, планирование, оценку всего спектра профессиональных компетенций.

С этих позиций особый интерес вызывает такая профессиональная группа, как руководители, профессионалы, которые имеют уже определенный путь достижений, реали-

зующие функцию управления, а именно их профессиональное самосознание, оценивание себя, своих профессиональных компетенций.

Управление, по мнению Кларка Л. Вилсона, можно рассматривать как последовательный процесс или цепь действий руководителя⁴. Через непрерывность, целостность и завершенность действий руководителя от постановки задач до получения результата будет определяться эффективность его деятельности.

Рассматривая самооценку как сложный конструкт самосознания в процессе регуляции профессиональных достижений, мы ставили задачу изучить связь самооценки как части профессионального самосознания личности руководителей и экспертной оценки их управленческих компетенций подчиненными, коллегами и вышестоящими руководителями.

Для проверки предположения о наличии связи между уровнем самооценки развития управленческих компетенций и экспертной оценкой было организовано исследование, в котором приняли участие 58 руководителей мужского пола со стажем управленческой деятельности более двух лет, 406 экспертов из числа подчиненных (174 чел.), коллег по направлениям деятельности (116 чел.) и вышестоящих руководителей (116 чел.).

В качестве методики исследования был избран «Цикл управленческих умений» Кларка Л. Вилсона.

В рамках исследования:

- проведен подсчет общего уровня самооценки выраженности управленческих компетенций у руководителей;
- проведен подсчет средних значений оценок уровня управленческих компетенций руководителей экспертной группой;
- изучена связь самооценки руководителей и экспертных оценок;
- проанализирована связь между самооценкой руководителя и оценками экспертов разного уровня (подчиненный персонал, коллеги, вышестоящие руководители).

Была отмечена значительная частота встречаемости высоких (выше средних) самооценок среди руководителей со стажем управленческой деятельности более двух лет (83 %); средне оценивали себя 13 % руководителей, 6 % оценок оказались на уровне ниже среднего.

Статистической значимости в различиях самооценки руководителей и оценки уровня управленческих компетенций руководителей экспертной группой нет.

Заметим, что более дифференцированно оценивают руководителей подчиненные, в среднем оценки подчиненных имеют среднее значение ниже, чем самооценки руководителей, но статистически значимых различий и на данной выборке не подтвердилось. Примерно одинаково оценивают себя по всем компетенциям руководители и эксперты – вышестоящие руководители. Это обстоятельство иллюстрирует положение теории структурно-динамической модели самооценки о том, что условия развития самооценки представлены общением с окружающими и собственной деятельностью субъекта, оценки значимых окружающих интериоризируются и становятся частью самосознания личности.

Статистическая разница подтверждена подсчетом критерия углового преобразования Фишера (ϕ) на уровне $p > 0,05$ в отношении средней самооценки руководителей по всем управленческим компетенциям и оценок коллег. Коллеги чаще выставляют более высокие недифференцированные оценки, несмотря на то, что исследование характеризуется анонимностью.

Таким образом, можем заключить, что связаны самооценки руководителей-мужчин технического направления в большей степени с экспертными оценками вышестоящих руководителей и практически не связаны с мнением коллег – руководителей по другим направлениям деятельности. Самооценки руководителей-мужчин не связаны на уровне статистической значимости с оценками подчиненных, но при усилении выборки, возможно, тенденция к тому, что мнение подчиненного персонала не является важным, определяющим для руководителя в оценке его управленческих компетенций, обретет значимость. Данное обстоятельство важно для управленческой культуры: разрыв в представлениях о себе как руководителе в лучшую сторону, в отличие от представлений, оценок подчиненного персонала, может снижать мотивацию коллектива, нарушать сработанность и совместимость, приводить к ошибочным решениям и действиям. Эту гипотезу будет небезынтересно проверить в рамках изучения психологических особенностей управления в условиях аварийных ситуаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шевченко О. Ю. Учебно-профессиональная установка в структуре профессионального сознания студентов : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2004. С. 1.

² Захарова А. В. Структурно-динамическая модель самооценки // *Вопр. психологии*. 1989. № 1. С. 6.

³ Там же. С. 13–14.

⁴ Чикер В. А. Психологическая диагностика организации и персонала. СПб., 2003. С. 9–61.

REFERENCES

¹ Shevchenko O. Yu. *Uchebno-professional'naya ustanovka v strukture professional'nogo soznaniya studentov* [Educational and professional attitude in the structure of professional consciousness of students: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation abstract]. Samara, 2004. P. 1

² Zakharova A. V. Structural-dynamic model of self-assessment. *Voprosy psikhologii = Approaches to Psychology*, 1989, no. 1. P. 6. (In Russ.)

³ Ibidem. P. 13–14

⁴ Chiker V. A. *Psikhologicheskaya diagnostika organizatsii i personala* [Psychological diagnostics of organization and personnel]. Saint Petersburg, 2003. Pp. 9–61. (In Russ.)

УДК 930.85:348.52

К вопросу о правосознании русского общества середины XIX в.: представления крестьян о божественном суде

А. Р. ПАВЛУШКОВ – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент

В статье раскрывается крестьянский образ божественного суда. Новизна исследования заключается в попытке соотнести канонические положения о божественном суде с представлениями о нем, которые сложились и сохранились в религиозно-традиционном сознании крестьян в XIX в. За основу анализа взяты отдельные элементы фольклора (поговорки, пословицы), сохранившаяся в рукописном виде народная легенда о формах божественного суда, а также материалы деятельности этнографического бюро под руководством В. Н. Тенишева по изучению быта и культуры крестьянства. Автор приходит к выводу о том, что представление о божественном суде у крестьян формировалось на религиозной почве. Вместе с тем для народного правосознания характерно расширенное, материальное и казуистичное толкование божественного суда, направленное на решение различных задач: объяснение действия природных сил, оценку проступков человека, профилактику правонарушений, приобщение к христианской культуре.

К л ю ч е в ы е с л о в а : божественный суд; Страшный суд; христианство; воздаяние; спасение человека; церковное наказание; правосознание крестьянства.

5.6.1 – Отечественная история.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Павлушков А. Р. К вопросу о правосознании русского общества середины XIX в.: представления крестьян о божественном суде. *Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований*, 2021, № 3 (3), с. 29–34.

On the issue of the legal consciousness of Russian society in the middle of the 19th century: the ideas of the peasants about the God judgment

ALEXANDR R. PAVLUSHKOV – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

The article reveals the peasant image of the God judgment. The novelty of the research lies in the attempt to correlate the canonical provisions on the God judgment with the ideas about it that have developed and survived in the religious and traditional consciousness of the peasants in the 19th century. The analysis is based on individual elements of folklore (proverbs, sayings), a folk legend preserved in handwritten form about the forms of divine judgment, as well as materials from the activities of the ethnographic bureau under the leadership of V. N. Tenishev on the study of the life and culture of the peasantry. The author comes to the conclusion that the idea of God judgment among the peasants was formed on religious grounds. At the same time the people's legal consciousness is characterized by an expanded, material and casuistic interpretation of the God court aimed at solving various problems: explaining the action of natural forces, assessing human misconduct, preventing violations of the law, familiarizing with Christian culture.

Key words : God judgment; "Last judgment"; Christianity; retribution; salvation of a person; church punishment; legal conscience of the peasantry.

5.6.1 – Domestic history.

For citation: Pavlushkov A. R. On the issue of the legal consciousness of Russian society in the middle of the 19th century: the ideas of the peasants about the God judgment. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2021, No. 3 (3), pp. 29–34.

Тема правосознания русского общества в целом и правосознания крестьян в частности актуальна и широко представлена историческими и юридическими исследованиями. В последние годы вышло немало работ, посвященных поведенческой культуре крестьянства, где поднимались вопросы о месте божественного суда¹.

Божественное правосудие является предметом изучения юридических², исторических³, философских⁴, лингвистических⁵, теологических⁶ наук. Познавательный интерес обусловлен прежде всего крайне сложным характером развития страны в XIX столетии. Под воздействием промышленной революции и формирования буржуазных отношений происходила не только модернизация государственных институтов, но и прививались новые ценности. Либеральные реформы вступали в конфликт с патриархальным укладом российского общества, которое по-прежнему оставалось традиционным. Противоречие проявлялось прежде всего в недоверии различных слоев общества к реформам, росте нигилизма, привитии новых установок, что сложно поддается учету, анализу и делает данное исследование актуальным.

Мы попытаемся рассмотреть представления крестьян о божественном суде как фундаментальной ценности и отражение их в поведенческой культуре крестьянства. Актуальность темы видится также в критическом анализе различных взглядов на божественный суд, позволяющих понять их практическое воплощение.

Идеей божественного суда проникнуто все христианское вероучение. Христианство ставит его выше всех иных судебных инстанций, подчеркивая его вселенский характер. Последний проявляется в том, что ни один человек не может избежать данного суда, он отражает высшую справедливость, так как дает оценку поступков и мыслей человека в период его земной жизни. Неминуемость кары и тяжелых последствий за прегрешения человека определяла статус божественного суда как Страшного суда. Библейский сюжет, наполненный красноречивыми картинками об участии грешников в аду, подкреплял сложившееся представление о Страшном суде. Божественного суда боялись так же, как наступления смерти. Он последо-

вательно служил мощным социальным регулятором, который из внешней (религиозной) санкции постепенно превратился во внутреннее убеждение в том, что каждому человеку воздастся по заслугам после его кончины. Раннее наступление смерти, как правило, объяснялось нарушением божественных заповедей и необходимостью призвать человека к ответу перед Богом досрочно. Об этом свидетельствовали разговоры крестьян на похоронах. Причину смерти часто искали в проступках человека. Рано умерших называли заложными. Прощание с ними проходило по иной процедуре, в отличие от тех, кто умирал естественной смертью⁷. Традиция разграничивать умерших в зависимости от времени наступления смерти сохранялась и в XIX в.

Распространению идеи о неминуемости Страшного суда способствовали религиозно-философские течения, рассматривавшие эволюцию человечества как закономерное приближение конца человеческой истории (апокалиптика, эсхатология)⁸.

Подчеркнем, что понятие «божественный суд» многозначно. В средневековом праве под ним понимался судебный поединок на основе применения правового обычая, когда доказательства виновности не могли быть установлены княжеским судом⁹. Выделение такого рода судебных процедур в самостоятельную форму суда лишь подчеркивало перенос отдельных положений христианства на общественно-правовую традицию.

Со временем народные представления о божественном суде под воздействием крупных политических событий стали принимать разнообразные формы и отходить от сложившегося христианского вероучения. Это выражалось в появлении крестьянских мифов об антихристе, конце света, где божественный суд истолковывался как поиск народной правды. Если первоначально такие идеи являлись отражением (формой) социального протеста, примером чему могут служить распространенные слухи и рассказы о Петре I в облики дьявола, то в более поздний период (XIX в.) народные представления о божественном суде были построены на желании объяснить существующую картину бытия.

Примером сложившегося народного мифа о божественном суде может служить

текст легенды, переписанный в середине 1820-х гг. Н. Ф. Федоровым и позднее опубликованный на страницах журнала «Русский архив»¹⁰. Похожие тексты были представлены в народном сборнике А. Н. Афанасьева под названием «Крестный отец»¹¹ и собрании В. И. Даля¹², что свидетельствует о популярности легенды и тиражировании крестьянского образа божественного суда. Стиль и форма изложения доказывают, что легенда сформировалась в крестьянской среде, поскольку язык крестьян отличался «конкретными, единичными определениями»¹³.

Смысл легенды (сказки) сводился к диалогу убогого человека (крестьянина) с Богом по поводу крещения младенца. В голове повествователя рождались образы Страшного суда за все человеческие грехи, поэтому он попросил Бога уберечь его в дальнейшей жизни от соблазнов. Далее шел разговор, в котором крестьянские представления о божественном суде пересекались с религиозной догматикой. В них переплетались понятия «грех», «преступление», «наказание», «суд», «покаяние». Самым тяжелым считалось наказание без отпущения грехов.

Сознание убогого человека рисует шесть видов божественного суда. По сути, это шесть частных случаев (казусов), в которых описывались конкретные преступления против церкви: ограбление храма, разорение монастыря, блуд и др. Все преступления заканчиваются божественной карой и символическим предостережением от грехопадения. Сцены божественного суда имеют и воспитательное значение, поскольку ангелы наставляют младенца «воздерживаться от блуда и пьянства»¹⁴. Венцом развития человечества является шестой суд как коллективное покаяние грешников.

Крестьянские представления о божественном суде, таким образом, отличались от канонических положений христианства. Сохранялись общая основа религиозного мировосприятия, а также психологическая окраска, основанная на традиции страха перед божественным судом. В крестьянской среде было принято «учить детей страху Божьему», то есть воспитывать в повиновении¹⁵. Если страха не было, то детей физически наказывали не только родители, но и волостная администрация. Однако чаще всего удовлетворенный решением администрации о телесном наказании отец просил его не применять¹⁶.

Формы проявления божественного суда в крестьянском сознании различались. Этот

вывод можно сделать на основании отчетов деятельности этнографического бюро В. Н. Тенишева, целенаправленно занимавшегося изучением поведенческой культуры крестьян¹⁷. Опубликованные данные поражали размахом собранного эмпирического материала¹⁸. Они показывали, что крестьянская повседневная жизнь была прочно связана с религией и церковью. В материалах комиссии В. Н. Тенишева можно найти множество частных примеров, подтверждавших своеобразное народное понимание божественного суда, от которого невозможно было скрыться.

Божественный суд не ставил задачу преследования людей за их проступки и преступления, что являлось прерогативой светской власти, а воплощал идею искупления человечества, то есть его спасения посредством осознания своих поступков, путем сопоставления себя с искупительной жертвой Христа. Искупление, таким образом, «представлялось как удовлетворение Божественному правосудию»¹⁹. В появившейся в XIX в. юридической теории искупления предпринималась попытка связать идеал жертвы Христа с высшим судом над человечеством посредством использования юридической терминологии. Обер-прокурор Синода Н. А. Протасов даже предлагал внедрить догматические положения Библии в школьные программы различных уровней, в том числе и для обучения крестьянских детей, а в духовных образовательных учреждениях «восстановить богословское учение в прежнем духе церкви»²⁰. Н. А. Протасов опирался на поддержку известного церковного деятеля митрополита Макария (Булгакова), утверждавшего, что Божественное правосудие будет удовлетворено только в том случае, если грешник получит воздаяние²¹.

Божественный суд в крестьянском понимании ассоциировался с высшей справедливостью, которая, в отличие от суда человеческого, носит неосязаемый, небесный характер как проявление сторонних сил, которые неподвластны людям²².

Народное сознание связывало проявление божественного суда с природными стихиями (наводнением, засухой) или социальными бедствиями (мором, пожаром, падежом скота, голодом). Примером может служить ранее известный миф о божественном наказании населения за нарушение порядка престолонаследия в период смутного времени. Главную причину смуты современники видели в божественной каре за отступление от установленных правил²³.

Однако провиденциализм был характерен для народной историософии и более позднего времени. В. И. Ключевский объяснял специфику такого мышления крестьян ярко выраженным религиозным сознанием и «жизненным состоянием», когда познания о природе и самом человеке совпадали с «божественными заветами»²⁴.

Народная реакция на массовые бедствия была спокойной, поскольку крестьяне во всем полагались на волю Божью²⁵. Если преступление по каким-то причинам власти не могли раскрыть, была уверенность, что виновного все равно накажет Бог. Если бедствия затрагивали интересы нескольких семей (например, голод), считалось, что каждая из них в чем-то провинилась перед Богом, а от божественного суда не скрыться²⁶. Даже самосуд крестьян над вором, когда виновный умирал от побоев, оправдывался тем, что действиями селян руководила «рука Божья», особенно когда шла речь о преступлении против слабых. «Крестьяне в кончине вора видели божий перст – не кради у бедных сирот»²⁷. При этом посланная беда не исключала сочувствия соплеменников.

Тема наказания преступников посредством божественного суда нашла широкое отражение и в фольклоре. В антологии христианских пословиц можно найти множество примеров, подчеркивающих одновременно силу и справедливость божественного суда: «Суда Божьего околицей не объедешь», «Бог

накажет, никто не укажет», «Бойся Бога – смерть у порога», «Бог долго ждет, да больно бьет», «Что Богу не угодно, то и не годно», «Бог не дремлет – все слышит»²⁸.

В отличие от христианского понимания, народный взгляд на божественный суд был материализован. Суд представлялся похожим на человеческий. После суда человек отправлялся либо в ад, либо в рай. Рай рисовался как большой сад с золотыми и стеклянными домами, а ад – в форме пропасти, в которой человек обрекался на вечные муки в зависимости от степени греха. Пьяницы, например, горели в расплавленном стекле и сидели на коленях у черта²⁹.

Таким образом, образ божественного суда был интерпретирован народным сознанием. Правосознание крестьян XIX столетия в своей основе оставалось религиозным. Представления о мире и жизни формировались под воздействием библейских сюжетов. Вместе с тем в народном сознании складывалось собственное представление о божественном суде, которое имело некоторые отличительные черты:

- божественный суд незримо присутствует во всех сферах человеческой жизни;
- божественный суд проявляет свою силу тогда, когда государство (государственные органы) оказывается неспособным осуществить справедливый суд;
- божественный суд приводит в равновесие несправедливо устроенный мир.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Назаров И. Д. Этическая концепция «внутреннего» и «внешнего» суда в отечественной доктрине канонического права // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. 2017. № 3 (25) С. 171–177; Калинина Е. Ю. «Суды божьи» как иррациональный компонент в средневековом праве Руси и Европы (на примере Испании). Очерк сравнительного правоведения // Древняя Русь: во времени, в личности, в идеях. 2015. № 4. С. 54–70; Рафаэлов Л. М. Метафора высшего суда как важнейшая мифологема традиционной культуры // Гуманитар. и соц.-эконом. науки. 2013. № 2 (69). С. 47–50.

² Уткин Г. Н. Православные корни идеи правды в эпоху Средневековья на Руси // История гос-ва и права. 2007. № 24. С. 29–31.

³ Павлушков А. Р. Реализация принципа справедливости наказания в церковном, светском и традиционном праве // Человек: преступление и наказание. 2014. № 4. С. 53–58; Сукина Л. Б. «Плачу и рыдаю, огда помышляю смерть»: образ смерти в картине мира русского человека XVII в. // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. История России. 2010. № 1. С. 5–15.

⁴ Якимова Е. Г. Мифологические и исторические типы эсхатологий // Гуманитар. ведомости Тульск. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого. 2012. № 4. С. 57–71; Маслова А. В. Акт прощения как вызов и спасение // Вестн. Москов. гос. лингвист. ун-та. Гуманитар. науки. 2018. № 4. С. 289–297.

⁵ Бедина Н. Н. Эсхатологические идеи в структуре и генезисе древнерусских синодиков // Вестн. Северн. (Аркт.) федер. ун-та. Сер.: Гуманитар. и соц. науки. 2018. № 4. С. 36–41.

⁶ Архиепископ Константин (Горянов). Эсхатологическое учение в творениях святых отцов и его значение в современном мире // Христиан. чтение. 2005. № 25. С. 33–66.

⁷ Грузнова Е. Б. Похоронные обычаи на Руси в конце XV–XVI вв. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер.: История. 2005. № 3. С. 153.

⁸ Апокалиптика // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/75602.html> (дата обращения: 25.11.2021).

⁹ Оспенников Ю. В. Божий суд в древнерусском праве // Вектор науки Тольят. гос. ун-та. 2010. № 1. С. 127–130.

¹⁰ Бытие крестного сына // Рус. архив. 1915. № 9–10. С. 296–302.

¹¹ Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. URL: https://librebook.me/narodnye_russkie_legendy_a_n_afanaseva/vol3/30 (дата обращения: 25.11.2021).

¹² Крестный отец. URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/afanasev-legendy/krestnyj-otec.htm> (дата обращения: 25.11.2021).

- ¹³ Миронов Б. Н. Познавательные способности русских крестьян доиндустриальной эпохи // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер.: История. 2018. № 4. С. 1047–1072.
- ¹⁴ Бытие крестного сына. С. 302
- ¹⁵ Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии) / авт.-сост. Б. М. Фирсов, И. Г. Киселева. СПб., 1993. С. 186.
- ¹⁶ Там же. С. 302.
- ¹⁷ Тенишев В. Н. // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/ethnology/text/4187313> (дата обращения: 25.11.2021).
- ¹⁸ Фирсов Б. М. «Крестьянская» программа В. Н. Тенишева и некоторые результаты ее реализации. URL: https://journal.iea.ras.ru/archive/1980s/1988/no4/1988_4_038_Firsov.pdf (дата обращения: 25.11.2021).
- ¹⁹ Искупление // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/674968.html> (дата обращения: 25.11.2021).
- ²⁰ Благовидов Ф. Ф. Обер-прокуроры Святейшего синода в XVIII и первой половине XIX столетия. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Fedor_Blagovidov/ober-prokurory-svjatejshego-sinoda-v-18-i-v-pervoj-polovine-19-stoletija/7_1 (дата обращения: 29.11.2021).
- ²¹ Там же.
- ²² Павлушков А. Р. Понятие справедливости в христианской доктрине наказания // Проблемы социальной справедливости и современность : материалы IV Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием / отв. ред. О. В. Козлова, А. В. Седов, О. Ю. Солодянкина. Череповец, 2014. С. 81–87.
- ²³ Шалак М. Е. Русская смута и общественная мысль XVII века: суждения, оценки, концепции : автореф. дис. канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 15.
- ²⁴ Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. IX. Материалы разных лет. М., 1990. С. 153–154.
- ²⁵ Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). С. 149.
- ²⁶ Там же. С. 60.
- ²⁷ Там же. С. 64.
- ²⁸ Антология христианских пословиц. URL: <https://golgofa.kiev.ua/menu/proverbs.html> (дата обращения: 30.11.2021).
- ²⁹ Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). С. 147.

REFERENCES

- ¹ Nazarov I. D. The ethical concept of "internal" and "external" courts in the Russian doctrine of Canon law. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Voronezh State University*, 2017. no 3, pp.171–177. (In Russ); Kalinina E. Yu. "The judgments of God" as an irrational component in the medieval law of Russia and Europe (on the example of Spain). An essay on comparative jurisprudence. In: *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnosti, v ideyah* [Ancient Russia: in time, in personality, in ideas]. 2015. no 4, pp. 54–70. (In Russ); Rafaelov L. M. The metaphor of the Supreme Court as the most important mythologeme of traditional culture. In: *Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki* [Humanities and social economy Sciences]. 2013, no 2, pp. 47–50. (In Russ).
- ² Utkin G.N. Orthodox Roots of Truth in the Middle Ages in Russia]. In: *Istoriya gosudarstva i prava* [History of Law and State]. 2007, no 24, pp. 29–31 (In Russ).
- ³ Pavlushkov A. R. Implementation of the principle of justice of punishment in ecclesiastical, secular and traditional law. In: *CHelovek: prestuplenie i nakazanie* [Human: crime and punishment]. 2014, no 4, pp. 53–58. (In Russ); Sukina L. B. «I cry and weep, always thinking of death" : the image of death in the picture of the world of the Russian man of the 17th century In: *Vestnik RUDN. Istoria Rossii* [Journal of the Peoples' Friendship University of Russia. History of Russia]. 2010. no 1, pp. 5–15. (In Russ).
- ⁴ Yakimova E. G. Mythological and historical types of eschatologies. In: *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo* [Humanitarian vedomosti of the Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy]. 2012, no 4, pp. 55–71. (In Russ); Maslova A. V. The act of forgiveness as a challenge and salvation. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvis-ticheskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities]. 2018. no. 4, pp. 289–291. (In Russ).
- ⁵ Bedina N. N. Eschatological ideas in the structure and genesis of Ancient Russian Synodics. In: *Vestnik SAFU* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]. 2018, no 4, pp. 36–41 (In Russ).
- ⁶ Arhiepiskop Konstantin (Goryanov). Eschatological teaching in the works of the Holy Fathers and its significance in the modern world. In: *Hristianskoe chtenie* [Christian reading]. 2005, no 25, pp. 36–66. (In Russ).
- ⁷ Gruznova E. B. Funeral customs in Russia at the end of the XV–XVI centuries. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. History]. 2005, no 3, pp. 153–154. (In Russ).
- ⁸ Apocalyptic. In: *Pravoslavnaya enciklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Available at: <https://www.pravenc.ru/text/75602.html> (accessed November 25, 2021). (In Russ).
- ⁹ Ospennikov Yu. V. God's Judgment in Ancient Russian Law. *Vektor nauki TGU* [Togliatti State University Science Vector]. 2010, no 1, pp. 127–130. (In Russ).
- ¹⁰ Being a godson. In: *Russkij arhiv* [Russian archive]. 1915, no 9–10, pp. 296–302. (In Russ).
- ¹¹ Afanas'ev A. N. Russian folk legends. Available at: https://librebook.me/narodnye_russkie_legendy_a_n_afanaseva/vol3/30 (accessed November 25, 2021). (In Russ).
- ¹² Godfather. Available at: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/afanasev-legendy/krestnyj-otec.htm> (accessed November 25, 2021). (In Russ).
- ¹³ Mironov B. N. Cognitive abilities of Russian peasants of the preindustrial era. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Saint Petersburg University Bulletin]. 2018, no 4, pp. 1047–1072. (In Russ).
- ¹⁴ Being a Godson. P. 302. (In Russ).
- ¹⁵ B. V. Firsov, I. G. Kiseleva (Ed.) Life of the Great Russian peasants-farmers. Description of the materials of the bureau of Prince V. N. Tenishev (on the example of the Vladimir province. Saint-Petersburg, 1993. P. 186. (In Russ).
- ¹⁶ Ibidem. P. 302.
- ¹⁷ Tenishev V. N. In: *Bol'shaya rossijskaya enciklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. Available at: <https://bigenc.ru/ethnology/text/4187313> (accessed November 25, 2021). (In Russ).
- ¹⁸ Firsov B. M. V. Tenishev's peasant program and some results of its implementation. Available at: https://journal.iea.ras.ru/archive/1980s/1988/no4/1988_4_038_Firsov.pdf (accessed November 25, 2021). (In Russ).

¹⁹ Redemption. In: *Pravoslavnaya enciklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Available at: <https://www.pravenc.ru/text/674968.html> (accessed November 25, 2021). (In Russ).

²⁰ Blagovidov F. F. Chief prosecutors of the Holy Synod in the XVIII and the first half of the XIX century. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Fedor_Blagovidov/ober-prokurory-svjatejshego-sinoda-v-18-i-v-pervoj-polovine-19-stoletija/7_1 (accessed November 29, 2021). (In Russ).

²¹ Ibidem.

²² Pavlushkov A. R. The concept of justice in the Christian doctrine of punishment. In: O. V. Kozlova, A. V. Sedov, O. Yu. Solodyankina (Eds.) *Problemy social'noj spravedlivosti i sovremennost' : materialy IV Vseros. nauch.-praktich. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Problems of social justice and modernity: materials of the IV All-Russian. scientific-practical conf. with int. participation]. Cherepovets, 2014. pp. 81–87. (In Russ).

²³ Shalak M.E. *Russkaya smuta i obshchestvennaya mysl' XVII veka: suzhdeniya, ocenki, koncepcii* [Russian Turmoil and public Thought of the XVII century: judgments, assessments, concepts/ Candidate of Science (History) dissertation abstract]. Rostov-on-Don., 2004. P. 15. (In Russ).

²⁴ Klyuchevskij V. O. *Sochineniya v devyati tomah. T. IX. Materialy raznyh let* [Essays in nine volumes. V. IX. Materials of different years]. Moscow, 1990. pp. 153-154. (In Russ).

²⁵ *Byt velikorusskih krest'yan-zemleparshchikov. Opisanie materialov byuro knyazya V.N. Tenisheva* [The life of the Great Russian peasant farmers]. Saint-Petersburg, 1993. P. 149. (In Russ).

²⁶ Ibidem. P. 60.

²⁷ Ibidem. P. 64.

²⁸ Anthology of Christian Proverbs. Available at: <https://www.pravenc.ru/text/674968.html> (accessed November 25, 2021). (In Russ).

²⁹ *Byt velikorusskih krest'yan-zemleparshchikov. Opisanie materialov byuro knyazya V. N. Tenisheva* [The life of the Great Russian peasant farmers]. Saint-Petersburg, 1993. P. 147. (In Russ).

История советского плена и интернирования Второй мировой войны в контексте современных диссертационных исследований

А. Л. КУЗЬМИНЫХ – профессор кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент

В статье рассмотрены новейшие российские диссертационные исследования по истории советского военного плена и интернирования Второй мировой войны, охарактеризованы ключевые положения и выводы диссертаций, определены дискуссионные вопросы и перспективы разработки рассматриваемой проблемы. Автор приходит к выводу, что расширение источниковой и историографической базы, использование новых теоретико-методологических подходов благоприятно отражаются на объективности и оригинальности полученных результатов и выводов. Наиболее существенными представляются итоги изучения региональных, национальных, социокультурных и источниковедческих аспектов истории советского военного плена и интернирования. Подготовка и защита диссертаций свидетельствуют о том, что у данного направления историографии имеются хорошие предпосылки к дальнейшему развитию.

Ключевые слова: Вторая мировая война; СССР; военный плен; интернирование; современная российская историография; диссертационные исследования.

5.6.1 – Отечественная история.

Для цитирования: Кузьминых А. Л. История советского плена и интернирования Второй мировой войны в контексте современных диссертационных исследований. *Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований*, 2021, № 3 (3), с. 35–51.

History of Soviet captivity and internment of World War II in the context of modern dissertation researches

ALEXANDR L. KUZMINYKH – Professor of the Department of Philosophy and History of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Science (History), Associate Professor

The article examines the latest Russian dissertation researches on the history of Soviet military captivity and internment of the Second World War, characterizes the key provisions and conclusions of the dissertations, identifies discussion issues and prospects for the development of the problem under consideration. The author comes to the conclusion that the expansion of the source and historiographic base, the use of new theoretical and methodological approaches have a favorable effect on the objectivity and originality of the results and conclusions. The most significant are the results of the study of regional, national, socio-cultural and source-study aspects of the history of Soviet military captivity and internment. The preparation and defense of dissertations indicate that this direction of historiography has good prerequisites for further development.

Key words: World War II; the USSR; war captivity; internment; contemporary Russian historiography; dissertation researches.

5.6.1 – Domestic history.

For citation: Kuzminykh A. L. The history of Soviet captivity and internment of the Second World War in the context of modern dissertation researches. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2021, No. 3 (3), pp. 35–51.

Вторая мировая война и ее последствия до сих пор вызывают повышенный научный и общественный интерес. Одной из дискуссионных и малоисследованных страниц истории минувшей войны является проблема иностранных военнопленных и интернированных в СССР. Вплоть до конца 1980-х гг. эта тема была практически недоступна для осмысления отечественными историками в силу закрытости советских архивов и идеологического табу, наложенного на изучение судеб военнопленных в Советском Союзе. Исключением являлась история антифашистского движения среди военнопленных в СССР, в частности история образования и деятельности Национального комитета «Свободная Германия»¹. После распада СССР и архивной революции 1990-х гг. история советского плена и интернирования Второй мировой войны стала одним из динамично разрабатываемых сюжетов мировой и отечественной историографии. В настоящее время библиография проблемы насчитывает десятки документальных сборников, сотни монографий и тысячи статей, раскрывающих различные аспекты пребывания военнопленных и интернированных в СССР².

Несмотря на серьезные достижения в историографии, проблема советского плена и интернирования не потеряла научной актуальности и гуманитарного значения. Исследование пребывания военнопленных в СССР способствует осмыслению широкого спектра смежных историографических проблем: внешней политики Советского государства военного и послевоенного периода, роли лагерного сектора в советской экономике, положения различных категорий спецконтингента, стратегий выживания человека в условиях военной повседневности и т. п. Все это в конечном счете способствует воссозданию целостной истории Второй мировой войны, изучению ее влияния на государство, общество и судьбы участников вооруженного противостояния.

Свидетельством активного изучения истории советского военного плена и интернирования Второй мировой войны является подготовка и защита диссертационных исследований на соискание ученой степени кандидата и доктора исторических наук³. По нашим подсчетам, с 2011 по 2021 г. российскими учеными были защищены 7 кандидатских и 2 докторские диссертации по истории иностранных военнопленных и интернированных в СССР. Целью настоящей статьи является обзор той их

части, защита которой проходила с нашим прямым или косвенным участием в качестве официального оппонента или рецензента. Основным источником при этом стали подготовленные нами отзывы на диссертации и авторефераты.

Динамично развивающимся направлением историографии советского плена и интернирования Второй мировой войны является изучение истории пребывания военнопленных и интернированных в различных регионах Советского Союза. В качестве примера можно привести кандидатскую диссертацию Натальи Борисовны Малясовой «Военнопленные и интернированные Второй мировой войны на территории Чувашской АССР (1942–1949 гг.)», защищенную в 2012 г. в Чувашском государственном университете им. И. Н. Ульянова⁴. Источниковая база исследования включает документы Российского государственного военного архива, Государственного архива Российской Федерации, Государственного исторического архива Чувашской Республики, Государственного архива современной истории Чувашской Республики, Информационного центра МВД Чувашской Республики, а также международно-правовую документацию, периодическую печать, мемуарную литературу.

В первой главе диссертации раскрыты методологические, историографические и источниковедческие аспекты изучаемой проблемы. Обоснованным и закономерным является рассмотрение истории советского плена и интернирования с позиций междисциплинарного подхода: это позволяет изучить многообразие лагерного опыта с учетом достижений современного социогуманитарного научного знания. Вполне традиционно выглядит обзор историографии проблемы, которая разделена на два периода: советский (1940–1980-е гг.) и постсоветский (1990–2000-е гг.).

Вторая глава диссертации посвящена изучению размещения контингента военнопленных и интернированных на территории Чувашской АССР. Последовательно рассмотрены географические и социально-экономические факторы, обусловившие дислокацию на территории региона учреждений военного плена и интернирования, особенности формирования и функционирования лагерей и рабочих батальонов. Автор справедливо отмечает важную роль природно-географической среды и специфику социально-экономического развития региона, оказывавших исключительное влияние на

положение спецконтингента и характер его трудовой деятельности. Вместе с тем не вполне аргументированным представляется вывод о «высокой степени эффективности» управленческой деятельности лагерной администрации⁵, чему противоречат данные о высокой смертности и низкой рентабельности лагерей.

Всего, по оценкам Н. Б. Малясовой, в республиканских учреждениях военного плена содержалось около 10 тыс. военнопленных и интернированных свыше 20 различных национальностей. Если среди военнопленных преобладали мужчины, то среди интернированных – женщины⁶.

В третьей главе исследовано трудовое использование и медицинское обслуживание военнопленных и интернированных на территории Чувашской АССР. Автор отмечает, что потребность экономики региона в дополнительных трудовых ресурсах стала одной из причин их массового вовлечения в трудовые процессы, в том числе лесозаготовки, строительные и дорожные работы, торфодобычу, работу на промышленных предприятиях и т. д. В начальный период войны для военнопленных была характерна низкая производительность труда, к концу войны выполнение норм выработки заметно выросло, что объяснялось морально-психологическим фактором (окончание войны и начало репатриации), а также улучшением жизнеобеспечения контингента.

Характеризуя медико-санитарное обслуживание «узников войны», Н. Б. Малясова указывает, что советское руководство проводило последовательный курс на сохранение их жизни и здоровья⁷. Согласно ее подсчетам на территории Чувашской АССР умерло более 1 тыс. военнопленных и интернированных, или 10 % контингента⁸. Это наглядно свидетельствует о том, что советский плен и интернирование нельзя отождествлять с практикой массового уничтожения военнопленных, которая имела место в лагерях нацистской Германии.

Большой интерес представляют данные о состоянии захоронений иностранных граждан. Автор их условно делит на две группы: стихийные (документально не зарегистрированные) и официальные, то есть прикрепленные к конкретным учреждениям для содержания военнопленных и интернированных. Все семь официально функционировавших кладбищ, за исключением кладбища спецгоспиталя № 3064, из-за отсутствия надлежащего присмотра и ухода пришли в запустение, что актуализиру-

ет проблему сохранения и благоустройства мест иностранных захоронений в наше время⁹.

К числу регионов, представлявших собой белое пятно в истории «архипелага ГУПВИ»¹⁰, долгое время относилась Удмуртия. Однако благодаря диссертации Дмитрия Викторовича Перевощикова «Иностранные военнопленные в Удмуртии в 1941–1949 гг.»¹¹, защита которой состоялась в 2019 г. в Чувашском государственном университете им. И. Н. Ульянова, ситуация изменилась кардинальным образом.

Диссертация включает подробный историографический обзор, раскрывающий проблемное поле исследования. Развитие современной историографии, как справедливо отмечает автор, продиктовано расширением методологических подходов и источниковой базы исследований. Положительно оценивая публикации советских историков, диссертант довольно резко критикует западногерманскую историографию¹², обвиняя немецких исследователей Х. Флейшхаккера, К. Беме, К. Беренса, В. Шварца, В. Ратца – авторов 15-томной «Истории немецких военнопленных Второй мировой войны»¹³ – в создании драматизированной и сфальсифицированной картины положения бывших солдат и офицеров германской армии в СССР. Разумеется, ряд положений этого труда не прошел проверку временем. Вместе с тем в плане методологии и источниковедения в условиях недоступности материалов советских архивов германская историография 1960–1970-х гг. совершила научный прорыв в исследовании проблемы военного плена, создав уникальный труд, в котором содержатся ценные, но далеко не всегда репрезентативные и достоверные данные о положении военнопленных на территории Советского Союза.

Источниковая база диссертации достаточно разнопланова и включает важнейшие виды источников. В ее основу положены документы, выявленные диссертантом в фондах Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, Центрального государственного архива Удмуртской Республики, Центра документации новейшей истории Удмуртской Республики, а также архивных отделов местных органов власти и музеев. Кроме этого, автор использовал материалы документальных сборников по истории военного плена в СССР. Важным дополнением к архивным материалам в диссертации является периодическая печать, а также ис-

точники личного происхождения, в первую очередь воспоминания. Использование источников личного происхождения позволило Д. В. Перевощикову показать плен глазами непосредственных участников событий.

Анализ теоретико-методологических основ диссертации позволяет сделать вывод о том, что она выполнена в русле традиционного структурно-функционального подхода, в рамках которого соискатель последовательно раскрыл особенности формирования лагерной инфраструктуры, деятельность разных типов учреждений военного плена, численность и состав лагерного контингента, основные направления работы с ним. При этом институциональные и социокультурные характеристики военного плена отошли на второй план и не получили исчерпывающего научного анализа, хотя диссертант сформулировал их в качестве самостоятельных теоретико-методологических концептов исследования¹⁴.

В первой главе диссертации раскрыт вопрос формирования и функционирования органов и учреждений военного плена на территории Удмуртии. Автор выявил географические, демографические и экономические факторы, обусловившие развертывание лагерей и отдельных рабочих батальонов на территории региона, установил их дислокацию, ведомственную принадлежность, описал лагерную инфраструктуру, организацию режима и охраны, продовольственного и вещевого снабжения контингента, характер отношений лагерной администрации с руководством предприятий, использовавших труд бывших неприятельских солдат и офицеров.

На основе анализа источников Д. В. Перевощиков выяснил, что первые учреждения для военнопленных были созданы в Удмуртии осенью 1941 г. для обеспечения древесиной и торфом местных оборонных предприятий¹⁵. Это означает, что экономические мотивы преобладали при принятии решения об организации лагерей и отдельных рабочих батальонов в том или ином месте.

Характеризуя режим содержания военнопленных, диссертант пришел к выводу, что в первые месяцы пребывания пленных на территории Удмуртии наблюдались значительные сложности в организации их жизнеобеспечения, что объяснялось условиями военного времени и отсутствием опыта у сотрудников НКВД и руководства местных предприятий¹⁶. В дальнейшем, как явствует из текста диссертации, наметилась тенден-

ция к улучшению условий размещения и содержания контингента.

Диссертантом исследована деятельность отдельных рабочих батальонов (ОРБ), которые находились в подчинении Министерства вооруженных сил СССР. История данных подразделений крайне скупо освещена в историографии, поэтому сведения, приводимые Д. В. Перевощиковым, представляют большой научный интерес. Важно подчеркнуть, что при характеристике положения военнопленных в лагерях и рабочих батальонах автор опирается не только на официальные документы, но и на воспоминания местных жителей, которые сообщают интересные факты о жизни пленных и особенностях их лагерного быта. Реконструируя лагерную повседневность, диссертант приводит факты побегов, конфликтных ситуаций с персоналом предприятий, отношений пленных с советскими женщинами, что позволяет обнаружить теневые стороны советского плена.

Судя по приведенным в диссертации данным, основную массу пленных составляли немцы, румыны, венгры и австрийцы. Всего же, по подсчетам автора, в лагерях, рабочих батальонах и спецгоспиталях, развернутых на территории Удмуртии, находились представители 25 национальностей из более чем 15 государств¹⁷. При этом национальный состав военнопленных пропорционально отражал степень участия европейских стран в войне против Советского Союза.

Далее подробно рассматривались антифашистские и культурно-воспитательные мероприятия в лагерях, формы и методы агитационно-пропагандистской работы. Вполне убедителен вывод о том, что организация досуга в лагерях позволила облегчить тяжелое психологическое состояние военнопленных. На конкретных примерах Д. В. Перевощиков показал эволюцию мировоззрения бывших солдат и офицеров гитлеровской армии. Вместе с тем здесь следует учитывать то обстоятельство, что переход на антифашистские позиции и демонстративная лояльность советской идеологии во многом были следствием конформистской психологии военнопленных, одной из стратегий адаптации и выживания в условиях плена.

Во второй главе диссертации исследовано медицинское обслуживание военнопленных. Автор подробно раскрыл деятельность специальных госпиталей для военнопленных в системе Народного комиссариата здравоохранения СССР. Он отмечает, что

спецгоспитали создавались на базе эвакогоспиталей для советских военнослужащих и обслуживали пленных на одинаковых с ними основаниях¹⁸, что, в свою очередь, свидетельствует о том, что лечению военнопленных уделялось повышенное внимание.

Д. В. Перевощиков приводит факты, свидетельствующие о крайне тяжелом состоянии поступавшего с фронтов контингента, особенно в завершающий период Сталинградской битвы. Многие пленные имели ранения, обморожения, инфекционные заболевания, были истощены и завшивлены. Именно этим обстоятельством объясняется высокая смертность пленных после прибытия в места стационарного размещения¹⁹. Важное значение Д. В. Перевощиков придает морально-психологическому аспекту медицинского обслуживания военнопленных. Персоналу спецгоспиталей приходилось прилагать беспримерные усилия, чтобы сохранить жизнь и здоровье бывшим врагам. Это требовало настоящего героизма: диссертант приводит примеры, когда врачи и медсестры заражались от больных пациентов сыпным тифом и погибали, мужественно выполняя свой профессиональный долг.

В условиях нехватки врачебного и обслуживающего персонала, как указывает автор, использовались врачи из числа пленных, а выздоровевшие пациенты привлекались к работам по самообслуживанию. В целом, как резюмирует Д. В. Перевощиков, в деятельности спецгоспиталей наблюдалась положительная динамика, что проявлялось в сокращении смертности и увеличении количества выздоровевших военнопленных²⁰. Динамика смертности военнопленных, выявленная диссертантом, совпадает с данными исследований по другим регионам²¹. Так, наибольшее количество умерших пришлось на 1943–1945 гг., наименьшее – на послевоенный период. По подсчетам Д. В. Перевощикова, из 17 тыс. военнопленных на территории Удмуртии умерли 3,8 тыс. чел., то есть 22,3 %. Нужно отметить, что этот показатель выше общесоюзного, который варьируется в пределах 15–17 %²². Чем же вызван более высокий уровень смертности пленных в Удмуртии? Диссертант однозначно отвечает на этот вопрос: массовым поступлением хронически больных и ослабленных пленных из «котлов», длительное пребывание в которых являлось следствием выполнения приказов А. Гитлера о сопротивлении до конца. Поэтому, следуя авторской логике, ответственность за массовую смертность в советском плену несет руководство нацистской Герма-

нии. С этим тезисом можно согласиться, но при этом нужно также учитывать негативное влияние на здоровье обезоруженных вражеских солдат и офицеров факторов плена, таких как тяжелый труд, лагерный быт, психологические проблемы, вызванные нахождением за колючей проволокой.

В третьей главе исследованы экономические аспекты военного плена: использование труда пленных, а также выплата материального вознаграждения за труд. Диссертантом выявлены отрасли экономики и конкретные объекты, на которых применялся труд обезоруженных неприятельских военнослужащих. В большинстве случаев, как отмечает Д. В. Перевощиков, они привлекались к низкоквалифицированным и подсобным работам²³. При этом эффективность принудительного труда уступала производительности вольнонаемных рабочих²⁴. Положительным моментом диссертации является наличие таблиц, в которых отражена численность военнопленных, занятых на предприятиях региона.

Довольно любопытным представляется сюжет, связанный с использованием пленных на заводе № 74 в Ижевске, где выпускались автоматы Калашникова. При этом нужно иметь в виду немаловажное обстоятельство: международные конвенции запрещали использовать военнопленных на работах, имеющих отношение к боевым действиям²⁵. По утверждению же диссертанта, абсолютное большинство пленных на территории Удмуртии было задействовано на предприятиях Наркомата (Министерства) обороны СССР²⁶.

Д. В. Перевощиковым детально исследован механизм начисления заработной платы военнопленным. Ему удалось выяснить, что уровень заработка варьировался в зависимости от вида работ и объекта, где трудились пленные. Анализ источников позволил диссертанту сделать вывод о том, что общий денежный доход пленных имел тенденцию к росту. Наиболее высокий заработок был у высококвалифицированных специалистов, передовиков производства и лиц, занимавших административные и руководящие должности. Благодаря заработанным денежным средствам пленные имели возможность приобретать дополнительные продукты питания и товары, поэтому зарплата являлась эффективным стимулом к труду²⁷.

Обобщая теорию и практику советского плена, Д. В. Перевощиков приходит к выводам о реализации на территории Удмур-

тии правил, установленных для содержания пленных, несмотря на трудности военного времени, а также о принципиальной разнице в положении иностранных военнопленных в СССР и советских военнослужащих в нацистском плену²⁸. И хотя этот тезис является традиционным для большинства исследований по истории советского плена, его констатация имеет большое научное и моральное значение, так как демонстрирует разницу в сущности советской и нацистской политики в отношении военнопленных в период Великой Отечественной войны.

В качестве доказательства гуманного отношения советского государства к своим бывшим врагам автор приводит положительные воспоминания военнопленных о своем пребывании в СССР²⁹. Заметим, что подобные эмоции были характерны для тех иностранцев, которые, пройдя через советский плен, приобрели добрые чувства к русским людям, освободились от нацистской идеологии и стали сторонниками коммунистической модели развития. Между тем другая часть узников лагерей ГУПВИ впоследствии критически оценивала опыт советского плена, который для них ассоциировался с лагерной несвободой, матерной лексикой, произволом лагерного начальства, идеологической обработкой, тяжелым трудом, смертью товарищей по нарам, массовым доношением, долгой разлукой с родными и близкими.

К сожалению, в диссертации не получили научного анализа вопросы, связанные с привлечением военнопленных к судебной ответственности и проведением среди них оперативно-следственных мероприятий. Вероятно, это связано с трудностями получения доступа к документам, содержащим такого рода информацию, которые, как правило, находятся на хранении в ведомственных архивах МВД и ФСБ России.

Несмотря на достаточную аргументированность большинства положений диссертации, некоторые тезисы автора представляются не вполне убедительными. В частности, характеризуя организацию продовольственного обеспечения в лагерях, Д. В. Перевошиков пишет, что вероятность хищения продуктов, предназначенных для питания военнопленных, была низкой³⁰. Вместе с тем, судя по приведенным в диссертации фактам³¹, в лагерях существовал своеобразный черный рынок, в деятельность которого были вовлечены и военнопленные, и лагерный персонал, и местное население. Деятельность преступных групп,

расхищавших лагерное имущество, наносила государству серьезный материальный ущерб, поэтому борьба с хищениями являлась одним из важнейших направлений деятельности оперативных аппаратов лагерей³².

Приведенное в заключении утверждение о том, что в пунктах содержания военнопленных, расположенных в Удмуртии, «не было зарегистрировано ни одного случая широкомасштабной эпидемии»³³, также опровергается содержащимися в диссертации сведениями о массовой эпидемии сыпного тифа среди поступивших из сталинградского котла, жертвами которой стали не только пленные, но и медицинские работники³⁴.

Несмотря на указанные недочеты, Д. В. Перевошиков показал себя как серьезный и вдумчивый исследователь, ввел в научный оборот новый комплекс архивных документов, на основе анализа конкретно-исторического материала сформулировал оригинальные выводы и обобщения. В приложениях к диссертации содержатся планы и схемы дислокации лагерей, а также фотографии, показывающие современное состояние мест расположения лагерей, кладбищ, зданий, построенных пленными. Наличие визуальных источников позволяет наглядно представить уникальные артефакты, связанные с пребыванием военнопленных в Удмуртии.

Гораздо менее изученным, чем история советского военного плена, является история интернирования в СССР немецкого населения. По оценкам исследователей, в конце 1944 – первой половине 1945 г. на территорию Советского Союза было вывезено не менее 267 тыс. гражданских лиц немецкой национальности³⁵. Основная масса интернированных была направлена на работы по восстановлению угольной промышленности Донбасса и черной металлургии юга СССР. В этой связи заслуживает внимания кандидатская диссертация Романа Юрьевича Смахнова, защита которой состоялась в Воронежском государственном университете в 2012 г. Она посвящена истории пребывания интернированных немцев периода Второй мировой войны на территории Украинской ССР³⁶.

Важно отметить широкую источниковую базу диссертации, которая помимо материалов российских архивов и библиотек включает документальные коллекции из архивохранилищ Украины и Германии. В частности, автор привлек материалы Государственного архива Донецкой области, Центрального

государственного архива гражданских организаций, Трансильванского института в г. Гундельсхайм-на-Некаре, Института истории и краеведения дунайских швабов при министерстве внутренних дел земли Баден-Вюртемберг и литературные источники из библиотек Свободного университета, университета им. Гумбольдта, Государственной библиотеки г. Берлина. Широкое использование немецкоязычных источников личного происхождения, которые позволяют раскрыть детали повседневной жизни интернированных, является отличительной чертой данной диссертации.

В первой главе диссертации подробно рассмотрена отечественная и зарубежная литература о пребывании интернированных немцев в СССР. Вполне обоснован вывод автора о доминировании западногерманской историографии в изучении данной проблемы. Анализ публикаций позволил Р. Ю. Смехнову выделить два историографических этапа: 1) национальный (конец 1940-х – конец 1980-х гг.), когда изучение судеб интернированных немцев осуществлялось исключительно исследователями из Западной Германии с опорой на немецкоязычные источники; 2) международный (1990–2000-е гг.), когда после распада коммунистической системы ученые разных стран получили возможность работать в российских архивах, что положительным образом сказалось на качестве источниковой базы научных работ и обоснованности выводов.

Вторая глава посвящена изучению пребывания интернированных немцев на территории Украинской ССР. Последовательно рассмотрены механизм подготовки и проведения операции по интернированию немецкого населения, численность и состав интернированных, их размещение и жизнеобеспечение, особенности структуры и кадрового обеспечения рабочих батальонов. По данным автора, в этом регионе трудились 152 тыс. гражданских немцев из Германии, Румынии, Венгрии и Югославии («фольксдойче» и «рейхсдойче»), что составляло 54,4 % от общей численности интернированных в Советском Союзе³⁷.

Автор обращает внимание, что если в зарубежной историографии рассматриваемую группу немцев определяли терминами «депортированные» и «угнанные», то на постсоветском пространстве употребляется термин «интернированные» или «вестрабайтеры»³⁸. Большинство из них были выходцами из сельских районов и

имели возраст от 17 до 45 лет. Характеризуя условия содержания интернированных, Р. Ю. Смехнов отмечает неудовлетворительную транспортировку, плохие условия размещения, недостаточные нормы питания, основу которого составляли черный хлеб, суп и каша. При этом, как указывает диссертант, нередко интернированные питались лучше, чем местное население³⁹.

В третьей главе исследованы экономические аспекты пребывания интернированных немцев на территории Украины, в том числе особенности организации принудительного труда, его география, эффективность. Основной контингент «вестрабайтеров» был сконцентрирован в наиболее пострадавших от немецкой оккупации советских регионах. Как правило, рабочие батальоны размещались при предприятиях («хозорганах»), с которыми заключался договор о выводе рабочей силы. Основными потребителями иностранной рабочей силы в рассматриваемом регионе были Наркомат угольной промышленности и Наркомат цветной металлургии, за которыми были закреплены 93 рабочих батальона интернированных.

Заслуживает внимания проведенный диссертантом анализ финансовых итогов деятельности рабочих батальонов. В частности, им предпринята попытка сравнения доходов и расходов учреждений для интернированных, но неполные архивные данные не позволили с высокой степенью объективности определить эффективность трудового использования интернированных немцев на территории УССР⁴⁰. По мнению автора, были как передовые, так и отстающие рабочие батальоны. Практика использования труда «вестрабайтеров» хозорганами, стремившимися получить максимальную трудовую отдачу от рабсилы при минимальных затратах, приводила к планомерному сокращению трудового фонда и физической деградации контингента.

Интерес представляет изучение такого немаловажного аспекта производственной деятельности, как трудовая этика. По мнению диссертанта, результатом специфической трудовой аккультурации стало усвоение немцами практики поведения на производстве советских рабочих, которая заключалась в халатном отношении к труду. К примеру, широкое распространение получило негласное правило «Когда начальник на месте, ты трудись, когда он повернулся к тебе спиной – заканчивай с работой»⁴¹.

В четвертой главе диссертации рассмотрены структура и особенности повседнев-

ной жизни лагерного социума. Особое внимание уделено лагерной стратификации, стратегиям поведения, настроениям и ожиданиям, формам досуга и организации свободного времени, особенностям восприятия советской действительности. Именно обращение к «человеческому измерению» истории интернирования является достоинством данной диссертации. Автор отмечает, что среди «вестарбайтеров» наблюдалось социальное расслоение, в процессе которого выделялись категории, активно сотрудничавшие с лагерной администрацией (антифашисты, переводчики, члены вспомогательных команд, осведомители, кухонный персонал и т. п.). С другой стороны, расслоение лагерного общества шло по этническому принципу, что затрудняло коммуникацию и приводило к конфликтам между интернированными.

В условиях лагерной действительности происходило изменение поведения. Как отмечает Р. Ю. Смехнов, нужда обнажала отрицательные стороны личности, превращая людей в «брутальных эгоистов»⁴². Широкое распространение приобрели воровство, доноительство, грубость. В условиях ограниченных контактов с внешним миром лагерная жизнь была наполнена разными слухами и домыслами, зачастую не имевшими никакого отношения к реальности.

Формы организации досуга зависели от личности интернированного и отношения лагерной администрации. Использовались как коллективные (танцевальные вечера, театральные постановки, просмотр кинофильмов, спортивные мероприятия), так и индивидуальные (чтение книг, молитвы) формы культурной деятельности. Контакты с местным населением имели место в процессе совместного труда и разного рода бытовых ситуациях. Образ русского человека в сознании немцев наделялся как положительными (выносливость, неприхотливость, находчивость), так и отрицательными (идеологизированность, пассивность) чертами.

В заключении диссертации поставлена проблема осмысления коллективного и личностного опыта пребывания в Советском Союзе бывшими интернированными. Вплоть до настоящего времени среди них практикуются различные формы самоорганизации для защиты прав, в частности в европейских странах действуют общества депортированных в СССР.

В диссертационных исследованиях рассмотрен опыт пребывания в советском плену представителей не только европейских,

но и восточных наций. К примеру, диссертация Сергея Петровича Кима, защищенная в Институте российской истории РАН в 2016 г., посвящена изучению пребывания японских военнопленных Второй мировой войны на территории СССР⁴³. Несмотря на довольно обширную историографию⁴⁴, история «сибирского интернирования», как называют в мемуарах советский плен бывшие военнослужащие императорской Японии, не потеряла своей актуальности и является предметом дискуссий между российскими и зарубежными историками. В первую очередь это касается вопросов правового статуса японских военнопленных в СССР, их численности, смертности и репатриации. С точки зрения гуманитарных аспектов проблемы актуальным остается вопрос сохранения и благоустройства мест погребения японцев, умерших в советском плену, а также выяснения судеб лиц, пропавших без вести. Вне всякого сомнения, научное исследование обозначенных проблем играет важную роль в поддержании добрососедских отношений между Россией и Японией.

Источниковая база диссертации включает законодательные и нормативные акты высших органов государственной власти СССР, делопроизводственную документацию НКВД–МВД и других советских наркоматов (министерств) и ведомств, документы личного происхождения (мемуары), периодическую печать. Положительным является то, что автор не ограничился фондами Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного военного архива, в которых находится на хранении основной комплекс документации по изучаемой проблеме, но также активно использовал документы Российского государственного архива социально-политической истории и Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации.

В автореферате диссертации представлена не только российская, но и зарубежная, в первую очередь японская и американская, историография проблемы. К сожалению, С. П. Ким не привлекал документы японских архивов, что существенно бы усилило источниковую базу, новизну исследования и в целом увеличило вклад в изучение вопроса.

В первой главе диссертации рассмотрены военные, правовые и структурно-организационные аспекты проблемы. Автор подробно раскрыл процесс капитуляции Квантунской армии в августе 1945 г., правовой статус и численность вывезенных на работы в СССР обезоруженных японских воен-

нослужащих, структуру и функции лагерей для японских военнопленных, условия их жизнеобеспечения. По оценкам С. П. Кима, в августе 1945 г. в результате капитуляции японской армии в Манчжурии сложили оружие 639 776 японских солдат и офицеров, из числа которых 534 101 чел. был направлен в лагерь НКВД СССР⁴⁵. Характеризуя организацию размещения и содержания военнопленных, автор отмечает сложности создания лагерной инфраструктуры, проблему кадров, а также трудности акклиматизации, что обусловило высокий уровень заболеваемости и смертности среди бывших японских военнослужащих.

Во второй главе исследованы экономические аспекты пребывания японских военнопленных на территории Советского Союза, в том числе их распределение по отраслям промышленности и организация трудового использования. С. П. Ким справедливо указывает, что количество военнопленных, выделяемых для трудового использования наркоматам-министерствам, зависело от приоритетов развития советской экономики. Труд японцев в основном использовался в строительстве, угледобыче и лесозаготовках в восточных регионах СССР, испытывавших потребность в рабочей силе. При этом производительность труда пленных изначально была невысокой, хотя и имела тенденцию к росту.

Характеризуя продовольственное снабжение военнопленных, С. П. Ким обращает внимание на дифференциацию питания в зависимости от воинского звания, состояния здоровья и трудоспособности. Состав рациона пленных, как отмечает автор, в общем соответствовал рационам заключенных тюрем и исправительно-трудовых лагерей. Вместе с тем предпринимались попытки увеличить его калорийность и адаптировать к традициям японской кухни, что демонстрирует заинтересованность руководства НКВД–МВД в улучшении условий содержания военнопленных, повышении их трудоспособности.

Третья глава раскрывает особенности политической и следственной работы среди пленных японцев. Если политработа была нацелена на идеологическое перевоспитание военнопленных, то оперативно-следственная работа – на разоблачение и наказание военных преступников. Все это преследовало конечной целью не допустить возрождение милитаризма и реваншизма в Японии. В результате идеологического перевоспитания часть пленных японцев стала

убежденными сторонниками развития своей страны по советскому образцу. Вместе с тем эффективность идеологического воздействия не следует переоценивать, так как среди пленных оставались лица, резко негативно относившиеся к Советскому Союзу и его политике⁴⁶.

В ходе следственной работы с военнопленными, как полагает С. П. Ким, была сформирована обвинительная база для проведения Международного военного трибунала в Токио. Кроме того, в лагерях были выявлены сотрудники разведывательных и полицейских органов, занимавшиеся диверсионной и шпионской деятельностью против СССР, а также лица, участвовавшие в разработке бактериологического оружия. Организаторы этих преступлений были осуждены на Хабаровском судебном процессе в декабре 1949 г.

В четвертой главе исследована организация репатриации военнопленных в контексте внешнеполитических отношений СССР с США и Японией. Автор проанализировал динамику репатриационного процесса, численность и состав репатриантов, указав, что они определялись внешнеполитическими и внутривнутриполитическими обстоятельствами. И хотя данный аспект достаточно подробно исследован в работах Е. Л. Катасоновой⁴⁷, обращение к нему представляется оправданным, так как репатриация являлась важной составляющей и закономерным итогом военного плена.

По данным С. П. Кима, в 1946–1950 гг. было репатрировано 510 417 чел. Репатриация пленных японцев завершилась весной 1950 г., после чего на территории СССР оставались 1487 чел., осужденных за участие в военных преступлениях или подозреваемых в их совершении⁴⁸. Последние японские военнопленные были освобождены в декабре 1956 г.

К сожалению, автор диссертации практически не затрагивает социокультурные аспекты военного плена: психологию военнопленных, стратификацию лагерного социума, стратегии поведения, настроения и ожидания, формы досуга, восприятие советской действительности, отношения пленных с местным населением. Вне всякого сомнения, обращение к «человеческому» измерению истории военного плена позволило бы существенно расширить представление об истории пребывания японских военнопленных в СССР, однако ограниченные рамки исследования не позволили реализовать данную задачу.

Подводя итоги исследования, С. П. Ким приходит к выводу о том, что политика Советского государства в отношении бывших японских военнослужащих по своей сути не являлась репрессивной. Руководство НКВД–МВД и советское правительство проводили систематические мероприятия по устранению недостатков, связанных с размещением, жизнеобеспечением и трудовым использованием иностранных военнопленных, и японцы не были исключением⁴⁹.

Закономерным итогом исследования истории советского плена и интернирования стало обращение к проблеме реинтеграции военнопленных и интернированных в послевоенные общества после возвращения на родину. Показательной в этом отношении является кандидатская диссертация Екатерины Васильевны Образцовой «Ресоциализация немецких военнопленных после возвращения из СССР: 1945–1955 гг.», защищенная в 2017 г. в Волгоградском государственном университете⁵⁰. Под термином «ресоциализация военнопленных» диссертант понимает «изменение ставших неадекватными ценностей, отношений человека в соответствии с новыми социальными условиями и предписаниями». А если точнее, то ресоциализация – это «перестройка личности, изменение, восстановление социальных связей, ценностных ориентаций, норм»⁵¹.

Исследование проведено на междисциплинарной основе с учетом политико-правовых, экономических, социально-психологических, медицинских, культурологических аспектов заявленной темы. По данным автора, количество немецких военнопленных, вернувшихся из плена в СССР, составило около 2 млн чел.⁵²

Источниковая база диссертации включает опубликованные и неопубликованные документы, выявленные диссертантом в российских и германских архивах. Среди них международные конвенции и дипломатическая переписка, делопроизводственная документация государственных и общественных структур, партийных инстанций и лагерных учреждений, письма, воспоминания и интервью бывших военнопленных и их родственников, материалы периодической печати. Все это позволило автору изучить проблему ресоциализации как с точки зрения международно-правовых и государственно-бюрократических институтов, так и с точки зрения личностного опыта.

В первой главе диссертации рассмотрены особенности и последствия пребывания

немецких военнопленных в Советском Союзе. Автором охарактеризованы политика СССР в отношении немецких военнопленных, правовое регулирование режима военного плена, условия труда и быта в советских лагерях, механизм репатриации. Детально изучено воздействие плена на физическое состояние и психику бывших солдат и офицеров германской армии. Вполне аргументирован вывод о негативном влиянии на военнопленных длительного нахождения в плену, отсутствия связи с родными, неблагоприятной социально-экономической ситуации в Советском Союзе, который понес колоссальные материальные и демографические потери в период войны.

Во второй главе проанализирована деятельность государственных органов и общественных организаций в Восточной и Западной Германии по организации помощи репатриантам. Последовательно рассмотрены политика оккупационных властей в отношении бывших военнопленных, эволюция системы социального обеспечения репатриантов, ее особенности после образования ФРГ и ГДР.

В третьей главе исследованы особенности процесса ресоциализации бывших немецких военнопленных. Большой интерес представляет анализ факторов, влиявших на процесс адаптации репатриантов после возвращения из плена. Автор делает вывод о том, что скорость адаптации во многом определялась физическим и психическим здоровьем репатриантов⁵³. Важными факторами успешной адаптации также являлись получение временного или постоянного жилья, продуктовых карточек, трудоустройство, воссоединение с семьей. К сожалению, как указывает диссертант, далеко не все репатрианты смогли приспособиться к послевоенной мирной жизни, свидетельством чему были случаи суицида, разводов, семейно-бытовых конфликтов.

Е. В. Образцова обращает внимание на такой немаловажный момент: бывшие члены антифашистского актива имели неплохие перспективы карьерного роста в ГДР, но подвергались общественному порицанию и обвинениям в предательстве в ФРГ⁵⁴. Наконец, на процесс адаптации существенное влияние оказывали возраст, профессия, образование того или иного репатрианта, экономическая ситуация в конкретном регионе, куда возвращались бывшие военнопленные, в частности уровень безработицы. Под влиянием субъективных и объективных обстоятельств вернувшиеся из плена по-разному

интерпретировали личный опыт пребывания в СССР, что нашло отражение в мемуарной литературе. Большинство репатриантов, как следует из выводов автора, «смогло преодолеть последствия плена и адаптироваться к реалиям послевоенной Германии»⁵⁵. Вместе с тем указывается, что государственная поддержка бывших военнопленных, уровень оказания им социальной помощи были более выражены в Западной Германии, чем в Восточной.

Возможность работы с рассекреченными архивными документами, появившаяся у российских ученых в 1990-е гг., создала благоприятные предпосылки для исследования судеб советских военнопленных периода Великой Отечественной войны. Системе проверки советских военнослужащих, попавших в неприятельский плен или окружение в годы Великой Отечественной войны, посвящена диссертационная работа Артема Валерьевича Латышева, успешная защита которой состоялась в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова в 2017 г.⁵⁶

Через систему проверки, по подсчетам автора, прошло свыше 2,5 млн бывших советских военнослужащих. Для их содержания была создана система специализированных органов и учреждений, представленных специальными и проверочно-фильтрационными лагерями, сборно-пересыльными и проверочно-фильтрационными пунктами, специальными запасными частями. Кроме того, в фильтрации непосредственное участие принимали сотрудники фронтовых особых отделов НКВД и отделений СМЕРШ.

Диссертантом проанализирован обширный массив отечественных и зарубежных публикаций по истории советских фильтрационных учреждений, выделены этапы и направления историографии, охарактеризованы основные результаты научного поиска. Источниковая база диссертации представлена комплексом документов официального и личного происхождения. Архивные документы, положенные в основу исследования, выявлены А. В. Латышевым в фондах Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, Российского государственного архива социально-политической истории, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Центрального государственного архива Московской области и впервые введены в научный оборот. Кроме того, автор использовал материалы специализированных интернет-ресурсов

(обобщенный банк данных «Подвиг народа», сайт воспоминаний участников Второй мировой войны «Я помню»), а также обращался к документальным сборникам по истории органов государственной безопасности, внутренних дел и уголовно-исполнительной системы.

В первой главе диссертации речь идет о развитии и деятельности органов и учреждений по проверке бывших советских военнопленных и «окруженцев». Автором подробно рассмотрены причины и обстоятельства пленения летом–осенью 1941 г. советских военнослужащих, становление структур спецпроверки и фильтрационных практик в начальный период войны. Детально проанализирован процесс разработки и принятия постановления Государственного комитета обороны СССР от 27.12.1941 № 1096сс «О мерах по выявлению среди бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и в окружении, изменников родины, шпионов и дезертиров», на основании которого были организованы сборно-пересыльные пункты и специальные лагеря.

Далее охарактеризованы процессы формирования и функционирования системы проверки, движение и состав контингента, организация режима в сборно-пересыльных пунктах и лагерях. А. В. Латышев делает вывод о том, что на процесс фильтрации влияли обстановка на советско-германском фронте, нехватка материальных ресурсов, острая потребность армии в пополнении, а промышленности – в рабочей силе. Автор вполне обоснованно указывает на межведомственные противоречия между Наркоматом внутренних дел и Наркоматом обороны в вопросах использования «спецконтингента». В частности, он обращает внимание на ускорение процесса проверки на сборных пересыльных пунктах, которые получили право направления бывших военнопленных непосредственно в боевые части. Спецлагеря же были переориентированы на трудовое использование лиц, проходивших проверку, что приводило к задержке фильтрационных мероприятий⁵⁷.

Закономерным итогом этого процесса стала передача в июле 1944 г. спецлагерей в ведение ГУЛАГа, в составе которого был создан отдел спецлагерей. Однако специфика проверочно-фильтрационных учреждений и рост численности их контингента привели к созданию в августе 1944 г. самостоятельного отдела спецлагерей НКВД, который в феврале 1945 г. был переименован в отдел проверочно-фильтрационных лагерей НКВД.

Создание последнего, по мнению А. В. Латышева, было вызвано началом массовой репатриации в СССР гражданского населения, для проверки которого создавались проверочно-фильтрационные лагеря. Большой интерес представляют обобщенные А. В. Латышевым данные о численности лиц, прошедших процедуру фильтрации в 1942–1945 гг.⁵⁸

Во второй главе диссертации подробно исследовано содержание процесса проверки, в частности его пропагандистские, контрразведывательные и социальные аспекты. Автор показывает отношение Советского государства к попавшим в плен военнослужащим Красной армии в предвоенный период, отмечая, что для советского законодательства было характерно их разделение на тех, кто умышленно перешел на сторону врага, и тех, кто попал в плен по не зависящим от них объективным обстоятельствам. Он полагает, что вступление СССР во Вторую мировую войну вызвало ужесточение политики и риторики в отношении военнослужащих, попавших в неприятельский плен. Наглядным примером тому явился приказ Ставки верховного главнокомандования от 16.08.1941 № 270 «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия», который объявлял сдачу в плен тяжким преступлением. Этот документ, по мнению А. В. Латышева, носил выраженный пропагандистский характер, так как привлечение к уголовной ответственности за сдачу в плен врагу не стало массовым явлением для советской военной юстиции. Таким образом, согласно логике автора, главной целью советского руководства было не инициирование судебного преследования бывших военнопленных, а формирование установки о недопустимости попадания во вражеский плен.

Основываясь на текстологическом анализе советских пропагандистских материалов, А. В. Латышев приходит к важному заключению, согласно которому в годы Великой Отечественной войны во внутренней пропаганде не существовало однозначно негативного уклона относительно советских военнопленных. При общем пафосе о недопустимости сдачи в плен военная пропаганда формировала сочувственное отношение к бойцам и офицерам, терпящим страдания и мучения в фашистской неволе. Именно это обстоятельство наряду с другими факторами объясняет амбивалентное отношение советского общества к бывшим военнопленным.

Далее в диссертации раскрыты формы и содержание агитационно-пропагандистской работы с вернувшимися из плена и окружения. Первоначально она была нацелена на быстрейшее направление в ряды Красной армии «дисциплинированного и политически устойчивого пополнения»⁵⁹. В дальнейшем упор делался на формирование у проверяемых высокой трудовой мотивации и дисциплины: «фильтранты» убеждались в необходимости проверки, затем им внушалось чувство вины, которое следовало искупить ударным трудом. Большое значение придавалось культурно-массовым мероприятиям, призванным улучшить морально-психологический климат в спецлагерях.

А. В. Латышев исследует условия и практику контрразведывательной работы с «фильтрантами». Большую роль в процессе проверки, по его мнению, играли субъективные и объективные факторы: нехватка и низкая квалификация оперативно-чекистских работников, трудовая занятость контингента и т. п.

Последний параграф посвящен социально-психологическим аспектам проверки: взаимоотношения проверяемых с сотрудниками лагерей, настроениям «фильтрантов» и т. п. Достаточно подробно изучены механизм комплектования кадрового состава, моральные качества сотрудников, состояние служебной дисциплины, а также теневые стороны лагерной жизни (пьянство, воровство, сожительство и т. п.). Анализ источников позволил А. В. Латышеву сделать вывод о том, что отношения между узниками лагерей, с одной стороны, и лагерным персоналом и советским населением – с другой, варьировались в самом широком диапазоне – от враждебных до дружеских. На психологическом состоянии проверяемых, как отмечает автор, негативно сказывалась атмосфера подозрительности и недоверия. Длительное содержание в лагерях с неясными перспективами освобождения приводило к различным формам протеста. При этом большинство «фильтрантов» признавали необходимость и обоснованность проверочных мероприятий⁶⁰.

В заключении диссертации А. В. Латышев делает вывод об эволюции системы проверки, что проявлялось в создании новых типов проверочно-фильтрационных учреждений. Если в начале войны в системе проверки преобладали оперативные задачи, то к концу войны – производственные. Идеологическое сопровождение проверки

также существенно изменилось: стигматизация военнопленных как предателей и изменников Родины сопровождалась попытками идеологической нейтрализации статуса бывших военнопленных, что должно было облегчить им ресоциализацию. Весьма продуктивным представляется сравнение отношения к бывшим военнопленным в СССР и других странах – участниках Второй мировой войны, которое показывает, что политика советского руководства в отношении бывших военнопленных и «окруженцев» отличалась противоречивостью официальных мер и неформальных практик, обусловивших феномен спецпроверки.

Существенное значение для реконструкции объективной и всесторонней картины положения военнопленных и интернированных в Советском Союзе имеет выявление и введение в научный оборот новых исторических источников, в первую очередь архивных документов. В настоящее время значительная часть документации по истории советского военного плена и интернирования из фондов центральных государственных архивов, прежде всего Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного военного архива, опубликована в документальных сборниках и проанализирована в диссертациях, монографиях и статьях российских историков и их зарубежных коллег. Гораздо менее востребованными в силу разных причин являются фонды местных архивов республик, краев и областей, где размещались учреждения для иностранных военнопленных и интернированных и осуществлялась эксплуатация их труда.

В этом отношении заслуживает внимания диссертация Михаила Александровича Орлова «Документы второй половины 1930-х – первой половины 1950-х гг. в фондах Государственного архива Кемеровской области как источник по истории лагерей Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР», защищенная в 2019 г. в Кемеровском государственном университете по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования⁶¹.

Научная новизна диссертации обусловлена тем обстоятельством, что автор впервые детально изучил комплекс документов по истории лагерей Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР, находящийся на хранении в Государственном архиве Кемеровской области (ГАКО), разработал методику их

выявления, анализа и интерпретации. Вне всякого сомнения, в силу типичности формирования архивных фондов предложенная автором методика сбора и анализа материалов может быть успешно использована исследователями в других регионах России и странах постсоветского пространства.

М. А. Орлов подробно проанализировал историографию проблемы, выделил ее этапы, описал наиболее важные результаты научного поиска советских и российских историков. Он отмечает, что основная часть документов по истории ГУПВИ в областных государственных архивах сосредоточена в фондах организаций промышленности и строительства, что обусловлено широким использованием труда военнопленных и интернированных в советской экономике как на общесоюзном, так и на региональном уровнях.

Большой интерес представляет разработанная автором классификация документов в зависимости от их видового состава, авторства, времени и места создания, а также характера информации. Наибольшее внимание уделено рассмотрению таких информативных видов документов, как стенограммы и протоколы партийных структур, персональные дела сотрудников лагерей, делопроизводственная документация местных органов власти, нормативно-распорядительные, договорные и отчетно-статистические документы предприятий и организаций, использовавших труд лагерного контингента.

Всего М. А. Орлову удалось выявить документы по истории ГУПВИ в 54 фондах Государственного архива Кемеровской области, что свидетельствует о том, что местные архивы являются важным источником информации по истории плена и интернирования периода Второй мировой войны в СССР. Осуществленная автором сложная и трудоемкая работа по систематизации документального материала может быть использована при обработке других фондов местных архивов.

К сожалению, в диссертации не получила должного научного анализа документация органов и учреждений здравоохранения, в которых проходили лечение военнопленные и интернированные. Как правило, в государственных архивах республик, краев и областей, где размещались лагеря и госпитали для военнопленных и интернированных, находятся на хранении фонды или отдельные документы со сведениями об их медико-санитарном обслуживании. Анализ этих

источников дает исследователям ценную информацию о заболеваемости и смертности узников войны, а также местах их захоронения.

Важно отметить, что исследователям истории советского военного плена и интернирования необходимо больше внимания уделять внутренней критике выявленных документов по истории системы ГУПВИ, а также вопросам их достоверности. Это позволит сформулировать свое мнение по ряду сложных и дискуссионных аспектов, представляющих несомненный научный интерес: насколько полно и объективно документы официального характера отражают реальное положение военнопленных и интернированных? всегда ли на практике соблюдались постановления и распоряжения советского правительства в отношении обезоруженных солдат и офицеров противника? имели ли место приписки в отчетах о результатах труда лагерного контингента? скрывались ли факты производственного травматизма и смертности от вышестоящего руководства? привлекались ли лица, совершавшие злоупотребления в отношении пленных, к судебной ответственности?

Очевидно, что в экстремальных условиях военной и послевоенной действительности и специфической правовой культуры советского общества помимо официальных практик существовали теневые стратегии выживания и хозяйственной деятельности, выявление которых важно для понимания феномена советского плена и интернирования.

В целом, подводя итоги рассмотрения новейших отечественных диссертаций по истории советского плена и интернирования Второй мировой войны, необходимо отметить расширение источниковой и историографической базы, а также проблематики исследований, использование новых теоретико-методологических подходов, что благоприятно сказывается на объективности и оригинальности полученных результатов и выводов. Наиболее существенны итоги изучения региональных, национальных, социокультурных и источниковедческих аспектов истории военного плена и интернирования. Подготовка и защита диссертаций свидетельствуют о том, что у данного направления историографии имеются хорошие предпосылки для дальнейшего развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бланк А. С. Национальный комитет «Свободная Германия» – центр антифашистской борьбы немецких патриотов (1943–1945 гг.). Вологда, 1963. 92 с.; Бланк А. С., Левель Б. Наша цель – свободная Германия. Из истории антифашистского движения «Свободная Германия» 1943–1945 гг. М., 1969. 293 с.

² Конасов В. Б., Кузьминых А. Л. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-поисковый аппарат. Вологда, 2002. 232 с.; Кузьминых А. Л. Советский военный плен и интернирование как историографическая проблема // Рос. история. 2012. № 3. С. 158–174.

³ Кузьминых А. Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт: 1939–1956 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Архангельск, 2014. 50 с.; Маркдорф Н. М. Иностранные военнопленные и интернированные в Западной Сибири: 1943–1956 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2012. 39 с.

⁴ Малясова Н. Б. Военнопленные и интернированные Второй мировой войны на территории Чувашской АССР (1942–1949 гг.): состав, размещение и трудовое использование: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2012. 22 с.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 11.

⁸ Там же. С. 20.

⁹ Там же. С. 21.

¹⁰ Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956: Wien; München, 1995. 270 p.; Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: плен и интернирование в Советском Союзе 1941–1956. М., 2002. 302 с.

¹¹ Перовошиков Д. В. Иностранные военнопленные в Удмуртии в 1941–1949 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2019. 22 с.

¹² Там же. С. 7–8.

¹³ Bährens K. Deutsche in Straflagern und Gefängnissen der Sowjetunion // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 5 (1–3). München; Bielefeld, 1965. Bd. 5 (1). 574 s.; Bd. 5 (2). 592 s.; Bd. 5 (3). 599 s.; Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Eine Bilanz // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 7. München; Bielefeld, 1966. 474 s.; Cartellieri D. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Die Lagergesellschaft. Eine Untersuchung der zwischenmenschlichen Beziehungen in den Kriegsgefangenenlagern // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 2. München; Bielefeld, 1967. 381 s.; Fleischhacker H. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Der Faktor Hunger // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 3. München; Bielefeld, 1965. 560 s.; Ratzka W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Der Faktor Arbeit // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 4. München; Bielefeld, 1973. 384 s.; Robel G. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Antifa // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 8. München; Bielefeld, 1974. 487 s.; Schwarz W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Aus dem kulturellen Leben // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 6. München; Bielefeld, 1969. 366 s.

¹⁴ Перовошиков Д. В. Иностранные военнопленные в Удмуртии в 1941–1949 гг. С. 28.

- ¹⁵ Там же. С. 36.
¹⁶ Там же. С. 78.
¹⁷ Там же. С. 90.
¹⁸ Там же. С. 113.
¹⁹ Там же. С. 116.
²⁰ Там же. С. 129, 133.
²¹ Кузьминых А. Л. Архипелаг ГУПВИ на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). М., 2017. С. 264–265.
²² Он же. Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 гг.). Вологда, 2016. С. 202–204; Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М., 2001. С. 511–512.
²³ Перовошиков Д. В. Иностранцы военнопленные в Удмуртии в 1941–1949 гг. С. 175, 179–180.
²⁴ Там же. С. 161–162.
²⁵ Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г. Ст. 6. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Конвенция_о_законах_и_обычаях_сухопутной_войны_\(1907\)#Глава_II._О_военнопленных](https://ru.wikisource.org/wiki/Конвенция_о_законах_и_обычаях_сухопутной_войны_(1907)#Глава_II._О_военнопленных) (дата обращения: 11.12.2021).
²⁶ Перовошиков Д. В. Иностранцы военнопленные в Удмуртии в 1941–1949 гг. С. 181.
²⁷ Там же. С. 189–191.
²⁸ Там же. С. 198.
²⁹ Там же. С. 202.
³⁰ Там же. С. 54.
³¹ Там же. С. 57–58, 71–72, 129.
³² Кузьминых А. Л. Борьба с хищениями в лагерях НКВД–МВД для военнопленных в 1940-е гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей) // Актуальные проблемы управления и экономики: история и современность : материалы науч. конф. (г. Вологда, 31 марта – 1 апреля 2006 г.). Вологда, 2006. С. 254–262.
³³ Перовошиков Д. В. Иностранцы военнопленные в Удмуртии в 1941–1949 гг. С. 196.
³⁴ Там же. С. 116.
³⁵ Павел П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 215–216.
³⁶ Снежков Р. Ю. Интернированные немцы на территории Украинской ССР (1944–1950): размещение, трудовое использование, лагерная жизнь : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2012. 24 с.
³⁷ Там же. С. 3–4.
³⁸ Там же. С. 17.
³⁹ Там же. С. 18.
⁴⁰ Там же. С. 20.
⁴¹ Там же. С. 21.
⁴² Там же. С. 22.
⁴³ Ким С. П. Японские военнопленные на территории Советского Союза: 1945–1956 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 28 с.
⁴⁴ Базаров О. Д. Японские военнопленные в Бурятии (1945–1948 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1997. 18 с.; Бондаренко Е. Ю. Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России: 1914–1956 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2004. 45 с.; Карасев С. В. История плена: советско-японская война и ее последствия: 1945–1956 годы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2007. 38 с.; Катасонова Е. Л. Решение гуманитарной проблемы японских военнопленных в отношениях СССР(РФ) и Японии (1945–2003 гг.). Исторический аспект : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 42 с.; Кузнецов С. И. Японские военнопленные в СССР после Второй мировой войны, 1945–1956 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1994. 346 с.; Спиридонов М. Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945–1948 гг.): проблемы размещения, содержания и трудового использования : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2001. 26 с.
⁴⁵ Ким С. П. Японские военнопленные на территории Советского Союза: 1945–1956 гг. С. 16.
⁴⁶ Там же. С. 21.
⁴⁷ Катасонова Е. Л. Японские военнопленные в СССР: Большая игра великих держав. М., 2003. 427 с.; Она же. Последние пленники Второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений : моногр. М., 2005. 253 с.
⁴⁸ Ким С. П. Японские военнопленные на территории Советского Союза: 1945–1956 гг. М., 2016. С. 18, 24.
⁴⁹ Там же. С. 27.
⁵⁰ Образцова Е. В. Ресоциализация немецких военнопленных после возвращения из СССР: 1945–1955 : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2017. 28 с.
⁵¹ Там же. С. 10.
⁵² Там же. С. 4.
⁵³ Там же. С. 26.
⁵⁴ Там же. С. 27.
⁵⁵ Там же. С. 29.
⁵⁶ Латышев А. В. Система проверки военнослужащих Красной Армии, вернувшихся из плена и окружения: 1941–1945 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 20 с.
⁵⁷ Там же. С. 15.
⁵⁸ Там же. С. 16.
⁵⁹ Латышев А. В. Система проверки военнослужащих Красной армии, вернувшихся из плена и окружения. 1941–1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. С. 142.
⁶⁰ Он же. Система проверки военнослужащих Красной Армии, вернувшихся из плена и окружения: 1941–1945 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. С. 17–18.
⁶¹ Орлов М. А. Документы второй половины 1930-х – первой половины 1950-х гг. в фондах Государственного архива Кемеровской области как источник по истории лагерей Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2019. 30 с.

REFERENCES

- ¹ Blank A. S. *Nacional'nyj komitet «Svobodnaya Germaniya» – centr antifashistskoj bor'by nemeckih patriotov (1943–1945 gg.)* [National Committee "Free Germany" – the center of the antifascist struggle of German patriots (1943–1945)]. Vologda, 1963. 92 p. (In Russ.); Blank A. S., Level B. *Nasha cel' – svobodnaya Germaniya. Iz istorii antifashistskogo*

dvizheniya «Svobodnaya Germaniya» 1943–1945 gg. [Our goal is a free Germany. From the history of the antifascist movement "Free Germany" 1943–1945]. Moscow, 1969. 293 p. (In Russ.).

² Konasov V. B., Kuzminykh A. L. *Nemeckie voennoplennnye v SSSR: istoriografiya, bibliografiya, spravочно-ponyatijnyj apparat* [German prisoners of war in the USSR: historiography, bibliography, reference and conceptual apparatus]. Vologda, 2002. 232 p.; Kuzminykh A. L. Soviet military captivity and internment as a historiographic problem. *Rossiiskaya istoriya = Russian History*, 2012, no. 3. pp. 158–174 (In Russ.).

³ Kuzminykh A. L. *Sistema voennogo plena i internirovaniya v SSSR: genesis, funkcionirovanie, lagernyj opyt: 1939–1956 gg.: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk* [The system of captivity and internment in the USSR: genesis, functioning, camp experience: 1939–1956: Doctor of Science (History) dissertation abstract]. Arkhangelsk, 2014. 50 p. (In Russ.); Markdorf N. M. *Inostrannye voennoplennnye i internirovannye v Zapadnoj Sibiri: 1943–1956 gg.: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk* [Foreign prisoners of war and internees in Western Siberia: 1943–1956: Doctor of Science (History) dissertation abstract]. Novosibirsk, 2012. 39 p. (In Russ.).

⁴ Malyasova N. B. *Voennoplennnye i internirovannye Vtoroj mirovoj vojny na territorii CHuvash-skoj ASSR (1942–1949 gg.): sostav, razmeshchenie i trudovoe ispol'zovanie: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Prisoners of war and internees of the Second World War on the territory of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic (1942–1949): composition, placement and labor use: Candidate of Science (History) dissertation abstract] Cheboksary, 2012. 22 p. (In Russ.).

⁵ Ibidem. P. 19.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibidem P. 11.

⁸ Ibidem P. 20.

⁹ Ibidem P. 21.

¹⁰ Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956: Wien; München, 1995. 270 p. (In Germ.); Karner S. *Arhipelag GUPVI: plen i internirovanie v Sovetskom Soyuze 1941–1956* [Archipelago GUPVI: captivity and internment in the Soviet Union 1941–1956]. Moscow, 2002. 302 p. (In Russ.).

¹¹ Perevoshchikov D. V. *Inostrannye voennoplennnye v Udmurtii v 1941–1949 gg.: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Foreign prisoners of war in Udmurtia in 1941–1949: Candidate of Science (History) dissertation abstract]. Izhevsk, 2019. 22 p. (In Russ.).

¹² Perevoshchikov D. V. *Inostrannye voennoplennnye v Udmurtii v 1941–1949 gg.* [Foreign prisoners of war in Udmurtia in 1941–1949]. Pp. 7–8 (In Russ.).

¹³ Bährens K. Deutsche in Strafslagern und Gefängnissen der Sowjetunion. In: Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 5 (1–3). München; Bielefeld, 1965. Bd. 5 (1). 574 s.; Bd. 5 (2). 592 s.; Bd. 5 (3). 599 s. (In Germ.); Böhme K. Die deutschen Kriegs-gefangenen in sowjetischer Hand. Eine Bilanz. In: Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 7. München; Bielefeld, 1966. 474 s. (In Germ.); Cartellieri D. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Die Lagergesellschaft. Eine Untersuchung der zwischenmenschlichen Beziehungen in den Kriegsgefangenenlagern. In: Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 2. München; Bielefeld, 1967. 381 s. (In Germ.); Fleischhacker H. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Der Faktor Hunger. In: Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 3. München; Bielefeld, 1965. 560 s. (In Germ.); Ratz W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Der Faktor Arbeit. In: Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 4. München; Bielefeld, 1973. 384 s. (In Germ.); Robel G. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Antifa. In: Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 8. München; Bielefeld, 1974. 487 s. (In Germ.); Schwarz W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Aus dem kulturellen Leben. In: Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 6. München; Bielefeld, 1969. 366 s. (In Germ.);

¹⁴ Perevoshchikov D. V. *Inostrannye voennoplennnye v Udmurtii v 1941–1949 gg.* [Foreign prisoners of war in Udmurtia in 1941–1949]. Pp. 28. (In Russ.).

¹⁵ Ibidem. P. 36.

¹⁶ Ibidem. P. 78.

¹⁷ Ibidem. P. 90.

¹⁸ Ibidem. P. 113.

¹⁹ Ibidem. P. 116.

²⁰ Ibidem. P. 129, 133.

²¹ Kuzminykh A. L. *Arhipelag GUPVI na Evropejskom Severe SSSR (1939–1949 gg.)* [The GUPVI Archipelago in the European North of the USSR (1939–1949)]. Moscow, 2017. pp. 264–265 (In Russ.).

²² Ibidem. *Voennyj plen i internirovanie v SSSR (1939–1956 gg.)* [War captivity and internment in the USSR (1939–1956)]. Vologda, 2016. P. 202–204; *Rossiya i SSSR v vojnah HKH veka: statisticheskoe issledovanie* [Russia and the USSR in the wars of the twentieth century: a statistical study]. Moscow, 2001. pp. 511–512 (In Russ.).

²³ Perevoshchikov D. V. *Inostrannye voennoplennnye v Udmurtii v 1941–1949 gg.* [Foreign prisoners of war in Udmurtia in 1941–1949]. Pp. 175, 179–180 (In Russ.).

²⁴ Ibidem. Pp. 161–162.

²⁵ Hague Convention on the Laws and Customs of War on Land of October 18, 1907 Art. 6. Available at: [https://ru.wikisource.org/wiki/Convention_On_the_Laws_and_Customs_of_Land_War_\(1907\)#Chapter_II._O_POWs_of_war](https://ru.wikisource.org/wiki/Convention_On_the_Laws_and_Customs_of_Land_War_(1907)#Chapter_II._O_POWs_of_war) (accessed 11 November, 2021) (In Russ.).

²⁶ Perevoshchikov D. V. *Inostrannye voennoplennnye v Udmurtii v 1941–1949 gg.* [Foreign prisoners of war in Udmurtia in 1941–1949]. P. 181 (In Russ.).

²⁷ Ibidem. Pp. 189–191.

²⁸ Ibidem. Pp. 198.

²⁹ Ibidem. Pp. 202.

³⁰ Ibidem. Pp. 54.

³¹ Ibidem. Pp. 57–58, 71–72, 129.

³² Kuzminykh A.L. Fight against embezzlement in the NKVD-MVD camps for prisoners of war in the 1940s. (based on materials from the Arkhangelsk and Vologda regions). In: *Aktual'nye problemy upravleniya i ekonomiki: istoriya i sovremennost' : materialy nauchnoj konferencii* [Actual problems of management and economics: history and modernity: materials of scientific conference]. Vologda, 2006. pp. 254–262 (In Russ.).

³³ Perevoshchikov D. V. *Inostrannye voennoplennnye v Udmurtii v 1941–1949 gg.* [Foreign prisoners of war in Udmurtia in 1941–1949]. P. 196 (In Russ.).

³⁴ Ibidem. P. 116.

- ³⁵ Pavel P. *Ne po svoej vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nyh migracij v SSSR* [Not on my own ... History and geography of forced migrations in the USSR]. Moscow, 2001. pp. 215–216.
- ³⁶ Smekhnov R. Yu. *Internirovannye nemcy na territorii Ukrainskoj SSR (1944–1950): razmeshchenie, trudovoe ispol'zovanie, lagernaya zhizn' : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Germans interned on the territory of the Ukrainian SSR (1944–1950): accommodation, employment, camp life: Candidate of Science (History) dissertation abstract]. Voronezh, 2012. 24 p. (In Russ.).
- ³⁷ Ibidem. Pp. 3–4.
- ³⁸ Ibidem. P. 17.
- ³⁹ Ibidem. P. 18.
- ⁴⁰ Ibidem. P. 20.
- ⁴¹ Ibidem. P. 21.
- ⁴² Ibidem. P. 22.
- ⁴³ Kim S. P. *Yaponskie voennoplennye na territorii Sovetskogo Soyuza: 1945–1956 gg.: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Japanese prisoners of war on the territory of the Soviet Union: 1945–1956. : Candidate of Science (History) dissertation abstract]. Moscow, 2016. 28 p. (In Russ.).
- ⁴⁴ Bazarov O. D. *Yaponskie voennoplennye v Buryatii (1945–1948 gg.: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Japanese prisoners of war in Buryatia (1945–1948): Candidate of Science (History) dissertation abstract]. Irkutsk, 1997. 18 p. (In Russ.); Bondarenko E. Yu. *Inostrannye voennoplennye na Dal'nem Vostoke Rossii: 1914–1956 gg.: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doctora istoricheskikh nauk* [Foreign prisoners of war in the Far East of Russia: 1914–1956 : Doctor of Science (History) dissertation abstract]. Vladivostok, 2004. 45 p. (In Russ.); Karasev S. V. *Istoriya plena: sovetsko-yaponskaya vojna i ee posledstviya: 1945–1956 gody: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doctora istoricheskikh nauk* [History of captivity: the Soviet-Japanese war and its consequences: 1945–1956: Doctor of Science (History) dissertation abstract]. Ulan-Ude, 2007. 38 p. (In Russ.); Katasonova E. L. *Reshenie gumanitarnoj problemy yaponskih voennoplennyh v otnosheniyah SSSR(RF) i Yaponii (1945–2003 gg.). Istoricheskij aspekt: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doctora istoricheskikh nauk* [Solution of the humanitarian problem of Japanese prisoners of war in relations between the USSR (RF) and Japan (1945–2003). Historical aspect: Doctor of Science (History) dissertation abstract]. Moscow, 2004. 42 p. (In Russ.); Kuznetsov S. I. *Yaponskie voennoplennye v SSSR posle Vtoroj mirovoj vojny, 1945–1956 gg.: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doctora istoricheskikh nauk* [Japanese prisoners of war in the USSR after World War II, 1945–1956: Doctor of Science (History) dissertation]. Irkutsk, 1994. 346 p. (In Russ.); Spiridonov M. N. *Yaponskie voennoplennye v Krasnoyarskom krae (1945–1948 gg.): problemy razmeshcheniya, sodержaniya i trudovogo ispol'zovaniya: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Japanese prisoners of war in the Krasnoyarsk Territory (1945–1948): problems of accommodation, maintenance and labor use: Candi-date of Science (History) dissertation abstract]. Krasnoyarsk, 2001. 26 p. (In Russ.).
- ⁴⁵ Kim S. P. *Yaponskie voennoplennye na territorii Sovetskogo Soyuza: 1945–1956 gg.: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Japanese prisoners of war on the territory of the Soviet Union: 1945–1956. : Candidate of Science (History) dissertation abstract]. Moscow, 2016. P. 16. (In Russ.).
- ⁴⁶ Ibidem. P. 21.
- ⁴⁷ Katasonova E. L. *Yaponskie voennoplennye v SSSR: Bol'shaya igra velikih derzhav* [Japanese prisoners of war in the USSR: The Great Game of the Great Powers] Moscow, 2003, 427 p.; Ibidem. *Poslednie plenniki Vtoroj mirovoj vojny: maloizvestnye stranicy rossijsko-yaponskih otnoshenij: monografiya* [The Last Prisoners of World War II: Little-Known Pages of Russian-Japanese Relations: monograph]. Moscow, 2005. 253 p. (In Russ.).
- ⁴⁸ Kim S. P. *Yaponskie voennoplennye na territorii Sovetskogo Soyuza: 1945–1956 gg.: av-toreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Japanese prisoners of war on the territory of the Soviet Union: 1945–1956: Candidate of Science (History) dissertation abstract]. Moscow, 2016. P. 18, 24 (In Russ.).
- ⁴⁹ Ibidem. P. 27.
- ⁵⁰ Obratsova E. V. *Resocializaciya nemeckih voennoplennyh posle vozvrashcheniya iz SSSR: 1945–1955: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Resocialization of German prisoners of war after returning from the USSR: 1945–1955: Candidate of Science (History) dissertation abstract]. Voronezh, 2017. 28 p. (In Russ.).
- ⁵¹ Ibidem. P. 10.
- ⁵² Ibidem. P. 4.
- ⁵³ Ibidem. P. 26.
- ⁵⁴ Ibidem. P. 27.
- ⁵⁵ Ibidem. P. 29.
- ⁵⁶ Latyshev A. V. *Sistema proverki voennosluzhashchih Krasnoj Armii, vernuvshihsya iz plena i okruzheniya: 1941–1945 gg.: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [The system of checking the Red Army servicemen who returned from captivity and encirclement: 1941–1945. Candidate of Science (History) dissertation abstract]. Moscow, 2017. 20 p. (In Russ.).
- ⁵⁷ Ibidem. P. 15.
- ⁵⁸ Ibidem. P. 16.
- ⁵⁹ Latyshev A. V. *Sistema proverki voennosluzhashchih Krasnoj Armii, vernuvshihsya iz plena i okruzheniya: 1941–1945 gg.: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [The system of checking the Red Army servicemen who returned from captivity and encirclement: 1941–1945. Candidate of Science (History) dissertation abstract]. Moscow, 2017. P. 142 (In Russ.).
- ⁶⁰ Latyshev A. V. *Sistema proverki voennosluzhashchih Krasnoj Armii, vernuvshihsya iz plena i okruzheniya: 1941–1945 gg.: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [The system of checking the Red Army servicemen who returned from captivity and encirclement: 1941–1945. Candidate of Science (History) dissertation abstract]. Moscow, 2017. Pp. 17–18 (In Russ.).
- ⁶¹ Orlov M. A. *Dokumenty vtoroj poloviny 1930-h – pervoj poloviny 1950-h gg. v fondah Gosudarstvennogo arhiva Kemerovskoj oblasti kak istochnik po istorii lagerej Glavnogo upravleniya po delam voennoplennyh i internirovannyh NKVD–MVD SSSR : avtoreferat dissertacii na sois-kanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Documents of the second half of the 1930s – the first half of the 1950s. in the funds of the State Archives of the Kemerovo Region as a source on the history of the camps of the Main Directorate for Prisoners of War and Internees of the NKVD-Ministry of Internal Affairs of the USSR: Candidate of Science (History) dissertation abstract]. Kemerovo, 2019. 30 p. (In Russ.).

Язык как основа диалога культур в глобальном мире

Е. А. АГАФОНОВ – начальник кафедры русского и иностранных языков психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат философских наук, доцент

В статье показано, что в современном мире процесс взаимовлияния культур и, как следствие этого, лингвистические проблемы вышли на глобальный уровень. Сегодня язык является не только средством коммуникации между людьми и народами, но сам становится объектом трансформации в контексте всеобщих мировых процессов. Так, лексическое заимствование новых слов необходимо рассматривать как обновление культурного опыта человека. Автором проанализирована роль английского языка как средства международного общения. Концепции отказа от национальных языков и создания единого международного языка оцениваются как утопичные. Оптимальным способом решения глобальных лингвистических проблем признаются формирование межкультурной компетентности, отказ от этноцентризма, диалог культур как стремление к толерантности и взаимопониманию на партнерских началах, предпосылкой которых является адекватное освоение иностранного языка.

Ключевые слова: язык; культура; диалог культур; глобализация; познание; межкультурная коммуникация; языковая картина мира; лингвистическая культурология; перевод; философия языка.

5.7.1 – Онтология и теория познания.

Для цитирования: Агафонов Е. А. Язык как основа диалога культур в глобальном мире. *Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований*, 2021, № 3 (3), с. 52–55.

Language as the basis of the dialogue of cultures in the global world

EVGENY A. AGAFONOV – Head of the Department of Russian and Foreign Languages of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor

The article shows that in the modern world the process of mutual influence of cultures, and as a result, linguistic problems have reached the global level. Today language is not only a means of communication between people and nations but itself becomes an object of transformation in the context of general world processes. Thus, lexical borrowing of new words must be considered as a renewal of a person's cultural experience. The author analyzed the role of the English language as a mean of international communication. The concepts of abandoning national languages and creating a single international language are assessed as utopian. The optimal way to solve global linguistic problems is the formation of intercultural competence, rejection of ethnocentrism, the dialogue of cultures as a desire for tolerance and mutual understanding on the basis of partnerships, the prerequisite for which is the adequate mastering of a foreign language.

Key words: language; culture; dialogue of cultures; globalization; cognition; intercultural communication; linguistic picture of the world; linguistic cultural studies; translation; philosophy of language.

5.7.1 – Ontology and theory of cognition.

For citation: Agafonov E. A. Language as the basis of the dialogue of cultures in the global world. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2021, No. 3 (3), pp. 52–55.

Языковая картина мира никогда не была статичной, во все эпохи она подвергалась изменениям, в которых проявлялись ведущие тенденции исторического и социокультурного развития человечества. Языки исчезали и появлялись, трансформировались под воздействием друг друга, ассимилировались, теряя исходные образы, что, несомненно, не могло не отражаться в культуре народов, являвшихся их носителями. Так, критикуя классическую метафизику, М. Хайдеггер отмечает, что причиной беспочвенности западного мышления стал перевод римлянами на латинский язык греческих слов «без соответствующего им равнозначального опыта того, что они говорят»¹.

В эпоху глобализации, охватившей такие важнейшие сферы социальной жизни, как экономика, политика, право, процесс культурных заимствований и взаимовлияния культур, несомненно, вышел на качественно новый уровень. Сегодня можно говорить о тенденциях становления единой общемировой культуры, хотя, на наш взгляд, к сожалению или к счастью, до формирования единой общемировой цивилизации современному человечеству еще далеко. Международные связи являются способом обмена положительным опытом, помогают сближению и обогащению, подъему отдельных национальных культур на новый этап развития. При этом глобализация культуры может иметь и негативные последствия, связанные со стандартизацией, «распространением одинаковых культурных образцов по всему миру»², утратой уникальной самобытности национальных культур.

Процесс глобализации необходимо рассматривать как объективную данность современного мира. Причиной ее стало технологическое развитие, появление средств передвижения и обмена информацией, существенно сокративших расстояния между людьми. Цифровая революция преобразовала формы человеческого общения, открыла масштабные возможности пользования информацией, но и сделала людей взаимозависимыми. Следствием интернационализации культуры стали не только расширение мобильности, открытость границ, но и появление глобальных проблем и противоречий, возникновение геополитических катаклизмов и общемировых кризисов.

Современный мир часто определяют как *global village*, в которой успешное взаимодействие «возможно только на основе межъязыкового и межкультурного взаимопонимания»³. Переход от биполярного про-

тивостояния к диалогу и сотрудничеству, стабильность и благополучие на планете возможны лишь на основе терпимости, толерантности, взаимного уважения между людьми, странами и народами. Но еще до появления санитарных ограничений, связанных с пандемией, естественным препятствием на пути международного общения для многих людей выступали языковые и культурные различия.

Специфика природной среды как естественных условий формирования и жизнедеятельности этноса во многом создает уникальное своеобразие каждой культуры, носителем которого по праву можно назвать язык. Культура и язык тождественны, неразделимы. Так, определенной логической форме в отдельных языках могут соответствовать различные понятия, сформировавшиеся с учетом особенностей развития культуры. Поэтому техническое усвоение формы языка без сопоставительного изучения культурных универсалий ведет к формированию ложных представлений, стереотипов, а в конечном счете, к поведению, не соответствующему установкам носителей данного языка.

Можно сказать, что в XXI в. лингвистические проблемы также вышли на глобальный уровень. Язык сегодня является не только средством коммуникации между людьми и народами, но сам становится объектом трансформации в контексте всеобщих мировых процессов. Следует признать, что в сложившейся языковой ситуации наибольшие трудности испытывают представители тех наций, язык которых не входит ни в одну из крупных языковых групп. Это, например, жители Японии, культура которой по объективным причинам долгое время развивалась в относительной изоляции, а иероглифическая письменность тесным образом связана с уникальностью мировосприятия народа. Поэтому необходимым представляется определение путей преодоления глобальных лингвокультурных барьеров, которые следует рассматривать как этнические, возрастные, статусно-ролевые и индивидуально-психологические явления, затрудняющие или полностью блокирующие вербальное взаимодействие.

Известно, что в современном мире английский утвердился как язык международной коммуникации в сфере науки, техники и делового общения. Не случайно адекватное владение иностранным языком рассматривается как один из критериев оценки работника на рынке труда. По данным исследова-

телей, «количество людей, использующих английский язык в качестве второго языка, скоро превысит число тех, для кого он является родным»⁴. Уже в конце XX в. 80 % ведущих научных изданий публиковались на английском языке. Сегодня 90 % научной информации в различных мировых базах данных хранится в англоязычном варианте. Объяснение этому специалисты усматривают не только в действии политических или экономических причин, но и в особенностях синтаксического устройства английского языка, который не имеет форм склонения и является очень удобным для использования различного вида обозначений, номенклатуры, номинаций.

Психолингвисты отмечают, что в активном словаре современного россиянина не менее тысячи американизмов. Многие неологизмы английского происхождения пополняют словарный запас носителей иных языков в связи с распространением и особой востребованностью в мире специфических продуктов американского производства: компьютерных технологий, фильмов, одежды, косметики, быстрой еды. Известно, что причиной лексического заимствования новых слов является отсутствие аналогичных понятий в семантической структуре родного языка. Важно понимать, что этот процесс вербализирует обновление культурного опыта человека, появление новых норм, ценностей, стереотипов поведения и даже изменение образа жизни, что нельзя оценить однозначно.

С одной стороны, новый лексический пласт модернизирует и развивает язык, позволяя устанавливать коммуникативную связь с современной мировой культурой, однако, стирая межкультурные языковые барьеры, заимствования могут провоцировать недопонимание между молодежью как преимущественным носителем новаций и старшим поколением. Тем самым нарушается диалог между поколениями культур. При этом важно учесть, что многие неологизмы, ассимилируясь в языке с учетом конкретной культурно-исторической ситуации, меняют или утрачивают свое изначальное значение. Так, прижившееся России в 90-е г. XX в. слово «killer», исконно имевшее широкий смысл, в русском языке получило актуальное на тот момент узкое значение.

По мнению исследователей, в современном мире формируется специфическая разновидность международного английского языка, которая в теории стремится объединить все региональные варианты и

отказаться от культурных черт, дискриминирующих говорящих на нем людей по тем или иным признакам. На практике, ассимилируясь со многими языками, он изменяет их нормы, что приводит к трансформациям соответствующих национальных культур. В глобальном мире владение английским языком становится значительным дополнительным социальным преимуществом не только для людей, говорящих на нем, но и для всех англоязычных наций и государств.

Таким образом, концепции отказа от национальных языков и создания единого международного языка представляются на сегодняшний день утопичными. При этом значительно возросшая мобильность населения нашей планеты привела к тому, что сегодня «многоязычие и мультикультурализм являются реальностью для многих людей, живущих за пределами своих национальных границ»⁵. Актуальным практическим решением глобальных лингвистических проблем и способом сохранения специфики национального мышления должно стать формирование межкультурной компетентности, которая предполагает, что при изучении «иностранный язык человек овладевает новым языковым кодом»⁶, знакомится с образом жизни, обычаями, ценностями и эстетическими достижениями другой культуры. Подобный лингвокультурологический подход нацелен не на заучивание стереотипов вербального поведения, в том числе в профессиональной сфере, а на формирование представления об иноязычной картине мира.

В современных условиях лингвистической глобализации межкультурная компетентность также является необходимым условием отказа от этноцентризма, стремящегося рассматривать собственную культуру как критерий критической оценки других способов жизнедеятельности. Из истории мы знаем, что столкновение различных культур часто носило напряженный характер, поэтому сегодня так важно развитие диалога культур как стремления к толерантности и взаимопониманию на партнерских началах. В конечном итоге это рассматривается как лучшая гарантия мира на планете⁷. В результате такого диалога должны выработаться новые смыслы и устремления, механизмы эффективного взаимодействия между странами и народами.

Для того чтобы понятие диалога культур не воспринималось как эвфемизм, маскирующий обратный смысл, необходимо понимать его как взаимосвязь и адаптацию

культур, предпосылкой чего является изучение иностранного языка. Важно, что сопоставление культур позволяет современному человеку не только интегрироваться в миро-

вые процессы, повысить личный образовательный уровень или стать востребованным специалистом на рынке труда, но и осознать ценностное своеобразие родной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хайдеггер М. Исток художественного творения. М., 2008. С. 95.

² Мельникова Е. В., Казанова Н. В., Копылов А. В. Язык и глобализация: процессы трансформации // Гуманитар. и соц. науки. 2020. № 6. С. 196.

³ Жерновая О. Р. Языковая политика в диалоге культур // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 5 (1). С. 333.

⁴ Китанина Э. А. Процессы глобализации и прагматика современных англицизмов в русском языке // Язык и коммуникация в контексте культуры : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. (28 апреля 2014 г.). Ростов н/Д., 2014. С. 99.

⁵ Акавова А. И., Хочавова Ю. У., Исаева Р. И. Язык и идентичность в эпоху глобализации // Гуманитар. и соц. науки. 2019. № 4. С. 47.

⁶ Гончарова А. А., Сухарникова Е. А. Проблема языка в условиях глобализации // Австрийский журн. гуманитар. и общ. наук. 2015. № 5–6. С. 47.

⁷ В'уст О. Я., Вега Е. В. Диалог культур в глобальном мире // Вестн. Тихоокеан. эконом. гос. ун-та. 2006. № 1 (37). С. 47.

REFERENCES

¹ Heidegger M. *Istok hudozhestvennogo tvoreniya* [The Source of Artistic Creation]. Moscow, 2008. P. 95. (In Russ.)

² Melnikova E. V., Kazanova N. V., Kopylov A.V. Language and globalization: transformation processes. *Gumanitarnye i social'nye nauki = Gumanitarian and social Sciences*, 2020, no. 6, P. 196. (In Russ.)

³ Zhernovaya O. R. Language policy in the dialogue of cultures. *Vestnik Nizhe-gorodskogo universiteta im N. I. Lobachevskogo = Bulletin of the Nizhegorodky. University named after N. I. Lobachevsky*. 2010, no. 5 (1), P. 333. (In Russ.)

⁴ Kitanina E. A. Processes of globalization and pragmatics of modern Anglicisms in the Russian language. In: *Yazyk i kommunikaciya v kontekste kul'tury : materialy V Vseros. nauch.-prakt. konf. (28 aprelya 2014 g.* [Language and communication in the context of culture: materials of the V all-russian scientific-practical conference (April 28, 2014)]. Rostov on Don, 2014, P. 99. (In Russ.)

⁵ Akavova A. I., Khochavova Yu. U., Isaeva R. I. Language and identity in the era of globalization. *Gumanitarnye i social'nye nauki = Gumanitarian and social Sciences*, 2019, no. 4, P. 47. (In Russ.)

⁶ Goncharova A. A., Suharnikova E. A. The problem of language in the context of globalization. *Avstrijskij zhurnal gumanitarnyh i obshchestvennyh nauk = Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*, 2015, no. 5–6, P. 47. (In Russ.)

⁷ V'ust O. Ya., Vega E. V. Dialogue of cultures in the global world. *Vestnik Tihookeanskogo ekonomicheskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Pacific Economic State University*, 2006, no. 1 (37), P. 47. (In Russ.)

УДК 167.7

К проблеме футурологических концепций понимания общества

Е. А. КОМАРОВА – студент 2 курса Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

В статье представлен анализ утопических проектов создания комфортных условий существования человека при помощи различных приемов: теоретических разработок, урбанистических проектов, моделирования комфортных условий, изобилия всех благ. Подробно рассмотрены проекты «Венера», «Город-сад будущего», «Вселенная-25», реализация которых на практике потерпела крах. Невозможность воплощения утопических идей в жизнь связана с особенностями психики, поведения людей, их потребностей, ценностей. Автором сделан вывод о невозможности создания комфортных условий, которые бы удовлетворяли запросы всех и каждого, причина чего кроется в самой человеческой природе. Человеческое счастье (всеобщее и индивидуальное) не зависит всецело от равенства условий и гармонии с природой, технической инфраструктуры, изобилия материальных благ, комфортных условий существования, отсутствия государственности. Реализованная утопия превращается в антиутопию.

Ключевые слова: проект «Венера»; «Город-сад будущего»; «Вселенная-25»; утопия.

5.7.7 – Социальная и политическая философия.

Для цитирования: Комарова Е. А. К проблеме футурологических концепций понимания общества. *Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований*, 2021, № 3 (3), с. 56–60.

On the problem of futurological concepts of understanding society

EVA A. KOMAROVA – 2nd year student of the Northwestern Institute (branch) of the O. E. Kutafin University (Moscow State Law Academy)

The article presents an analysis of utopian projects for creating comfortable conditions for human existence using various techniques: theoretical developments, urban projects, modeling comfortable conditions, an abundance of all benefits. The projects "Venus", "Garden City of the Future", "Universe-25", the implementation of which have failed in practice are considered in detail. The impossibility of translating utopian ideas into reality is associated with the peculiarities of the psyche, people's behavior, their needs, values. The author concludes that it is impossible to create comfortable conditions that would satisfy the needs of one and all which is hidden in human nature itself. Human happiness (universal and individual) does not entirely depend on equality of conditions and harmony with nature, technical infrastructure, an abundance of material benefits, comfortable living conditions, and the absence of statehood. The realized utopia in reality turns into a dystopia.

Key words: project "Venus"; Garden City of the Future; "Universe-25"; Utopia.

5.7.7 – Social and political philosophy.

For citation: Komarova E. A. On the problem of futurological concepts of understanding society. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2021, No. 3 (3), pp. 56–60.

Архитектура современного мира представляет собой совокупность стандартных фигур, каждая из которых контролируется уполномоченным на то органом, имеет цену, подчиняется властному лицу, зиждется на шаблонах и прикована к монотонному фи-

зическому труду. Все вышеперечисленное является причиной, по которой общество XXI в. ограничивает представления о будущем человечества всеобщей компьютеризацией, а не расширяет границы возможного до свободного от денег, нищеты, власти, войны, преступности общества, ушедшего от приоритетного желания удовлетворить свои потребности, заменив его стремлением к жизни в гармонии как с человеком, так и с природой. Личность в лице всего общества стагнирует из-за привычности имеющихся благ, трудно получаемых и быстро потребляемых. В силу этого назревает необходимость смены бытовых условий в сторону комфорта, общедоступности и отрешенности от негативных факторов окружающей нестабильной жизни, начиная от поисков высокооплачиваемой работы и заканчивая политической борьбой на международной арене.

Однако сегодня актуален вопрос возможности и результативности достижения идеальных для жизни и развития условий, ведь ключевое место занимает человек, обладающий уникальным мышлением, индивидуальными способностями, потребностями и установками.

Рассматривая положительную позицию предмета исследования – идею мирного, независимого от финансов и социальной стратификации существования, стоит признать ее достижимость. Так, например, демократические Фивы и Афины, будучи полисами Древней Греции, функционировали на общественных началах. Более современные израильские кибуцы по форме организации были близки к анархистскому общественному проекту. Следовательно, общежитие без руководства властного органа допустимо при должном единстве и желании. Если сложность заключается не во всеобщем объединении, а в невозможности отказа от денежной системы, то на этот счет существует лишь одно решение – свободный доступ к большинству благ на планете. Ни один товар или услуга не будут иметь цены, не будут обменены на аналог или посреднический продукт. Конечно, перейти на новую ступень развития человечества при имеющейся подготовке рискованно и невыполнимо, однако, добавив промежуточный уровень – строительство самообеспечивающих городов-университетов, в которых проект воплотится на практике и продемонстрирует достижимость идей, возможно.

Вопрос философии новых городов – это вопрос урбанистических потребностей их

жителей. Так, в конце XIX в. англичанам наскучили фабрики, и, чтобы уйти от них подалее и вернуть гармонию с природой, они спроектировали город-сад. В Советском Союзе в XX в. большое количество людей перевозили к новым заводам и месторождениям, и для рабочих одного предприятия строили моногорода. Кроме того, существовали закрытые наукограды. Таким образом, строительство новых городов преследовало три цели: гармония с природой, добыча ресурсов и прикрытие для новых технологий. Однако у современных плановых городов (появляются с чистого листа на большом плане, а не трансформируются из деревень и не обрастают пригородами) философия иная: сегодня в приоритете города-инкубаторы для IT-компаний, что свидетельствует о развитии государства в направлении цифровых проектов. На этом фоне возрождаются утопические идеи прошлого о человеческом рае на Земле, безопасном, с достаточным количеством ресурсов и свободы, в котором возможно процветание общества без негативных проявлений. Единение с природой актуально для жителей крупных городов, промышленных центров и бетонных многоэтажек.

Идея естественности человеческого существования без государственного образования и экономики легла в основу проекта «Венера» американского инженера Жака Фреско. Он был убежден в вероятности создания ресурсо-ориентированной экономики, целями которой являются общность мировых ресурсов, которые распространяются среди людей благодаря автоматизированным системам, регулируемым искусственным интеллектом, а также избавление от привычных территориальных границ и культурных барьеров¹. Данная теория напоминает принципы строительства коммунизма, но существенно отличается управлением обществом: в рамках проекта нет власти как таковой, это анархия в чистом виде, но функционирующая в условиях информационных технологий, которые облегчают физический труд людей, и за которым изначально признается возможность интеллектуальной работы до создания «креативных компьютеров», которые окончательно освободят человека от бытовых забот, позволив задействовать свое мышление в интересующих саму личность сферах и окончательно модернизировать конкретную область общежития во благо людей. В этом проявляется сущность кибернетического мира: компьютеры охватывают производство и сферу ус-

луг, разрешают проблемы управления системой «умного города» и помогают людям в распределении всемирных ресурсов. Таким образом, приоритет обретает не трудовой, а творческий потенциал человека с его созидательными истоками во всех проявлениях.

Жак Фреско, разрабатывая свой проект в течение 70 лет и выстраивая картину новой цивилизации, определил ее оптимальную, которая начинается с реконструкции полисов.

В целом предполагается, что как только человек перейдет на данный этап развития, границы между государствами будут стерты: не будет изолированных территорий, межэтнической и межкультурной розни. Все люди едины, не подчиняются конкретной верхушке социальной пирамиды, имеют общий признак «человек» и не делятся на определенные законами и предрассудками категории, классы, гражданства и иные структурные элементы.

Отказавшись от бытовой сегрегации, необходимо построить новый город. При этом ключевое слово «построить», так как, перекопив имеющееся, мы не образуем абсолютно новую систему, а лишь изменяем порядки старой. Футурологический подход к строительству предполагает ликвидацию имеющегося и возведение проекта с чистого листа – «в завтрашнем обществе нет места сегодняшним амбициям»².

Город Жака Фреско – кольцевые сооружения с куполом в центре, где сосредоточится компьютеризированная система управления городом, образовательные учреждения, больницы и транспорт. Первое кольцо – научно-исследовательские, художественные, развлекательные центры и лаборатории (интеллектуальная часть города), второе – многоквартирные дома, следующее – сельскохозяйственная зона и зона отдыха.

При такой модели города каждая жилая зона будет в равной степени удалена от центра. Таким образом, невозможно их разделение на престижные и бедные, безопасные и опасные районы. Ремонт и благоустройство каждого круга происходит равномерно по всей поверхности. Как следствие, исключается возможность существования отдаленных жилых домов, в которых находятся представители определенной национальности или иного социального уровня, так как проходит процесс ассимиляции.

Градация школ, детских садов на заведения для элиты и обыкновенной семьи исчезнет. Все равны и идентичны в условиях и обучении независимо от национальности,

цвета кожи, веры и языка. Таким образом, с детства ребенок будет расти с пониманием равенства всех³.

Схожая концепция города прослеживается в проекте, направленном на расселение жителей мегаполиса в равной степени по всей его территории, строительство города-сада, получившем свое обоснование в книге «Завтра: мирный путь к реальной реформе» Эбенизера Говарда. В соответствии двумя идеями (Жака Фреско и Эбенизера Говарда) жизнь в каменных джунглях среди заводов и фабрик не может быть счастливой. В результате авторы и их сторонники приходят к мысли о том, что жителям необходим идеальный город-деревня, в котором население будет пребывать в гармонии с природой без производственного стресса в густозаселенной столице.

Задумка города-сада реализована на бумаге, а также английскими и советскими архитекторами-урбанистами в виде города-спутника с шестью секторами логичной застройки и по чертежам похожа на кольцевой полис Жака Фреско. Однако она не нашла своего полного воплощения в реальности. В случае с Лондоном граждане предпочли перспективу переехать в столицу к большим возможностям, нежели наоборот, как и владельцы предприятий, которые не пожелали переводить их из центра на окраины. В послереволюционной России архитекторы также восприняли идею города-сада как шаг к новому советскому градостроительству, но исполнение исчерпалось поселком Сокол в Москве, после чего проект свернули.

Город-спутник – концепция новейшего времени, достойная переосмысления, доработок и современного претворения в жизнь в густозаселенных местностях, однако на момент своей реализации в XX в. она лишь частично показала себе жизнеспособной в реалиях производственного бума.

Учитывая, что проекты базируются на теоретических прогнозах будущего, которые имеют место при имеющемся научно-техническом потенциале, вся футурологическая конструкция невозможна без рационального центра. Концепции представляют людей вне рамок управляющей системы, следовательно, любой человек – это центр. Мышление коммуны научно, критично и проецирует идеи во благо окружения.

Согласно проекту Жака Фреско каждый индивид – значимая часть системы, которая вправе реализовать свободу, глубокое самопознание и совокупность чувств и эмоций, а

также экономическое изобилие. Последнее возможно при обстоятельствах, в которых деньги не будут являться мотивирующей к деяниям силой. «В сущности, большинство людей в прошлом, чьими достижениями мы восхищаемся в настоящем, Микеланджело, Леонардо, Братья Райт и множество других, работали потому, что они были заинтересованы в разрешении проблемы, а не в финансовом интересе»⁴. Создав изобилие мировых ресурсов и дав человеку все, чего он желает, удастся искоренить эгоизм и жадность. Одним из предполагаемых результатов станет сокращение финансирования военной промышленности. Освободившиеся финансы можно будет направлять на развитие научных отраслей коммуны на первых этапах ее функционирования, что возможно только при условии освобождения от навязанной ценности массового потребления.

Помимо материальных изменений требуется разработка нового языка общения на основе сближения с окружающим миром. Духовным результатом послужит возможность не привязываться к месту, а чаще путешествовать, культурно себя обогащая.

Проект «Венера» Жака Фреско не утопия, как кажется на первый взгляд, под которой понимается модель идеального общества желаемого будущего. Это архитектура приоритетного развития человечества, которая отвечает настоящему уровню научно-технического прогресса. Будучи погруженными в уникальную среду, поведенческие привычки человека могут видоизменяться, сама обстановка потребует выхода из зоны комфорта и модернизации шаблонных мыслей и действий по отношению к окружающему миру. Изменения произойдут не только в самом человеке и его общежитии, но и в природе. В связи с переходом на альтернативную энергетику экология потребует более бережного отношения, что также предусмотрено в футурологическом плане Жака Фреско.

Таким образом, человеческое счастье не зависит всецело от равенства условий и гармонии с природой, чего ожидали авторы со своими последователями, однако оно возможно после переосмысления актуальных ценностей цифрового общества.

Помимо упомянутых архитектур города, которые в общих чертах схожи, заключительной целью Жака Фреско было всеобщее изобилие благ и социальное равенство. В целом идея могла быть актуальной и претендовать на роль высшего проявления цивилизованного общества, но она была

опровергнута в ходе экспериментов по проектированию условий, в которых подопытные могли жить в абсолютном комфорте без намерений выживать и бороться за ограниченное количество ресурсов.

Известно, что по биологическим процессам, в том числе психическим, крысы приблизительно схожи с людьми, а потому именно над ними чаще всего проводят эксперименты. Одним из них стал «Вселенная-25» Джона Кэлхуна, построившего мышиный рай с максимально комфортными условиями для развития популяции. Однако, как в человеческом, так и в крысином мозге, программа на создание иерархии внутри общества или стаи и деградацию при удобном существовании неискоренима.

Эксперимент, проводившийся 25 раз и предусматривающий четыре стадии (рождение, рост численности популяции, снижение популяции и смерть), каждый раз терпел крах, что наводило мысль о том, что крысам, как и людям, не свойственно жить ради самосовершенствования и глобальной эволюции в мирной среде по ряду причин.

Во-первых, каждый человек по-разному работает и прилагает усилия к достижению общих или индивидуальных целей, в результате перевес труда одних и недостаток труда других рождает чувство несправедливости: блага в равном количестве достаются всем, для всех существует одинаковая приемлемая обстановка. В человеке заложено стремление к конкуренции, и при ее отсутствии она будет создаваться искусственно с помощью насилия, угнетения, недовольства, а также ограничений в доступе к ресурсам и сегрегации общества, что приведет к росту социального напряжения. Это путь к более примитивному уровню развития, при котором превосходство над другими – первостепенная цель. Человек обретет одинокую всеобъемлющую власть, построенную на костях таких же людей, как и он сам. Данная ситуация была описана в романе Гарсиа Маркеса «Осень патриарха». Однако жизнь в виде испытания не равноценна полученному результату, которого достиг главный герой, достигли крысы в эксперименте и может достичь человек настоящего, оказавшись на месте подопытных.

Во-вторых, в условиях бесконтрольности мы автоматически признаем за человеком право отказаться от всех ограничений (закон, нравственность и др.). Принимая человеческого индивида за живой организм, важно посмотреть на него не с точки зрения формы, а с точки зрения содержания в

психологическом аспекте. Априори каждая личность уникальна, нельзя найти двух одинаково думающих и воспринимающих окружающую среду индивидов, а потому цели, мотивы и эмоции у всех разные. С одной стороны, непохожесть позволяет человечеству совершать научные революции, делать открытия, добиваться всеобщего процветания. Но есть сила, тормозящая достижение абсолютного принятия и понимания в обществе, применяющая насилие для личной выгоды, видящая справедливость в причинении вреда одним и доминировании других. При таком раскладе в ближайшем будущем ни о равенстве, ни о безвластии и иерархии не может идти речи. Необдуманый шаг к новому может повлечь стремительный возврат к доцивилизованному состоянию.

Таким образом, проанализировав представленные актуальные концепции, предлагающие идеальные модели комфортных условий для благополучной жизни человека, мы пришли к выводу о невозможности их воплощения на практике в силу глобальности проектов. Для их реализации потребуются усилия не одной страны на протяжении не одного года. Помимо того, положительный

настрой авторов концепций предполагает, что каждый согласен на жизнь в таких идеальных условиях, что, безусловно, противоречит факту об уникальности каждого человека в рамках не только его жизнедеятельности, но и потребностей, мировоззрения, желаний и представлений о своем мире, оптимальном исключительно для него или небольшой группы людей. В таком случае речь будет идти не о свободе идей и действий, а о тоталитарности ограничений, нацеленных на построение однотипного общества с однообразными стремлениями, при которых каждый человек является копией другого.

Идеал представляет собой оптимальный желаемый результат, к которому необходимо стремиться, но реализация его на практике может привести к негативным последствиям, стать антиутопией, где интерес к идеальному существованию неизбежно приведет к отрицательным тенденциям развития. Однако на смену одним идеалам приходят другие, которые вдохновляют и мотивируют совершенствоваться, адекватно отвечая на новые вызовы природы и общества, пытливого ума человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Романенко Е. А. Будущее как объект социокультурного проектирования (на примере проекта «Венера») // Человек в мире культуры. 2017. № 4. С. 125–128.

² Жак Фреско: «Проект «Венера» – не утопия» URL: <https://naked-science.ru/article/interview/zhak-fresko-proekt-venera-ne> (дата обращения: 08.10.2021).

³ Касянчук Б. В., Кулик К. Д. Предотвращение преступности с помощью изменения архитектуры города // Интернаука. 2018. № 12 (52). С. 88–93.

⁴ Голендухина Е. А., Ланкин В. Г. Современная социальная утопия: «Проект Венера» Ж. Фреско // Избранные доклады 65-й Юбилейной университетской научно-технической конференции студентов и молодых ученых : сб. докл. (Томск, 25 апреля 2019 г.). Томск, 2019. С. 882–885.

REFERENCES

¹ Romanenko E. A. Future as an object of socio-cultural design (on the example of the project "Venus"). *Chelovek v mire kul'tury = Man in the world of culture*. 2017, no. 4, pp. 125–128. (In Russ.).

² Jacques Fresco: "The Venus Project is not a utopia". Available at: <https://naked-science.ru/article/interview/zhak-fresko-proekt-venera-ne> (accessed 8 October 2021). (In Russ.).

³ Kasyanchuk B. V., Kulik K. D. Prevention of crime by changing the architecture of the city. *Internauka = Internauka*, 2018, no. 12 (52), pp. 88–93. (In Russ.).

⁴ Golendukhina E. A., Lankin V. G. Modern social utopia: "The Venus Project" by J. Fresco/ In: *Izbrannye doklady 65-j YUбилейnoj universitetskoj nauchno-tekhnicheskoy konferencii studentov i molodyh uchenyh: sbornik dokladov* [Selected reports of the 65th Anniversary University Scientific and Technical Conference of Students and Young Scientists: Collection of reports]. Tomsk, 2019, pp. 882–885. (In Russ.).

Явление палатализации в заимствованных словах в русском языке¹

А. С. МЕЛЬНИКОВА – преподаватель лингвистики факультета европейских культур и языков Университета Стоуни-Брук (Нью-Йорк), кандидат филологических наук

Основная задача данного исследования состоит в том, чтобы определить, что движет палатализацией перед [э] в заимствованных словах в русском языке. Чтобы ответить на вопрос о том, каков механизм изучения новых заимствованных слов в отношении палатализации (смягчения) согласного перед [э], необходимо рассмотреть, как носители русского языка произносят незнакомые неродные велярные и зубные согласные звуки перед гласными переднего ряда [æ], [ɛ] и [eɪ]. Результаты исследования показывают, что в заимствованных словах палатализация перед [э] обусловлена как межъязыковыми типологиями, так и правилами родной фонологии.

Ключевые слова: согласный; гласный; звук; палатализация; заимствование.

5.9.5 – Русский язык. Языки народов России.

Для цитирования: Мельникова А. С. Явление палатализации в заимствованных словах в русском языке. *Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований*, 2021, № 3 (3), с. 61–67.

Palatalization in Russian Loanword Phonology

ANNA S. MELNIKOVA – Lecturer in Linguistics of the Faculty of European Cultures and Languages of the Stony Brook University (New York), Candidate of Science (Philology)

The main objective of this study is to determine what drives palatalization before [e] in loan words in Russian. To answer the question of what is the mechanism for learning new loan words in relation to palatalization (softening) of a consonant before [e], it is necessary to consider how Russian speakers pronounce unfamiliar nonnative velar and dental consonants before front vowels [æ], [ɛ] and [eɪ]. The results of the study show that in loan words palatalization before [e] is due to both interlingual typologies and the rules of native phonology.

Key words: consonant; vowel; sound; palatalization; loan word.

5.9.5 – Russian language. Languages of the peoples of Russia.

For citation: Melnikova A. S. Palatalization in Russian Loanword Phonology. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2021, No. 3 (3), pp. 61–67.

1. Предыстория: палатализация и редукция гласных

1.1. Палатализация в русском языке

В русском языке палатализованные и непалатализованные согласные составляют пары, как показано в таблице 1¹. Однако

существуют согласные звуки, которые не являются парными: непарные [щ¹], [ч¹] и [й] всегда мягкие, непарные [ш], [ж] и [ц] всегда твердые. Палатализованные велярные согласные звуки расположены только перед гласными переднего ряда².

¹ Melnikova A. S. Palatalization in Russian Loanword Phonology. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2021, No. 3 (3), pp. 68–74.

Классификация русских согласных³

	губные	зубные (дентальные)	постальвеолярные (переднеязычные)	палатальные	велярные (заднеязычные)
смычные	п п' б б'	т т' д д'			к к' г г'
щелевые	ф ф' в в'	с с' з з'	ш ш' ж		х х'
аффрикаты		ц	ч		
носовые	м м'	н н'			
боковые		л л'			
дрожящие		р р'			
глайд				й	

В русском языке палатализованные (С') и непалатализованные (С) согласные противопоставляются в различных позициях: перед другим согласным, в абсолютном конце слова, перед гласными заднего и переднего ряда. Палатализация зубных и губных согласных является фонематической (например, мат [мат] и мят [м'ат]), заднеязычных – аллофонической. Непалатализованный вариант встречается в других расположениях⁴.

Распределение палатализованных/непалатализованных согласных отличается перед гласными переднего ряда [и] и [э]. Палатализация является фонематической перед гласным верхнего подъема переднего ряда [и] (С' vs. С), как, например, [в'ит'] «вить» vs. [выт'] «выть». Велярные согласные перед [и] всегда палатализируются. Однако перед [э] согласные всегда палатализируются, независимо от места их артикуляции (например, «белка» [б'элка], «кегли» [к'эгл'и])⁵.

Подводя итог, заключим, что палатализация зубных и губных согласных является фонематической. Палатализация заднеязычных согласных является аллофонической, где палатализованный согласный стоит перед [э] и [и], а непалатализованный перед другими звуками. Независимо от места их артикуляции, согласные всегда палатализуются перед [э].

1.2. Редукция гласных в русском языке

В русском языке имеются следующие гласные: [и], [э], [а], [о], [у]. Ударение в русском языке играет решающую роль в качестве гласных. Оно словесное и смысловозначительное (например, [му'ка] и ['мука]). Более того, ударение может падать на разные слоги в рамках одной флективной парадигмы (например, [ру'ка] и ['руки])⁶.

Безударные гласные короче, чем гласные под ударением. Акустически они более цен-

трализованы, что означает, что пространство гласных более сокращено, чем в ударном положении.

В современном русском стандарте (СРС) существует две степени редукции безударных гласных. Редукция первой степени (умеренная) происходит в первом предударном слоге. Редукция второй степени (крайняя) применяется к другим безударным слогам⁷.

Гласные верхнего подъема [и] и [у] редуцируются незначительно. Безударные [и] и [у] произносятся с некоторым ослаблением, но в основном качество гласных остается прежним. На качество же гласных среднего и нижнего подъема редукция оказывает значительное влияние. После непалатализованных согласных в первом предударном слоге [а] и [о] сливаются в [Λ] (сокращение первой степени). В других безударных слогах [а] и [о] редуцируются до нейтрального гласного «шва» (редукция второй степени)⁸.

В фонологии английского языка безударные гласные редуцируются и становятся⁹ более централизованными как после мягких, так и после твердых согласных. Редукция безударных гласных изменяет как первую форманту (F1), так и вторую (F2). Безударные гласные среднего и низкого подъема часто повышаются, показывая более низкие значения F1, чем их ударные пары¹⁰.

1.3. Палатализация в заимствованных словах

В заимствованных словах русского языка распределение палатализованных и непалатализованных согласных отличается от распределения в фонологии английского языка. Согласные всегда палатализируются перед гласным верхнего подъема переднего ряда [и] (например, ['л'ид'эр] «лидер», ['парт'и'э] «партия»)¹¹.

Наблюдаются различия в согласных перед гласным среднего подъема переднего

ряда [э] в зависимости от того, являются ли они палатализованными или нет. Независимо от места артикуляции (губные, зубные, велярные), они могут быть как палатализованными (например, [gʲeʲt] «ворота»), так и непалатализованными (например, [gæp] «разрыв»). Возможны также случаи свободного изменения (например, [deʲfolt] и [dʲeʲfolt] «несоблюдение»).

В заимствованных словах в русском языке в ударных слогах непалатализованные согласные встречаются чаще, чем в безударных¹². В целом палатализованные зубные согласные встречаются реже, чем палатализованные губные и велярные. Велярные согласные чаще подвергаются палатализации¹³.

2. Задачи исследования и эксперимент

2.1. Кросс-лингвистическая типология палатализации

Ранее было отмечено, что палатализация в заимствованных словах отличается от современного русского стандарта. Основной вопрос этого исследования состоит в том, чтобы определить, что движет палатализацией перед [э] в заимствованных словах русского языка. Почему характер палатализации перед [э] в заимствованных словах отличается от СРС?

Типологические исследования палатализации¹⁴ показывают, что существует как иерархия того, какие типы согласных палатализуются, так и иерархия того, какие типы гласных вызывают палатализацию. Основываясь на кросс-лингвистическом исследовании 58 языков, Н. Бэйтман разработала имплицитивную универсалию для палатализации: губные > зубные и/или велярные. Типологические исследования¹⁵ также устанавливают импликационные иерархии для триггеров палатализации: [i] > [e] > [ɛ] > [a]. Палатализация перед гласными нижнего подъема переднего ряда всегда происходит совместно с палатализацией перед гласными верхнего подъема переднего ряда (имплицитивная универсалия). Гласный верхнего подъема переднего ряда [и] является немаркированным триггером для палатализации предшествующего согласного. В целом как высота гласного, так и место артикуляции согласного являются универсальными параметрами для палатализации.

Если носители русского языка не всегда распространяют правила произношения своего родного языка на заимствованные слова, можно говорить, что они склонны к межъязыковой фонетической естественности (или универсальным типологиям), по

крайней мере в некоторой степени¹⁶. Основная цель текущего эксперимента – проверить, влияют ли универсальные иерархии высоты гласных и место артикуляции согласных на процесс палатализации перед [э] в заимствованных словах в русском языке. Автором рассматриваются следующие гипотезы:

1. Место артикуляции

В русском языке в заимствованных словах наибольший контраст между С и С' характерен для зубных согласных, губные согласные палатализуются чаще, чем зубные, велярные согласные – наименее маркированные цели для палатализации: велярные > губные > зубные. Универсальные типологии показывают различную иерархию целей палатализации. В имплицитивной универсалии зубные и велярные согласные не находятся в иерархическом отношении друг к другу: губные > зубные и/или велярные. Таким образом, мы можем предположить, что если механизм адаптации заимствованного слова основан на универсальных типологиях и согласный является зубным или велярным, то место артикуляции не окажет существенного влияния на палатализацию.

Согласно данной гипотезе для палатализации не имеет значения, согласный зубной или велярный. Место артикуляции оказывает одинаковое влияние на палатализацию зубных и велярных согласных.

2. Высота гласного звука

Универсальные типологии подразумевают корреляцию между высотой гласных и палатализацией. Палатализованные согласные чаще появляются перед гласными верхнего подъема переднего ряда, чем перед гласными среднего и низкого подъема¹⁷. Русские заимствования имеют ту же закономерность: а) только С' встречается перед [и]; б) и С, и С' могут появляться перед [э]. Такая параллель предполагает, что если механизм адаптации заимствованного слова действительно опирается на универсальные типологии, то будет существовать корреляция между палатализацией и высотой гласного. Гипотеза подразумевает, что независимо от типа согласных палатализованные согласные будут чаще встречаться перед вариантами более высоких гласных переднего ряда, чем перед вариантами более низких гласных переднего ряда. Что касается пространства гласных, ожидается, что варианты с более высоким передним гласным будут иметь более низкие значения первой форманты и более высокие значе-

ния второй, чем варианты с более низким передним гласным.

3. Положение ударения

В заимствованных словах контраст в палатализации также может зависеть от контекста. Как указывает А. Тимберлейк¹⁸, в заимствованных словах согласные перед [э] более устойчивы к палатализации в ударных слогах, чем в безударных. В СРС гласные среднего и низкого подъема переднего ряда становятся короче в безударных позициях, а сокращение гласных связано с повышением¹⁹. Мы предполагаем, что в заимствованных словах редукция гласных взаимосвязана с палатализацией. Если действительно существует корреляция между высотой гласных и палатализацией, можно утверждать, что ударение окажет значительное влияние на редукцию гласных. Если редукция гласных включает в себя повышение гласных (централизацию), исследуемые гласные будут иметь значительно более низкие значения F1 и F2 в безударных слогах, чем в ударных. Палатализованные согласные чаще встречаются перед безударными (более высокими) гласными, чем перед ударными.

2.2. Эксперимент: триггеры и цели палатализации

Эксперимент был проведен в целях определения существования корреляции между палатализацией и местом артикуляции целевого С, высотой гласного и положением целевого С относительно ударения. Участники (N = 6), двое мужчин и четыре женщины, были набраны с помощью агитирующих плакатов в Университете Стоуни-Брук. Что касается географии участников, то пять человек из Москвы, один – из Санкт-Петербурга. Им от 30 до 48 лет, они провели в США от 1 до 23 лет. Все участники указали на некоторое знание английского языка, однако сообщили о ежедневном общении на русском языке.

Материалы

Предметом исследования в эксперименте был окказионализм C1Г1C2Г2'С3Г3С4 (72 целевых элемента). Каждый элемент содержал преграду при артикуляции зубных ([t] или [d]) или велярных звуков ([k] или [g]) перед одним из гласных [æ], [ɛ] или [eɪ] (например, [dælə'mɪk], [geɪʃ'mɔɹ]). Английские гласные среднего и низкого подъемов переднего ряда [æ], [ɛ] и [eɪ] были выбраны для определения влияния высоты гласных на изменение С/С'. С помощью преграды можно выяснить, оказывает ли место артикуляции какое-либо существенное влияние на палатализацию. Хотя существовала вероятность того, что голос может оказать определенное

влияние, но ожидалось, что оно будет несущественным.

Все слова трехсложные с основным ударением на последнем слоге. Чтобы проверить корреляцию между палатализацией и положением исследуемого С по отношению к ударению, половина слов была создана с целевыми звуками в начальном безударном слоге (например, [teɪmə'reɪs] (C1Г1)), вторая половина – в ударном ([mɪlə'tæɪs] (C3Г3)). Средняя гласная (Г2) всегда была «шва» (нейтральный гласный звук) ([ə], как в sofa). Было также 18 слов-филлеров, состоящих из согласного звука, не зубного или велярного, и гласного [o] (например, [lɒmə'hɛn], [gɒrə'sɪs]). Носитель языка осуществил запись данных слов в случайном порядке.

Процедура

Каждый участник находился в помещении со звукоизоляцией, где на компьютере была запущена платформа онлайн-экспериментов Experigen²⁰.

Участникам было предложено прослушать незнакомое английское слово и повторить его. В целях создания «родной» среды участникам было необходимо воспроизвести тестовый элемент в именительном падеже и флективной форме родительного или винительного падежа (отмеченной суффиксом -а) в соответствующем контексте. Каждый участник получил 24 рандомизированных тестовых элемента, восемь слов-филлеров и один тренировочный элемент. Общее количество зарегистрированных форм, включая слова-филлеры и тренировочный элемент, составило 402, из которых 288 были целевыми элементами (288 = 6 участников x 24 целевых элемента x 2 морфологические категории).

Результаты: зависимая переменная F1/F2

Значения F1 и F2 входных и выходных гласных были измерены с целью определения следующего: а) сопоставляют ли дикторы неродные гласные с ближайшими выходными, доступными в родной фонологии, или предпочитают сохранять верность входным; б) оказывают ли входные гласные, место артикуляции и ударение существенное влияние на значения F1 и F2. Были измерены входные английские гласные стимулов и выходные русские гласные, реализуемые участниками; значения F1 и F2 каждого целевого гласного [æ], [ɛ] и [eɪ] были измерены с помощью компьютерной программы Praat. На рисунке 1 приведены средние значения F1 и F2 для входных гласных звуков английского языка при 50 % длительности как в ударном, так и в безударном положении.

Целевой гласный	F1 (Гц)	F2 (Гц)	Целевой Гласный	F1 (Гц)	F2 (Гц)
[eɪ]	520	2003	[eɪ]	494	2053
[ɛ]	683	1796	[ɛ]	630	1780
[æ]	749	1762	[æ]	663	1716

а) ударный

б) безударный

Рис. 1. Среднее значение значений F1 и F2 для входных гласных английского языка

Что касается выходных гласных, то, как и предполагалось, английские гласные переднего ряда [æ], [ɛ] и [eɪ] соответствуют русскому [э]. А. Тимберлейк²¹ указывает, что в ударных позициях F1 русского [э] составляет около 506–702 Гц, а F2 – около 1800–2400 Гц. Согласно исследованию Л. Джонса²² в безударных позициях русское [э] произносится выше и дальше назад. Оно уменьшается до слабого [и] с более низкими значениями F1 (250–500 Гц) и более низкими

значениями F2 (1000–2500 Гц).

В целом носители русского языка демонстрируют более высокую реализацию данных английских (высоких) гласных переднего ряда и производят их как варианты русского [э]. Кроме того, как и ожидалось, при сравнении ударных и безударных позиций целевые гласные поднимаются и отходят назад при более низких значениях F1 и F2, в безударном слоге [eɪ] произносится ближе к [и] (рис. 2).

Целевая гласная	F1 (Гц)	F2 (Гц)	Целевая гласная	F1 (Гц)	F2 (Гц)
[eɪ]	443	2115	[eɪ]	398	1884
[ɛ]	523	1852	[ɛ]	449	1645
[æ]	596	1686	[æ]	459	1559

а) ударный

б) безударный

Рис. 2. Среднее значение значений F1 и F2 для произведенных звуков

Модели иерархической линейной регрессии использовались для оценки того, являются ли входные гласные, ударение, место артикуляции и голос значимыми факторами для высоты гласных (F1) и глубины артикуляции гласных (F2). Статистический анализ был проведен с использованием пакета lme4 в R. Трехуровневая факторная модель различала [æ], [ɛ] и [eɪ]. С использованием кодировки Хельмерта три уровня были упорядочены следующим образом: ([eɪ] vs. [æ]/[ɛ]) и ([ɛ] vs. [æ]). Фиксированный фактор ударение также был закодирован: ударение TRUE vs. FALSE (ударный слог vs. неударный). Бинарный предиктор, который противопоставлял место артикуляции зубного согласного веллярному, был закодирован в рамках кодировки Хельмерта таким образом: место. вел. vs. зуб.

Регрессионная модель для значений F1 показала, что все три целевые гласные [æ], [ɛ] и [eɪ] оказали значительное влияние на высоту гласного, что подтверждает корреляцию между входным гласным и F1 выходного. Что касается влияния ударения, мы увидели значительно более низкий F1 в безударных слогах, что говорит о том, что повышение гласного действительно происходит

в безударных позициях. Место артикуляции и голос не оказали существенного влияния на высоту гласных.

Результаты регрессионной модели для значений F2 подтвердили корреляцию между входным гласным и значением F2 выходного. Влияние места артикуляции также было значительным: значение F2 зависит от места артикуляции предыдущего согласного. Что касается влияния ударения, мы видели, что F2 значительно ниже в безударных слогах, чем в ударных, и это свидетельствует о том, что безударные гласные произносятся в более задней позиции, чем ударные.

Результаты: палатализация

Палатализация была субъективно зафиксирована экспериментатором. Эффекты были протестированы в модели логистической регрессии со смешанными эффектами с использованием R и пакета lme4. Влияние целевого гласного и места артикуляции было значительным: 44 % целевых согласных были палатализованы во всех элементах.

Как и ожидалось, участники отдавали предпочтение C' перед [eɪ] (67 %), а не перед [ɛ] (44 %) и [æ] (23 %). Палатализация перед [æ] встречается реже всего (рис. 3).

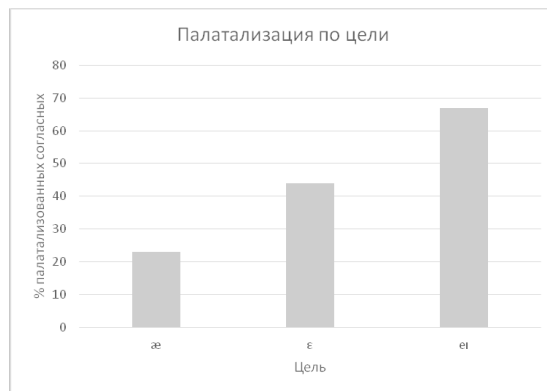

Рис. 3. Палатализация зубных и велярных согласных перед [æ], [ɛ] и [eɪ]

Результаты палатализации в отношении ударения не подтверждают гипотезу о том, что редуцированные гласные в безударных слогах управляют процессом палатализации. Общее влияние ударения

было незначительным, однако оно было различным для трех входных гласных: ударение способствовало большей палатализации при [æ], [ɛ] и меньшей при [eɪ] (рис. 4).

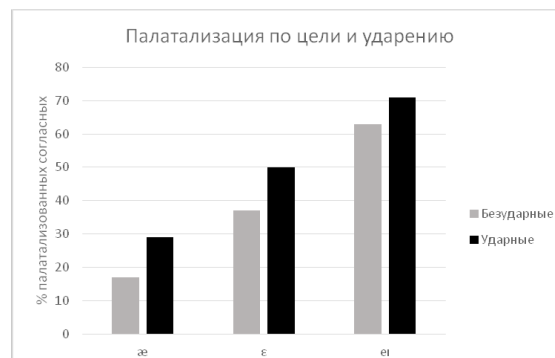

Рис. 4. Палатализация зубных и велярных согласных перед ударными и безударными целевыми гласными [æ], [ɛ] и [eɪ]

Что касается места артикуляции целевого согласного, то результаты не соответствуют прогнозу. В рамках универсальных типологий оба места артикуляции (велярная и зубная артикуляция) будут равными целями для

палатализации. Однако результаты показывают, что палатализованные велярные согласные встречаются чаще, чем палатализованные зубные (71 и 18 % соответственно) (рис. 5).

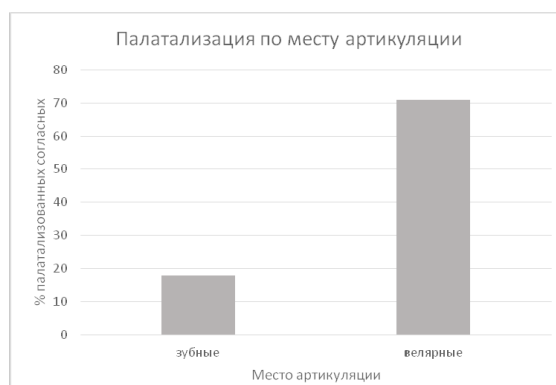

Рис. 5. Палатализация при велярной и зубной артикуляции

Регрессионная модель показала, что все целевые гласные, закодированные как цель ([eɪ] vs. [æ]/[ɛ]) и цель ([ɛ] vs. [æ]), оказывают значительное влияние на

палатализацию. Результаты подтверждают корреляцию между палатализацией согласных и высотой гласных. Вопреки универсальной типологии место артикуляции

также является важным фактором палатализации. При велярной артикуляции происходит значительное увеличение палатализации, что свидетельствует о том, что в русской фонологии заимствованных слов велярные и зубные согласные находятся в иерархических отношениях по отношению друг к другу. Влияние ударения не было значительным, что говорит о том, что положение целевого согласного по отношению к ударению не имеет никакого прогностического влияния на палатализацию. Как и ожидалось, дополнительный фактор голоса оказался незначим.

3. Заключение

Основной вопрос, рассматриваемый в этом исследовании, заключается в том, что движет палатализацией перед [э] в фонологии заимствованных слов русского языка. Исследование окказиональных заимствованных слов показывает, что механизм их адаптации обусловлен универсальными типологиями, а также родной фонологией.

Доказательством того, что механизм адаптации заимствованного слова основан на родной фонологии, являются различия в частоте палатализованных велярных согласных по отношению к палатализованным зубным. Следуя правилам родной фонологии, в заимствованных словах зубные со-

гласные проявляют большее сопротивление палатализации, чем велярные.

Свидетельством того, что механизм адаптации заимствованного слова основан на универсальной типологии, является сильная корреляция палатализации и высоты гласного.

Сильная корреляция между ударением и значениями F1/F2 указывает на то, что носители русского языка полагаются на родные фонологические правила редукиции гласных. Как и в русском языке, в заимствованных словах гласные редуцируются в безударных позициях.

Редукиция гласных, однако, не обнаружила никакой корреляции с палатализацией: редуцированные гласные не вызывали какого-либо значительного увеличения палатализации. Однако возможно, что часто используемые заимствования ассимилируются с родной фонологией, демонстрируя редукицию гласных, как в родном языке. Если это так, то ожидается, что редукиция гласных будет достаточно значительной для того, чтобы вызвать палатализацию.

Таким образом, понимание взаимодействия универсальной типологии с родной фонологией может пролить свет на вопрос о том, как носители русского языка воспринимают и воспроизводят слова, заимствованные из иностранного языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Padgett J. Contrast Dispersion and Russian Palatalization // The Role of Speech Perception Phenomena in Phonology / ed. E. V. Hume and K. Johnson. San Diego, 2001. Pp. 187–218; Timberlake A. A reference grammar of Russian. Cambridge, 2004.

² Там же.

³ Padgett J. Contrast Dispersion and Russian Palatalization.

⁴ Там же; Timberlake A. A reference grammar of Russian. Pp. 53–59.

⁵ Timberlake A. A reference grammar of Russian.

⁶ Там же.

⁷ Crosswhite K. Vowel reduction in Russian: a unified account of standard, dialectal, and “dissimilative” patterns // University of Rochester working papers in the language sciences. 2000. No. 1. Pp. 107–172; Timberlake A. A reference grammar of Russian. Pp. 43–44.

⁸ Timberlake A. A reference grammar of Russian.

⁹ Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Зиндер Л. Р. Акустические характеристики безударности // Структурная типология языков / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М., 1966. С. 61.

¹⁰ Padgett J., Tabain M. Adaptive dispersion theory and phonological vowel reduction in Russian // *Phonetica*. 2005. Vol. 62. Pp. 15–18.

¹¹ Дьяконов А. И. Словарь англицизмов русского языка. URL <http://anglicismdictionary.dishman.ru/> (дата обращения: 11.06.2021).

¹² Holden K. Assimilation rates of borrowings and phonological productivity. Bloomington, 1974; Timberlake A. A reference grammar of Russian.

¹³ Timberlake A. A reference grammar of Russian.

¹⁴ Bateman N. A crosslinguistic investigation of palatalization : doctoral dissertation. San Diego, 2007; Chen M. Predictive power in phonological description // *Lingua*. 1973. Vol. 32 (3). Pp. 173–191.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Wilson C. Learning phonology with substantive bias: An experimental and computational study of velar palatalization // *Cognitive Science*. 2006. Vol. 30. Pp. 945–982.

¹⁷ Bateman N. A crosslinguistic investigation of palatalization; Chen M. Predictive power in phonological description.

¹⁸ Timberlake A. A reference grammar of Russian.

¹⁹ Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Зиндер Л. Р. Акустические характеристики безударности.

²⁰ Becker M., Levine J. Experigen – an online experiment platform. URL: <http://becker.phonologist.org/experigen> (дата обращения: 11.06.2021).

²¹ Timberlake A. A reference grammar of Russian.

²² Jones L. The contextual variants of the Russian vowels // Halle M. The sound pattern of Russian. 'S-Gravenhage, 1959. Pp. 178–182.

UDC 81'342

Palatalization in Russian Loanword Phonology

ANNA MELNIKOVA, Ph.D. candidate in Linguistics Stony Brook University, NY.

Advisor: **DR. MICHAEL BECKER**, University of Massachusetts, Amherst.

The main concern of the current study is to determine what drives palatalization before [e] in the loanword phonology of Russian. What is the mechanism of learning new loanwords with respect to palatalizing (softening) a consonant before [e]? I address this question by investigating how Russian speakers produce non-native unfamiliar inputs with velar and dental consonants followed by one of the following English front vowels: /æ/, /ɛ/, and /eɪ/. The results of the study suggest that in loanwords, palatalization before [e] is driven by both, cross-linguistic typologies and the rules of the native phonology.

Key words : consonant; vowel; sound; palatalization; loan word.

5.9.5 – Russian language. Languages of the peoples of Russia.

For citation: Melnikova A. S. Palatalization in Russian Loanword Phonology. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2021, No. 3 (3), pp. 68–74.

1. Background: palatalization and vowel reduction

1.1. Palatalization in Russian

In Russian, palatalized and non-palatalized consonants are contrastive, as shown in (1), although, not all consonants have palatalized - non-palatalized pairs (Padgett 2001:2, Timber-

lake 2004:53). Consonants that are not paired are highlighted. Unpaired /ʃ^j/, /tʃ^j/, and /j/ are always palatalized; unpaired /ʒ/, /ʒ^j/, /ts/ are not palatalized. The distribution of palatalized velars is very restricted in that they appear only before front vowels (Padgett 2001:2, Timberlake 2004:57).

Inventory of Russian consonants (Padgett 2001: 2)

	labial	dental	post-alveolar	palatal	velar
stop	p p ^j b b ^j	t t ^j d d ^j			k k ^j g g ^j
fricative	f f ^j v v ^j	s s ^j z z ^j	ʃ ʃ ^j ʒ		x x ^j
affricate		ts	tʃ ^j		
nasal	m m ^j	n n ^j			
lateral		l l ^j			
trill		r r ^j			
glide				j	

In Russian, C^j and C contrast in various environments: before another consonant, word-finally, before back and front vowels, and word-initially. Palatalization is phonemic in dentals and labials (e.g., [mat] 'check mate' vs. [m^jat] 'shrunk'), but it is allophonic in velars. The non-palatalized variant occurs elsewhere (Padgett 2001:2, Timberlake 2004: 53-59).

The distribution of palatalized/non-palatalized consonants is different before the front vowels [i] and [e]. Palatalization is phonemic before high front [i] (Cⁱ vs. Ci), as in [vitⁱ] 'twist' vs. [vit^j] 'howl'. In velars, however, only the palatalized consonants before [i] (Cⁱ) are possible.

But before [e], consonants are always palatalized, regardless of their place of

articulation (e.g., 'bʲelkə 'squirrel', 'kʲegljɪ 'bowling' (Timberlake 2004).

In sum, palatalization is phonemic for dentals and labials. Palatalization is allophonic for velars, where C' occurs before [e] and [i] and C is found elsewhere. Regardless of their place of articulation, consonants always palatalize before [e].

1.2. Vowel reduction in Russian

Russian has the following vowels: /i/, /e/, /a/, /o/, /u/. Stress in Russian plays a crucial role in the vowel quality. Stress is lexical and contrastive in Russian (e.g., [mu'ka] 'flour' vs. ['muka] 'torture'). Moreover, stress can fall on different syllables within a given inflectional paradigm (e.g., [ru'ka] 'hand' vs. ['ruki] 'hands') (Timberlake 2004:29).

Unstressed vowels have shorter duration than stressed vowels. Acoustically, they are more centralized, meaning that the vowel space is more reduced than in stressed vowels.

In Contemporary Standard Russian (CSR), there are two degrees of reduction of unstressed vowels. The first-degree (moderate) reduction occurs in the first pretonic syllable. The second-degree (extreme) reduction applies to other unstressed syllables (Crosswhite 2000:109, Timberlake 2004:43-44).

In [+high] vowels, /i/ and /u/, vowel reduction has little effect. The unstressed [i] and [u] are pronounced with some laxing, but basically, vowel quality remains the same. But in non-high vowels, vowel reduction has a significant effect on vowel quality. After non-palatalized consonants in the first pretonic syllable, /a/ and /o/ merge to [ʌ] (first-degree reduction). In other unstressed syllables, /a/ and /o/ become a schwa (second-degree reduction) (see Timberlake 2004 for details).

Overall, in the native phonology, unstressed vowels reduce and become more centralized in both palatalized and non-palatalized contexts. Reduction of unstressed vowels changes both F1 and F2 formants (Bondarko *et al.* 1966:61). Unstressed non-high vowels often raise, showing lower F1 values than their stressed counterparts (Padgett 2005: 15-18).

1.3. Palatalization in loanwords

In Russian loanwords, the distribution of palatalized and non-palatalized consonants differs from the distribution in the native phonology. Consonants are always palatalized before the high front vowel [i] (e.g., ['lʲidʲər] 'leader', ['partʲi] 'party') (Dyakonov 2014-2015).

Consonants before the mid front [e] show variation in terms of whether they are palatalized or not. Regardless of the place of articulation (labials, dentals, velars), they may appear

either as palatalized (C') (e.g., [gʲejt] 'gate') or non-palatalized (C) (e.g., [gɛp] 'Gap'). Cases of free variation are also possible (e.g., [dɛ'folt] / [dʲɛ'folt] 'default').

In Russian loanwords, stressed syllables allow non-palatalized consonants more often than unstressed syllables (Holden 1976, Timberlake 2004: 60). Overall, palatalized dentals occur less frequently than palatalized labials and velars. Velars are the most frequent targets for palatalization (Timberlake 2004: 60).

2. Research questions and the experiment

2.1. Cross-linguistic typology on palatalization

We saw that behavior of palatalization in loanwords is not the same as in Contemporary Standard Russian (CSR). The main question of this research is to determine what drives palatalization before [e] in the loanword phonology of Russian. Why does the palatalization pattern before [e] in loanwords differ from the pattern in CSR?

Typological studies of palatalization (Bateman 2007, Chen 1973) show that there are both, a hierarchy of what types of consonants palatalize and a hierarchy of what types of vowels trigger palatalization. Based on the cross-linguistic study of 58 languages, Bateman (2007) establishes the implicational universal for palatalization targets: **labials > dentals and/or velars**. Typological surveys (Bateman 2007, Chen 1973) also establish the implicational hierarchies for palatalization triggers: **i > e > ε > a**. Palatalization before lower front vowels always co-occurs with palatalization before high front vowels (implicational universal). The high front [i] is the most unmarked trigger for palatalization of a preceding consonant. In sum, both vowel height and the place of articulation of a target consonant (PoA) are universal parameters for palatalization.

If Russian speakers do not always extend their native language phonology to loanwords, I propose that they are biased toward cross-linguistic phonetic naturalness (or Universal Typologies), at least to some extent (Wilson 2006). The main goal of the current experiment is to test whether universal hierarchies for vowel height and PoA drive the process of palatalization before [e] in the loanword phonology of Russian. My hypotheses are as follows:

Hypothesis 1: the place of articulation

In Russian loanwords, dentals have the strongest C/C' contrast. Labials palatalize more often than dentals and velars are the least marked targets for palatalization: **velars > labials > dentals**. Universal typologies show a different hierarchy for palatalization targets. In the implicational universal, dentals and velars

are not in a hierarchical relation with respect to each other: **labials > dentals and/or velars**. Thus, we can suggest that if the mechanism of loanword adaptation relies on universal typologies and if the place of articulation (PoA) of a target consonant is dental or velar, then the place of articulation (PoA) will have no significant effect on palatalization.

This hypothesis predicts that both dentals and velars will be equal targets for palatalization. PoA will have the same effect on palatalization of dentals and velars.

Hypothesis 2: the vowel height

Universal typologies imply a correlation between vowel height and palatalization. Palatalized consonants are more likely to appear before high front vowels than before non-high vowels (Bateman 2007, Chen 1973). Russian loanwords have the same pattern: a) only Cⁱ occurs before [i]; b) both C and Cⁱ may appear before /e/. Such parallel suggests that if the mechanism of loanword adaptation indeed relies on universal typologies, there will be a correlation between palatalization and vowel height. The hypothesis predicts regardless of a consonant type, palatalized consonants will be more frequent before higher front vowel variants than before lower front variants. As for the vowel space, higher front vowel variants are expected to have lower F1 and higher F2 values than lower front vowel variants.

Hypothesis 3: the position of stress

In loanwords, a contrast in palatalization may also depend on a context. As Timberlake (2004:6) points out, in loanwords, consonants before [e] are more resistant to palatalization in stressed syllables than in unstressed ones. In CSR, non-high front vowels reduce in unstressed positions and vowel reduction is associated with vowel raising (Bondarko *et al.* 1966:60). I suggest that in loanwords, vowel reduction interacts with palatalization. If there is indeed a correlation between the vowel height and palatalization, I predict that stress will have a significant effect on vowel reduction. If vowel reduction involves vowel raising (centralization), target vowels will have significantly lower F1 and lower F2 values in unstressed syllables than in stressed syllables. Palatalized consonants should be more frequent before unstressed (raised) vowels than before stressed ones.

2.2 Experiment: palatalization triggers and targets

An acoustic production task was designed to test whether there is a correlation between palatalization and: a) PoA of a target C, b) vowel height, and c) position of a target C with respect to stress. Participants ($N=6$),

two males and four females were recruited using recruitment posters across Stony Brook University. Based on the geographic survey, five participants reported their place of origin was Moscow and one was from St. Petersburg. Speakers were between 30 and 48 years old and had spent between 1 and 23 years in the US. All participants indicated some knowledge of English. However, all of them reported daily exposure to Russian.

Materials:

Stimuli consisted of C₁V₁C₂V₂'C₃V₃C₄ nonce words (72 target items). Each item had a dental stop (one of /t, d/) or a velar stop (one of /k, g/) followed by one of the vowels /æ/, /ɛ/, or /eɪ/ (e.g., *dælə'mik*, *geɪfə'mop*). The English front non-high vowels /æ/, /ɛ/, and /eɪ/ were chosen in order to test whether vowel height accounts for the C/Cⁱ variation. Dental vs. velar stops were chosen in order to test whether PoA had any significant effect on palatalization. While there was a possibility that the [+voice]/[-voice] contrast of a target C could also influence the speaker's choice for palatalization, *voice* was not expected to be a significant factor.

All the words were trisyllabic with the main stress on the final syllable. In order to test a correlation between palatalization and position of a target C with respect to stress, half of the items were created with target sounds in the initial unstressed syllable (e.g., *teɪmərəs* (C₁V₁)) and the other stimuli targeted sounds in the stressed syllable (*milə'tæs* (C₃V₃)). The middle vowel (V₂) was always a schwa ([ə], as in *sofə*). There were also 18 fillers consisting of a consonant other than a dental or velar and a vowel /o/ (e.g., *lomə'hɛn*, *ropə'sis*). The items were presented three times in random order to a phonetically trained male American English speaker, who was recorded in a sound-attenuated room.

Procedure

Each participant was placed in a sound-attenuated room with the computer running Experigen - an online experiment platform (Becker and Levine 2013).

Participants were instructed to listen to a nonce English word and repeat it. In order to create the 'native-like' environment for test items, each item had to be produced by participants in a nominative and an inflected genitive or accusative form (marked by the suffix -a) in an appropriate context sentence. Each participant received 24 randomized test items, eight fillers, and one practice item. The total number of recorded forms including fillers and the practice item was 402, of which 288 were target item (288 = 6 participants * 24 target items * 2 morphological categories).

Results: dependent variable F1/F2

F1 and F2 values of input and output vowels were measured in order to test: a) whether speakers map nonnative vowels to the closest output available in the native phonology or they prefer to be faithful to the input; b) whether the input vowel, PoA, and stress have significant effects on F1 and F2 values. The input English

vowels of the stimuli and the Russian output vowels of the participants' productions were measured, and F1 and F2 values of each target vowel, /æ/, /ɛ/, and /eɪ/, were measured using Praat (Boersma & Weenink 2015). Figure (1) gives average F1 and F2 values for the English input vowels at 50% of the vowel duration in both stressed and unstressed contexts.

Fig 1. Average of F1 and F2 values for English input vowels

a. *stressed*

target	F1(Hz)	F2(Hz)
eɪ	520	2003
ɛ	683	1796
æ	749	1762

b. *unstressed*

target	F1(Hz)	F2(Hz)
eɪ	494	2053
ɛ	630	1780
æ	663	1716

As for the output vowels, as predicted, English front vowels /æ/, /ɛ/, or /eɪ/ map to Russian [e]. Timberlake (2004:31) points out that in stressed positions, F1 of Russian [e] is around 506-702 Hz and F2 is around 1800-2400 Hz. According to Jones' study (1959: 178-182), in unstressed positions, Russian /e/ is pronounced higher and further back. It reduces to lax [ɪ] with lower F1 (250- 500 Hz) and lower F2 values (1000-2500 Hz).

Overall, Russian speakers show higher realization of the given English [-high] front vowels and produce them as variants of Russian [e]. Also, as expected, comparing stressed and unstressed positions, target vowels are pronounced as higher and more back with lower F1 and F2 values; the unstressed input /eɪ/ is closer to [ɪ] (Fig 2).

Fig 2. Average of F1 and F2 values for Russian productions

a. *stressed*

target	F1(Hz)	F2(Hz)
eɪ	443	2115
ɛ	523	1852
æ	596	1686

b. *unstressed*

target	F1(Hz)	F2(Hz)
eɪ	398	1884
ɛ	449	1645
æ	459	1559

Hierarchical linear regression models were used to assess whether the input vowel, stress, PoV, and voice were significant factors for vowel height (F1) and vowel backness (F2). The statistical analysis was done using *lme4* package (Bates, Maechler & Bolker 2013) in R (R Core Team 2014). The three-level factor *target* distinguished /æ/, /ɛ/, or /eɪ/. Using Helmert coding, the three levels were reordered into a two two-way contrasts: (eɪ vs. æ/ɛ) and (ɛ vs. æ). The fixed factor *stress* was also coded: *stressTRUE*. vs.*FALSE* (stressed vs. unstressed). A binary predictor that contrasted the place of articulation dental vs. velar was Helmert coded into a one-way contrast: *place.vel.vs.den*.

The regression model for F1 values showed that all three target vowels /æ/, /ɛ/, and /eɪ/ had significant effect on vowel height, which confirms the correlation between the input vowel and F1 of the output. As for the effect of *stress*, we saw significantly lower F1 in unstressed syllables, suggesting that vowel raising does occur in unstressed positions. *PoV* and *voice* did not show any significant effect on vowel height.

The regression model results for F2 values confirmed the correlation between the input vowel and F2 value of the output. The effect of *PoV* was also significant, suggesting that F2 value depends on the place of articulation of the preceding consonant. As for the effect of *stress*, we saw that F2 is significantly lower in unstressed syllables than in stressed syllables, suggesting that unstressed vowels are produced as more back than the stressed counterparts.

Results: palatalization

Palatalization was recorded impressionistically by the experimenter. The effects were tested in a mixed-effects logistic regression model using R (R Core Team 2014) and *lme4* package (Bates, Maechler & Bolker 2013). The effects of target vowel and place were significant. Overall, 44% of target consonants were palatalized across the subjects.

As expected, participants showed the greatest preference for Cj before /eɪ/, 67%, than before /ɛ/, 44%, and /æ/, 23%. Palatalization before /æ/ is the least preferred environment (figure 3).

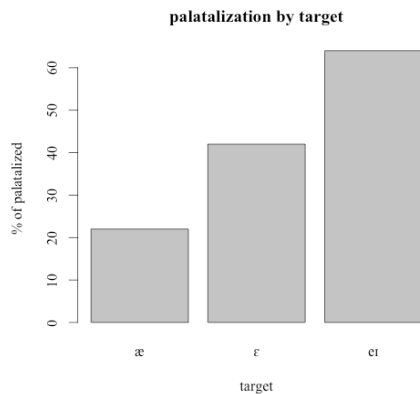

Fig 3. Palatalization of dentals and velars before /æ/, /ɛ/, and /eɪ/

The results for palatalization with respect to stress are not consistent with the prediction that reduced vowels in unstressed syllables drive the process of palatalization. The overall

effect of stress was not significant, but it was not consistent across the three input vowels: stress was conducive to more palatalization on /æ,ɛ/ and less palatalization on /eɪ/ (figure 4).

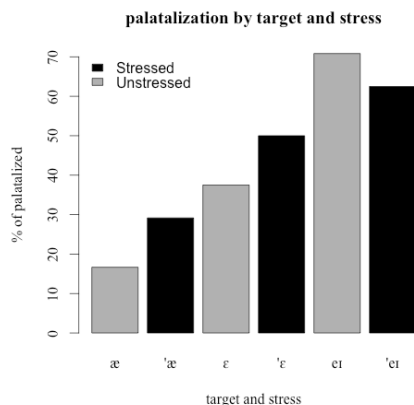

Fig 4. Palatalization of dentals and velars before stressed and unstressed target vowels /æ/, /ɛ/, and /eɪ/.

For the place of articulation of the target consonant, results are inconsistent with the prediction. Universal typologies predict that both places of articulation (velars and dentals)

would be equal targets for palatalization. However, the results show that palatalized velars occur more frequently than palatalized dentals, 71% vs. 18% respectively (figure 5).

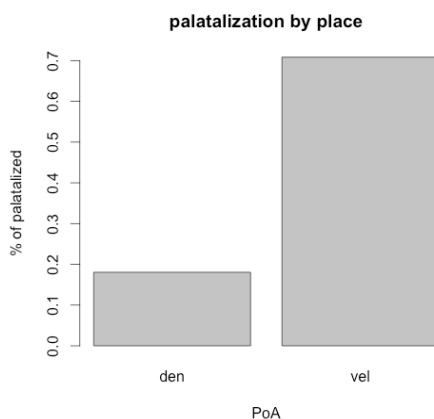

Fig 5. Palatalization of dentals and velars in all environments

The regression model showed that all target vowels, coded as *target* (*e* vs. *æ/ɛ*) and *target* (*ɛ* vs. *æ*) have a significant effect on palatalization. The results confirm the correlation between palatalization and vowel height. Contrary to universal typology, the place of articulation is also a significant factor for palatalization. The velar place of articulation cause significant increase of palatalization, suggesting that in Russian loanword phonology, velars and dentals are in hierarchical relationship with respect to each other. The fixed effect *stress* was not significant, suggesting that position of a target consonant with respect to stress does not have any predictive power on palatalization. As expected, the additional *voice* factor did show any significant effect on palatalization.

3. Conclusion

The main question addressed in this study is what drives palatalization before [e] in the loanword phonology of Russian. The study of nonce loanwords shows that the mechanism of loanword adaptation is driven by universal typologies as well as by the native phonology.

Evidence that the mechanism of loanword adaptation relies on the native phonology comes from differences in frequency of palatalized

velars vs. palatalized dentals. Following the rules of the native phonology, in loanwords, dentals show more resistance to palatalization than velars.

Evidence that the mechanism of loanword adaptation relies on universal typology comes from strong correlation of palatalization and vowel height.

The strong correlation between *stress* and F1/F2 values indicate that Russian speakers rely on the native phonological rules for vowel reduction. Similar to Russian, in loanwords, vowels reduce in unstressed positions.

Vowel reduction, however, did not show any correlation with palatalization: reduced vowels did not trigger any significant increase in palatalization. However, it is possible that high frequency existing loanwords are assimilated to the native phonology, showing native-like vowel reduction. If this is the case, vowel reduction is expected to be significant enough to trigger palatalization.

In sum, understanding an interaction of universal typology with the native phonology can shed light on the issue of how Russian speakers perceive and produce existing words borrowed from a foreign language.

REFERENCES

- ¹ Аванесов, Р.И. (1984). Русское литературное произношение. Москва: Просвещение.
- ² Antonyuk-Yudina, S. (2010). Russian loanword phonology. *Formal Studies in Slavic linguistics*, 23.
- ³ Bateman, N. (2007). A crosslinguistic investigation of palatalization. Doctoral dissertation, University of California, San Diego.
- ⁴ Bates, D, Maechler, Martin, and Bolker B. (2013). lme4.0: Linear mixed-effects models using S4 classes. R package version 0.999999-4. <http://lme4.r-forge.r-project.org/>
- ⁵ Becker, M. & Levine, J.(2015). Experigen – an online experiment platform. Available at <http://becker.phonologist.org/experigen>.
- ⁶ Voersma, P. & Weenink, D. (2015). Praat: Doing phonetics by computer [Computer program]. Version 5.4.17, retrieved 20 August 2015 from <http://www.praat.org/>
- ⁷ Бондарко, Л. В, Вербицкая, Л.А и Зиндер, Л. Р. (1966). 56-64. В Иванов, В. В, Структурная типология языков. Москва: Наука.
- ⁸ Chen, M. (1973). Predictive power in phonological description. *Lingua*, 32(3), 173-191.
- ⁹ Crosswhite, Katherine M. (2000). Vowel reduction in Russian: a unified account of standard, dialectal, and “dissimilative” patterns. In K. M. Crosswhite & J. McDonough (eds.) *University of Rochester working papers in the language sciences*, vol. Spring 2000, no. 1. 107–172.
- ¹⁰ Crosswhite, Katherine M. (2001). *Vowel reduction in Optimality Theory*. New York: Routledge.
- ¹¹ Cubberley, P. 2002. *Russian: A linguistic introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- ¹² Дьяконов, А. И, (2014-2015). *Словарь англицизмов русского языка*, Новосибирск. URL <http://anglicismdictionary.dishman.ru/>
- ¹³ Holden, K. (1976). Assimilation rates of borrowings and phonological productivity. *Language* 52. 131-47.
- ¹⁴ Jones, L. (1959). The contextual variants of the Russian vowels. 157-197. In Morris H., *The sound pattern of Russian*. ‘s-Gravenhage: Mouton.
- ¹⁵ Jurgec, P. (2014). Morphology affects loanword phonology. URL <http://ling.auf.net/lingbuzz/002175>
- ¹⁶ Padgett, J. & Tabain, M. (2005). Adaptive dispersion theory and phonological vowel reduction in Russian. *Phonetica* 62, 14–54.
- ¹⁷ Kochetov, A. (2002). *Production, Perception, and emergent Phonotactic Patterns: A case of contrastive palatalization*. New York: Routledge.
- ¹⁸ Padgett, J. (2001). Contrast Dispersion and Russian Palatalization. In *The Role of Speech Perception Phenomena in Phonology*, ed. E.V. Hume and K. Johnson, 187-218. San Diego: Academic Press.
- ¹⁹ R Core Team. (2014). *R: A language environment for statistical computing*. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Australia. URL <http://www.R-project.org/>
- ²⁰ Timberlake, A. (2004). *A reference grammar of Russian*. Cambridge: Cambridge University Press.

²¹ Wilson, C. (2006). Learning phonology with substantive bias: An experimental and computational study of velar palatalization. *Cognitive Science* 30, 945-982.

²² Wilson, C, Lisa, D, and Sean, M. (2014). Effects of acoustic-phonetic detail on cross-language speech production. *Journal of Memory and Language* 77:1-24.

ACKNOWLEDGEMENTS

I would like to thank my advisors Dr. Michael Becker and Dr. Christina Y. Bethin for their invaluable guidance and constructive comments. Many thanks to the QP Committee Member, Dr. Robert Hoberman for his helpful suggestions. Any remaining mistakes are my own.